

Ф. КРИВИН

УЧЕНЫЕ СКАЗКИ

Ф. КРИВИН

Издательство «Карпаты»
Ужгород 1967

В наш век, когда наука проникает в область фантазии, что остается фантазии? Проникнуть в область науки.

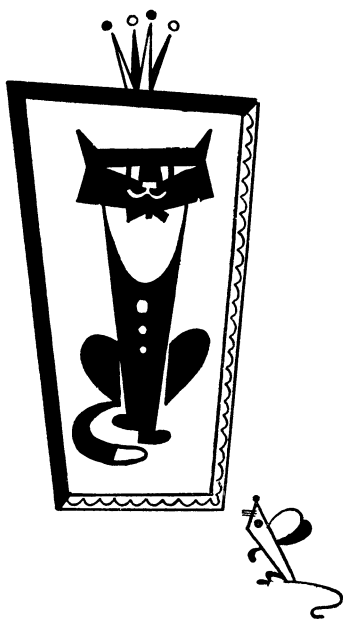
Кроме «Ученых сказок», составивших два раздела, в книгу вошли «Наивные сказки», повесть «Записки Кощея Бессмертного», новеллы «Я был Тарпаном», «Фантастические очерки» и «Неначатые рассказы».

Книга эта веселая — но не настолько, чтобы показаться легкомысленной; грустная — но не настолько, чтобы испортить читателю настроение; серьезная — но не настолько, чтобы занять место среди научных трудов.

Особое внимание следует обратить на «Главу примечаний», которая разъясняет, уточняет и дополняет все, что может показаться неясным, неточным и неполным.

НАИВНЫЕ СКАЗКИ

ЗАДУШЕВНЫЙ РАЗГОВОР

Козел горячился:

— Тоже придумали! Слыхано ли дело — не пускать козла в огород?

Баран был холоден.

— Забор поставили,— горячился Козел.— Высокий забор, а посередине ворота...

— Что? — оживился Баран.— Новые ворота?

— Не знаю, какие они там — новые или старые.

— Вы что же — не рассмотрели?

— Отстаньте,— холодно бросил Козел.— Какое это может иметь значение?

— Ну как же не может? Ну как же не может иметь? — горячился Баран.— Ну как же это не может иметь значения?

Козел был холоден.

— Если не ворота,— горячился Баран,— тогда зачем все? И зачем тогда городить огород?

— Да, да, зачем? — загорелся Козел. — Я то же самое спрашиваю.

— Я не знаю, — пожал плечами Баран.

— Нет уж, скажите, — горячился Козел. — Вы мне ответьте: зачем городить огород?

Баран был холоден.

— Вот так — нагородят, — горячился Козел, — не пролезешь ни в какие ворота.

— Ворота?..

Баран горячился — Козел был холоден.

Козел горячился — Баран был холоден.

И до чего же приятно — встретиться вот так, поговорить о том, что волнует обоих...

НОЧЬ

Было тихо.

Было темно.

В темноте — сквозь окно — светились желтые зрачки звезд.

В тишине — за окном — притаились какие-то шорохи.

Мышка сказала:

— Когда я вырасту большой, я обязательно стану кошкой...

СЛАВНЫЙ ТЫ ПАРЕНЬ, МИШКА!

Все началось с того, что Суслик сказал:

— Славный ты парень, Мишка!

Медведь смутился:

— Ну вот еще! Нашел, о чем говорить!

За обедом Медведь сказал жене:

— Ох, этот Суслик! Такой чудак... Ты, говорит, Мишка, славный парень...

Вечером пришли гости. Посидели, поболтали.

— Ты про Суслика скажи,— подтолкнула мужа Медведица.

— Ох, этот Суслик! — застеснялся Медведь.— Придумает же такое... Ты, говорит, Мишка, славный парень.

— Так и сказал,— подтвердила Медведица.

Гости переглянулись.

— Я и рта не успел раскрыть,— разговорился Медведь,— а он уже: славный ты, дескать, парень...

Потом было утро, потом был день, а вечером гости Медведя сидели в гостях у Суслика.

— Медведь какой-то стал не такой,— жаловался Суслик.— Встречаю его сегодня, и что же? Вы бы видели, как он на меня посмотрел. Дескать, он выше, а я ниже...

Гости переглянулись.

— Я и рта не успел раскрыть, а он уже посмотрел,— жаловался Суслик.— И подумать только: еще вчера был такой славный парень, а сегодня... С чего бы это?

И опять было утро, и опять был день, а вечером гости Суслика сидели в гостях у Суслика.

Медведь не принимал гостей.

ВОЛК НА ЕЛКЕ

В новогоднюю ночь старый Волк особенно остро почувствовал свое одиночество. Увязая в снегу, продираясь сквозь цепкие елки, он брел по лесу и размышлял о жизни.

Да, ему никогда не везло. Самые лучшие куски у него выхватывали из-под носа другие. Волчица — и та оставила его, потому что он мало приносил зайцев.

Эти зайцы, сколько из-за них неприятностей! У кого их много — перед теми все на задних лапах стоят, а у кого мало... Да, в волчьем мире зайцы решают все.

Елки, елки... «Елки-палки,— думал Волк,— когда же все это кончится? Никуда не денешься от этих елок, хоть из лесу беги!»

И вдруг... Волк присел на хвост, потер глаза: неужели правда? Под елкой сидит самый настоящий, самый живой заяц. Он сидит, задрав голову, и смотрит куда-то

вверх, и глаза его горят так, словно ему там невесть что показывают.

«Интересно, что он там увидел? — подумал Волк. — Дай-ка и я погляжу». И он поднял глаза на елку.

Сколько елок видел он на своем веку, но такой ему видеть не приходилось. Она вся искрилась снежинками, переливалась лунным светом, и казалось, что ее специально убрали к празднику, хотя на ней не было ни одной елочной игрушки.

— Елки-палки! — сказал Волк и замер с открытым ртом.

Бывает же на свете такое чудо! Посмотришь на него — и чувствуешь, как у тебя внутри что-то переворачивается — не в желудке, нет, а повыше. И уже ничего не хочется — только сидеть и смотреть.

Так и сидели они рядышком — Заяц и Волк — под новогодней елкой, и смотрели на нее, и внутри у них что-то переворачивалось.

И Заяц впервые подумал, что есть на свете кое-что посильнее волков, а Волк подумал, что, елки-палки, честно говоря, ведь не в зайцах счастье...

СЧАСТЬЕ

Случилось так, что в один день родились в лесу Мышонок и Медвежонок. Пока матери стирали пеленки, отцы выпили на радостях и пошли добывать для своих детей счастье.

А счастьем в ту пору в лесу маги ведали. Они получали его по накладной и отпускали в порядке очереди. Всем распоряжался главный маг, которого называли завмагом.

Увидел завмаг отца Мишку:

— А, Михайло Иванович, почетный гражданин леса! За чем пожаловали?

— За счастьем.

— Сию минутку! Нарезать или целым куском?

— Тут у меня еще приятель есть, — говорит отец Мишка. — Ему тоже надо бы счастья.

Стали искать приятеля, да как его найдешь? Затерялся отец Мышка где-то в хвосте очереди. Делать нечего — взвалил на плечи Мишка счастье и домой поспешил — как бы старуха плохого не подумала.

А отец Мышка отыскался, когда его очередь подошла.

— Тебе чего? — спрашивает завмаг.

— Мне бы счастья, для сына.

— Нету счастья, все вышло! — говорит завмаг, а сам прячет что-то под прилавок.

Так и вернулся отец Мышка домой ни с чем.

— Ох, беда, — заплакала жена. — Нет для нашего сына счастья!

— Ничего, мать, — сказал отец Мышка. — Главное, что есть сын. Вырастет — сам добудет.

Когда счастья нет, — долго тянется время. У отца Мишки — другое дело: не успел оглянуться — сын подрос. А отец Мышка маялся, маялся, и когда сынок на ноги стал, старого Мышки уже и на свете не было.

— Ну, мать, — говорит Мышонок, — собирай меня, пойду в свет добывать счастье!

— А чего тебя собирать? В доме пусто, как стоишь, так и иди. Не пропадешь, ты у меня уже не маленький!

Попрощался Мышонок с домашними и пошел.

— Эй, Мышонок, и я с тобой!

В берлоге переполох.

— Не пушу! — ревет Медведица. — Там сыро, холодно, ты простудишься...

Лег Медвежонок на спину, лапами сучит:

— А я хочу! Хочу!

Тут уж дело серьезное — как бы не заболел ребенок.

Стали Медвежонка в дорогу снаряжать. Уложили счастье — и его, и мамино, и все, какое было в берлоге. Еле взвалил на себя Медвежонок.

— Ты уж, Мышонок, присматривай за ним, — просит Медведица. — Видишь, какой он у нас...

Пошли.

Ковыляет Медвежонок со своим счастьем, а Мышонок бежит налегке. Дорога трудная, неровная, того и гляди лапку подвернешь. И ночевать под открытым небом... Мышонку-то не привыкать, а Медвежонку обидно: у него все-таки счастье!

— Хорошее у тебя счастье, — говорит Мышонок. — Ты бы его подстелил, все же не на сырой земле ночевать.

— Ну, вот еще! — буркнул Медвежонок. — Легко тебе чужим распоряжаться!

Долго шли. Мышонок — на что молодец! — и тот притомился. А тут еще овраг на пути — длинный, глубокий.

Жметя Медвежонок, не решается, видно, боится счастье потерять. А Мышонку терять нечего — раз-два и перебежал на ту сторону.

— Ну, чего ты там?

Стыдно Медвежонку признаться, что он за свое счастье держится, он и говорит:

— Ты, Мышонок, дальше иди, а мне чего-то не хочется. Я, наверно, домой пойду.

Потащился Медвежонок домой. Долго тащился. Сколько дорог, не знаешь, по какой идти, в какой лес сворачивать. Пошел не по той дороге, свернул не в тот лес и — заблудился.

Сидит он в чужом лесу, а время идет. Вот уже и зима наступила. Надо бы берлогу вырыть, да как ее выроешь? Даже не знаешь, откуда начинать — сверху или снизу?

Падает снег, трещит мороз, а Медвежонок сидит, трясется над своим счастьем.

Трясся, трясся, потом перестал. Лежит, не дышит.

Вот тут он лежит, а вот тут — его счастье... Со стороны можно подумать, что Медвежонок умер от счастья, но на самом деле это не так. Не от счастья он умер, а от холода.

А Мышонок долго еще по свету ходил. Правда, счастья так и не нашел, но зато нашел кое-что другое... И стал сам отцом Мышкой, потому что у него родился сын — вот ведь какая радость!

Ну, понятно, как каждый отец, пошел Мышка-младший к завмагу за счастьем. Для себя бы не стал, но для сына — сами понимаете. И в очереди постоял, и просил, и вымаливал. Но опять, как и Мышка-дедушка, вернулся домой с пустыми руками.

— Ох, беда,— плачет жена.— Нет для нашего сына счастья!

— Ничего, мать. Главное, что есть сын. Я прожил без счастья, и он проживет!

«Я прожил без счастья...» — сказал отец Мышка и улыбнулся счастливо.

ЗАЙКИНЫ РОГА

Стащил Зайка в огороде морковку. Идет, а навстречу ему Козел.

— Эй, Заяц, продай морковку!

— А сколько дашь?

— Да у меня, видишь ли, нет ничего — только рога.

Подумал Зайка: рога — это тоже неплохо. Можно и забодать кого при случае.

— Ладно, давай рога.

— Они не снимаются, — объяснил Козел, — но я здесь буду, никуда не уйду.

— Ладно, — говорит Зайка, — сиди здесь. А я побегу, еще себе морковку добуду.

Побежал Зайка в огород, а там Волк. Сидит, нюхает морковку.

— Дяденька, дяденька, — просит Зайка, — продай морковку!

— А сколько дашь? — спрашивает Волк.

— Дам рога, — обещает Зайка. — Хорошие рога, крепкие.

Смеется Волк:

— Откуда же у тебя, у Зайца, рога?

— Есть рога, есть! — клянется Зайка. — Они вон там, за кустом. Правда, вместе с Козлом... если не возражаете...

— С Козлом? — оживился Волк. — Ну что ж, это подходит.

Побежал Волк, сожрал Козла, а Зайка остался со своей морковкой. И неловко Зайке, что так получилось, да что поделаешь? Его, Зайкиной, вины здесь нет, он ведь за что купил, за то и продал...

ГУСИ-ЛЕБЕДИ

— Эх вы, гуси-лебеди! Сидите в своем пруду, а ведь есть на земле такие озера!

— Какие? — спросили гуси-лебеди.

Селезень на минуту задумался.

— Синие-синие. Голубые-голубые. И такие чистые, что трудно даже вообразить.

— Трудно, — вздохнули гуси-лебеди.

— Как бы вам объяснить? — Селезень еще на минуту задумался. — Как бы описать? — Он задумался в третий раз и только после этого стал описывать.

Он не жалел красок. Он брал краски у неба, солнца и звезд и рисовал, рисовал озера. Рано утром — он их уже рисовал и еще рисовал — поздно вечером. Он рисовал и завтра, и послезавтра, и через три дня. Это были удивительные озера.

Постепенно гуси-лебеди научились их воображать. А Селезню они отвели отдельный пруд, чтобы ему было больше простора.

Теперь Селезень рисовал не задумываясь. Его пруд вместил в себя и небо, и звезды, и не нужно было тянуться к ним — они были тут же, под боком. И он рисовал в специально отведенные часы, уже не заботясь о том, чтоб поразить чье-то воображение. Он просто-напросто рисовал...

И пришел день, когда он назвал озеро водохранилищем.

Гуси-лебеди, гуси-лебеди... Тут бы надо что-то сказать, но они промолчали. Они лишь украдкой подняли к небу глаза, чтобы как-нибудь вспомнить те озера... Синие-синие. Голубые-голубые. И такие чистые, что трудно даже вообразить.

МУСТАНГИ

Слух о мустангах обошел весь мир и дошел до Шакала, который, помимо всего, питался также и слухами.

Мустанг... Красивое, стройное животное. Одна голова, одно туловище, четыре ноги...

Шакал посмотрелся в лужу. Ну конечно, не может быть никакого сомнения!

— Кого ты там увидел? — полюбопытствовала Гиена.

— Мустанга, кого ж еще!

Гиена посмотрела на свое отражение.

— Четыре ноги, одно туловище, одна голова, — объяснил Шакал. — Красивое, стройное животное.

— Все правильно, — сказала Гиена. — Но почему ты смотришь в лужу? Разве ты не можешь просто смотреть на меня?

Вот это да! Значит, и она тоже...

— И ты тоже? — спросил Шакал.

— Почему тоже? А кто еще?

Два мустанга стояли над лужей и выясняли свою принадлежность к этому благородному племени.

— Мы очень быстро бегаем, — сообщил Шакал. — Иногда обгоняем курьерский поезд.

— А чем мы питаемся? — коснулась Гиена главного вопроса.

Было бы неразумно сказать ей, что мустанги питаются шакалами. Не стоило также говорить, что они питаются падалью, потому что в этих звериных условиях от шакала до падали один шаг.

— Мы питаемся травкой, — сказал Шакал. — Ну и вообще — растительностью.

— Ах, как хочется растительности! — вздохнула Гиена.

И они стали щипать траву.

Трава была, как трава, — совершенно невкусная. Шакал мусолил ее и смотрел на Гиену. У Гиены была голова, четыре ноги и большое, мясистое туловище.

— Не понимаю, что со мной, — сказал Шакал. — Когда я смотрю на тебя, у меня появляется аппетит, а когда я жую траву, он сразу куда-то пропадает.

Гиена смотрела на Шакала. У Шакала была голова, туловище и целых четыре ноги.

— А скажи, пожалуйста, — сказала Гиена, — мустанги — они не питаются мустангами?

ЛЕВ ИЗ КЛАССА ПРЕСМЫКАЮЩИХСЯ

У этого животного обе половины тела совершенно независимы одна от другой.

Б р э м

Земляной лев — так его величали в древности за его солидность, неторопливость, за его большое достоинство. Из тех немногих шагов, которые он позволял себе на земле, не было ни одного необдуманного.

«Обдумаем ситуацию, — обычно соображал он, сидя неподвижно и производя на всех должное впечатление. — Если сделать шаг влево, то можно нарваться на неприятности, а если сделать шаг вправо, то получится, что я не хочу нарваться на неприятности, и хотя я действительно этого не хочу, но я и не хочу, чтобы так получалось...»

Степенно, неторопливо он обдумывал свой очередной шаг. При этом один глаз смотрел влево, а второй — вправо, потому что так были устроены его глаза. Левый глаз его смотрел влево и видел там славу и опасности, а правый глаз смотрел вправо и видел там бесславие и покой. И вся левая его сторона рвалась влево, а вся правая — вправо, потому что так было устроено его тело.

— Эх, была не была! — говорила левая сторона. — Если уж погибать, так с музыкой!

— Музыка будет печальная, — говорила правая сторона. — Потому что когда погибать — какое уж тут веселье!

Пока его стороны спорили между собой, он сидел неподвижно, и это производило весьма солидное впечатление.

— Как нам быть с удавом? — спрашивали кролики, подойдя к нему с левой стороны.

И он отвечал:

— Известное дело — действовать!

— Как быть с кроликами? — советовался удав, подойдя к нему с правой стороны.

И он отвечал:

— Известное дело — действовать!

И кролики действовали, и удав действовал, а он смотрел на это и все не мог сообразить, какой же тут сделать шаг: влево или вправо?..

Земляной лев!

Так его величали в древности.

А вообще-то его называют хамелеоном.

КАК ЧЕЛОВЕК РЕШИЛ ПРОИЗОЙТИ ОТ ОБЕЗЬЯНЫ

Все звери относились друг к другу с уважением, а иногда даже с трепетом, и только к обезьяне никто не относился всерьез, потому что она дурачилась и кривлялась, как маленькая. И тогда обезьяна сказала:

— Произойди от меня, человек!

Человек не сразу решился:

— Мне бы, понимаешь, лучше от льва. Или, допустим, от носорога.

— А что такое лев? Вот он что такое! — сказала обезьяна и тут же изобразила льва.

Это было довольно похоже, хотя и не так страшно, как настоящий лев.

— А что такое носорог? — сказала обезьяна и приставила к носу растопыренную пятерню.

И вдруг она заговорила серьезно.

— Конечно, — сказала она, — от льва каждый произойдет. И от носорога тоже найдутся охотники. А как быть другим? Зайцам, например? Или нашему брату? — обезьяна вздохнула. — Я вот изображаю тут разных... А почему? Потому что мне собой быть неохота.

— Да, — сказал человек, — бывают такие ситуации.

— Бывают, — кивнула обезьяна. — Только ты не подумай, что я жалуюсь, у меня этой привычки нет. Просто... хочется кем-то стать, чтоб к тебе относились по-человечески. Ты произойди от меня, человек, а?

Говоря так, она опять скорчила какую-то рожу, в которой человек мог бы узнать себя, если б посмотрел повнимательней. Но он смотрел невнимательно, потому что думал совсем о другом.

«Действительно, — думал он, — как это устроено в мире. Кто смел, тот два съел. Сила соломѹ ломит. У сильного всегда бессильный виноват. Каждый хочет произойти от слона или даже от мамонта, а от таких, как обезьяна, никто не хочет происходить. Несправедливо это!»

— Ладно, — сказал он, — произойду. — И пожал обезьяне руку.

И звери, которые все вместе уважали друг друга и все вместе не уважали других, были оскорблены этим поступком. Подумать только, им предпочли — кого!

Так человек произошел от обезьяны. Из чувства справедливости. Из чувства внутреннего протеста. Из чувства простой человечности.

ДОРОГОЙ ЖЕЛТОПУЗИК

Дядя у Желтопузика — с одной стороны — работает крокодилом. Племянник у Желтопузика — с другой стороны — работает головастиком. А Желтопузик как раз посредине, и он, естественно, нигде не работает.

Год не работает.

Два не работает.

Три не работает.

Пора уже справлять юбилей.

На юбилей, как обычно, сходятся гости. С одной стороны, естественно,— дядя и, естественно, племянник — с другой стороны.

— Дорогой наш! — говорят они толстым голосом и повторяют — совсем уже тоненьким: — Наш дорогой!

Мы так спешили, говорят они толстым голосом, мы так торопились, говорят они тонким голосом, мы так рады, так рады, так рады, наш дорогой!

Желтопузик смущается. Он так смущается, что его можно назвать: сначала Розовопузиком, потом — Краснопузиком и наконец — Борзовопузиком. Он слушает эти разные голоса — и смущается, и снова слушает, постепенно превращаясь из Борзовопузика в Краснопузика, из Краснопузика в Розовопузика, а из Розовопузика... ну, конечно, в кого же еще? В дорогого нашего Желтопузика!

Гости располагаются. С одной стороны — дядя, который работает крокодилом, с другой стороны — племянник, который работает головастиком, а посередине — он, Желтопузик, который нигде не работает.

Год не работает.

Два не работает.

Три не работает.

И теперь справляет свой юбилей.

Обычные разговоры. Что слышно? Что нового? Говорят, Бегемота перевели в зоопарк — как вы думаете, это сильное понижение? Да, конечно, теперь ему не будет прежней свободы. А Леопард? У них, слышали, что-то там было с Верблюдом? Интересно, чем это все кончилось?

— У меня новость,— говорит племянник, который работает головастиком.— Кажется, меня скоро переведут в лягушки.

— В лягушки? Ха-ха-ха!

Это смеется дядя, который работает крокодилом.

— Не понимаю, что здесь смешного. Просто я хорошо работал головастиком, и теперь хотят отметить мой рост.

— Рост? И это вы называете — рост? Нет, дорогой, я предпочитаю плохо работать крокодилом, чем хорошо — головастиком.

— А я, дорогой, предпочитаю наоборот.

Желтопузику не приходится занимать гостей. Ему приходится только слушать.

— Когда хорошо поработаешь, как-то на душе веселей. Да и вообще — жить интересней.

— Интересней?

Дядя, который работает крокодилом, наклоняется к племяннику, который работает головастиком:

— Не обижайтесь, дорогой: у вас слишком мелкие интересы.

— И вовсе не мелкие. Вы думаете, головастиком — это просто, да?

— А что особенного?

— Прежде всего голову надо иметь!

Битый час — и все о работе.

Ошибаетесь, мой дорогой, — нет, дорогой, это вы ошибаетесь, — жаль, что вы никогда не были крокодилом, — а мне искренне жаль, что вы никогда не были головастиком, — головастиком, дорогой? — да, дорогой, именно головастиком...

Дядя — с одной стороны, племянник — с другой стороны, а там, совсем в стороне, главный родственник — Желтопузик. Он слушает эти разные голоса и превращается из Желтопузика в Розовопузика, из Розовопузика в Краснопузика, из Краснопузика в Борзовопузика. Потому что — ну сами скажите — кто же здесь в конце концов дорогой? Дядя, который работает крокодилом, племянник, который работает головастиком, или он, Желтопузик, который нигде не работает?

Год не работает.

Два не работает.

Три не работает.

Кто же здесь справляет свой юбилей?

СУДЬБА ИНДЕЙКИ

Орел летал по всему свету. Но его убили.

Индейка носа не кажет из птичника. Но она жива.

Индейку кормят и поят, за ней хорошо присматривают. За ней присматривают, а на Орла смотрят во все глаза. Потому что из него получилось отличное чучело.

На Орла смотрят, — но он все-таки чучело...

Индейка не чучело, — но на нее никто не смотрит.

Правда, она пока жива, это большое утешение. Но ведь рано или поздно из нее сварят суп — и что тогда? Как тогда на нее посмотрят?

Такова она — судьба Индейки. К ней всю жизнь хорошо относятся, а потом съедят, — в отличие от Орла, которого сначала съедят, но зато потом всю жизнь хорошо относятся...

УЧЕНЫЕ СКАЗКИ

ЧИСЛА

Числа делятся на четные, нечетные и почетные. К последним относятся зачастую мнимые числа.

ПИРАМИДА

Чем многограннее пирамида, тем у нее меньше острых углов в соприкосновении с внешним миром.

— Посмотрим на мир с трех сторон...

— Нет, зачем же с трех? Есть ведь и еще одна сторона...

— Разве только одна? Есть еще пять сторон...

— Посмотрим на мир с двадцати сторон...

Чем многограннее пирамида, тем многосторонней она смотрит на мир:

— С одной стороны, это, конечно, неправильно... Но с девяносто девятой стороны... это, пожалуй, верно...

— Давайте взглянем с двести пятьдесят третьей стороны...

— Даже лучше — с восьмьсот семьдесят первой...

А при всестороннем взгляде на мир пирамида и вовсе теряет свою угловатость и превращается в конус, обтекаемый конус: ведь обтекаемость — верх многогранности...

ВЫНЕСЕНИЕ ЗА СКОБКИ

Зато когда его вынесли за скобки, все сразу поняли, что это было за число.

— Это был наш общий множитель!

— Это был наш общий делитель!

Так число приобретает значение. После того, как его вынесут.

ВЫСШАЯ МАТЕМАТИКА

Ноль, деленный на ноль, дает любое число.

В числителе ноль — в знаменателе ноль.

Сверху ноль — снизу ноль.

— Сейчас мы должны получить тысячу, — говорит Верхний Ноль.

— Получим! — отзывается Нижний.

— А теперь мы должны получить миллион.

— Получим!

— А как насчет миллиарда?

— Получим!

Вот оно как хорошо: что захочешь — все получается.

Сверху ноль — снизу ноль.

В числителе ноль — в знаменателе ноль.

Ноль, деленный на ноль, дает любое число.

Только взять эти числа никто не может.

НЕПРАВИЛЬНЫЕ ДРОБИ

С каждым годом у нас все больше дробей, которые превышают целые числа. Сегодня их еще называют неправильными, но завтра их назовут иначе. Потому что дробь, которая стремится стать выше целого, — ведь это, в сущности, самая правильная дробь.

ОТНОШЕНИЕ ВЕЛИЧИН

Коршун относится к воробью так, как воробей относится к муравью.

— Чтоб ты пропал! Ты же знаешь, как я к тебе отношусь!

Еще бы не знать! Большая величина относится к меньшей так, как меньшая относится к еще меньшей.

— Извините, это в последний раз... Вы же знаете, как я к вам отношусь...

И это известно: меньшая величина относится к большей так, как большая относится к еще большей.

Муравей относится к воробью так, как воробей относится к коршуну.

ЗОЛОТО

Кислород для жизни необходим, но без Золота тоже прожить не просто. А на деле бывает как?

Когда дышится легко и с Кислородом вроде бы все в порядке,— чувствуется, что не хватает Золота. А как привалит Золото — станет труднее дышать, и это значит,— не хватает Кислорода.

Ведь по химическим законам — самым древним законам Земли — Золото и Кислород несоединимы.

ОКИСЛЕНИЕ

— Окисляемся, браток?

— Окисляемся.

— Ну и как оно? Ничего?

— Ничего.

Разговор ведут два полена.

— Что-то ты больно спешишь, это, браток, не по-моему. Окисляться надо медленно, с толком, с пониманием...

— А чего тянуть? Раз — и готово!

— Готово! Это смотря как готово... Ты окисляйся по совести, не почем зря. У меня в этом деле опыт есть, я уже три года тут окисляюсь...

Окисляются два полена. Одно медленно окисляется, другое быстро.

Быстро — это значит, горит.

Медленно — это значит, гниет.

Вот какие бывают окисления.

ГЕЛИЙ

Пользуясь тем, что его впервые открыли на Солнце, Гелий держится особняком и пренебрегает нормальными химическими отношениями.

— Вот у нас на Солнце! — говорит Гелий. — Там не то, что здесь!

А собственно, что же такое на Солнце? Водород, углерод, железо — все то же, что и на Земле. Да и сам Гелий — обыкновенный земной элемент, только его на Солнце раньше заметили.

И о Солнце Гелий говорит лишь для того, чтобы оправдать свою земную инертность.

ХИМИЧЕСКАЯ РЕАКЦИЯ

У Аргона на внешней орбите предельное количество электронов. А почему?

— Мы живем в век химического прогресса, — говорит газ Аргон. — В наше время электроны решают все. А что мы видим в Периодической системе? Вот вы, например, — как вас там? Алюминий? Потрудитесь встать. Сколько у вас на внешней орбите?

— Три.

— Ну вот, пожалуйста. А у вас? Медь, если не ошибаюсь?

— У меня один, — говорит Медь, краснея.

— Один электрон! Это же преступление! Что вы отдадите, когда надо будет отдать, с чем вы не посчитаетесь, когда надо будет не посчитаться?

Хорошо говорит газ Аргон.

Но вот наступает химическая реакция.

И Медь, и Алюминий, и другие металлы, которым нечего терять, кроме одного-двух электронов, отдают все, что имеют. А Аргон не отдает. Ему есть что терять. Поэтому Аргон не спешит проявлять активность.

Одно дело — химический прогресс, а другое — химическая реакция!

ЛАКМУС

— Сегодня щелочь, завтра кислота... Вот так и живем...

— А сам-то ты как относишься к химической реакции?

— Да никак. Просто меняю окраску.

СПЕКТРАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

На вкус и на цвет товарищей нет. И когда Ньютон заговорил сразу о семи цветах, у него стало в семь раз меньше товарищей.

— Он и прежде любил утверждать, что белое — это черное, — припоминали бывшие товарищи. — А теперь выходит, что белое — это красное, оранжевое, желтое, зеленое, голубое, синее и фиолетовое? Так, что ли надо его понимать?

Все знали, как надо понимать, и все ничего не понимали. И тогда, чтобы им объяснить, Ньютон взял семь цветов и соединил в один белый цвет.

— Ну, знаете! — зашептались вокруг. — Семь цветов — в один!

И у Ньютона стало еще в семь раз меньше товарищей.

ФИЗИЧЕСКИЙ ЗАКОН

Великие открытия совершаются чисто случайно.

Чисто случайно встретились в лесу Еж и Лев.

— Приготовься, Еж, — говорит Лев, — сейчас я тебя ударю.

Приготовился Еж: свернулся клубком, не поймешь, где у него душа, а где пятки.

Лев размахнулся и — хлоп! В чем дело? По всем расчетам Ежу бы на три метра отлететь, а он отлетел только на полтора. А на остальные полтора отлетел Лев. Да и этих метров показалось ему мало: поджал хвост — и ходу!

«Интересное явление,— подумал Еж,— надо будет его проверить!»

Стал он его проверять, как полагается в научном исследовании. Делал опыты и на волках, и на медведях. Все подтвердилось: чем сильнее удар, тем дальше зверь отлетает. Вот так Еж и открыл закон:

ДЕЙСТВИЕ РАВНО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ

Это было великое научное открытие. До сих пор в лесу только действовали, а противодействовать никто не решался. Теперь же все воспрянуло духом. Зайцы, бобры, суслики — всякая лесная мелкота повывезла из своих нор, прет прямо на Льва.

— А ну,— говорит,— ударь!

Начал Лев ударять. Народу перебил — глядеть страшно.

— Это не по закону! — возмущается мелкота. — По закону действие равно противодействию!

Ударяет Лев. Ему наплевать на законы.

И тут нашелся один Суслик. Подытожил все опыты и — дополнил закон Ежа:

ДЕЙСТВИЕ РАВНО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ — ЭТО
ФИЗИЧЕСКИЙ ЗАКОН. НО ТАМ, ГДЕ ДЕЙСТВУЕТ
ФИЗИЧЕСКАЯ СИЛА, ФИЗИЧЕСКИЕ ЗАКОНЫ
БЕЗДЕЙСТВУЮТ.

В науке этот закон известен под именем закона Ежа — Суслика.

АБАЖУР

На проводе — Абажур:

— Нет, товарищи, свет — это все-таки здорово! Свет — это очень, товарищи, хорошо!.. Только ведь надо его подать, преподнести, так сказать, в выгодном свете...

— Проводники, проводники... Каждый проводит свою линию... Одним надо где-то светить, другим — чего-то там двигать... Тоже двигатели нашлись, осветители. И ведь сколько ихнего брата на этом горит, а все туда же тянутся... Мир хотят изменить — знаем, не в первый раз! Перемена постоянного тока, постоянство переменного... Изолировать надо таких — чтоб другим не повадно!

К. П. Д.

Отношение рожденной мышки к родившей ее горе называется коэффициентом полезного действия.

ЛЮБЕЗНОСТЬ

— О, простите, я не одето! — улыбнулось Солнышко и натянуло на себя тучку.

— Ну не сидеть же вам в темноте! — нахмурилась Тучка и зажгла молнию.

— К вашим услугам! — сверкнула Молния. — Что бы такое вам зажечь? — И она зажгла домик.

— С вашего позволения, я сгорю, — зарделся Домик. — Но вы не беспокойтесь, я оставляю после себя пламя... — И Домик поджег соседние домики.

— Рады стараться! — загорелись Соседние Домики и подожгли весь город.

Земля была растрогана.

— Вы очень любезны,— сказала она и посыпала голову пеплом.

ЗАКОН ВСЕМИРНОГО ТЯГОТЕНИЯ

У Вселенной не порядок с одной Галактикой.

— Что это у тебя, Галактика? Как-то ты вся зату-манилась?..

— Да вот — Солнце тут есть одно...

У Галактики не порядок с одним Солнцем.

— Откуда у тебя, Солнце, пятна?

— С Землей что-то не ладится...

У Солнца не порядок с одной Землей.

— Что у тебя, Земля, там происходит?

— Понимаешь, есть один Человек...

У Земли не порядок с одним Человеком.

— Что с тобой, Человек?

— Бог его знает! Ботинок как будто жмет...

Один ботинок — и тяготит всю Вселенную!

ГОРИЗОНТ

Подшло Солнце к Горизонту.

— Спрячь меня,— просит.— Такой горячий день, нет отбоя от посетителей.

— Неудобно как-то,— кривится Горизонт.— Что обо мне на земле подумают?

— А кто будет знать? Если спросят, скажешь — не видел.

— Не умею я врать,— колеблется Горизонт.— Ну да ладно, что с тобой поделаешь?

Спряталось Солнце за Горизонт, и тут-то о нем все стали спрашивать. А Горизонт и вправду не умел врать.

— Не знаю,— говорит.— Не видел.— А сам покраснел, каждому ясно, что врет Горизонт — знает он, где Солнце.

Красный-красный стал Горизонт. «Ну его,— думает,— это в последний раз. Больше я с этим Солнцем не связываюсь».

Так думает Горизонт. А как оно будет на самом деле? Что тут гадать! Подождем до завтра.

ШИРОТА

— В нашем деле главное — широта!

Ну, если так считает Экватор, то что остается другим кругам? Им остается мыслить ему параллельно.

Расходятся от Экватора по карте круги, но сходятся в общем мнении. И даже самый узенький, съезжившийся кружок у полюса, и тот не преминет подчеркнуть:

— В нашем деле главное — широта!

ПАРАЛЛЕЛИ И МЕРИДИАНЫ

— Главное направление — с запада на восток!

— С севера на юг — главное направление!

Воображаемые линии ведут воображаемый спор, но ничего не меняется на земном шаре.

МЫС

— Я так окружен водой... Меня даже можно назвать полуостровом... Но если вам все равно, зовите меня полуко́нтинентом...

МАСШТАБ

— Я — Океан.

— Одну минуточку, посмотрим по карте. Приметы есть?

— Как вам сказать... Ну, Океан, стихия.

— Называется как?

— Тихий называюсь. Тихий океан. Или еще — Великий.

— Ого! Даже так!

— Так, так, во мне ведь тысячи километров!

— Успокойтесь, Океан, сейчас проверим ваши километры. Здесь вам не стихия, здесь вам план. Точный, масштабный план местности... Так вот, Океан: по нашим масштабам ваш километр равен одной тысячной миллиметра. Вот вам и великий. У нас нет великих. У нас все одинаковые.

НЕБО

Ночное небо смотрит тысячью глаз, и от этого Земле не так одиноко. Можно выбрать любую звезду и смотреть на нее до утра — это гораздо лучше, чем спать, хотя некоторые придерживаются другого мнения. Можно зажечь свои огни и послать сигнал в пространство: «Эй, как там у вас?» Можно полететь к звездам...

Но как жить, когда на небе нет звезд? Небо слепое, оно потеряло Землю, и она теперь крутится сама по себе. Земля тоже слепая. Она тычется в пустоту, она спрашивает: «Небо, ты здесь? Где ты, Небо?»

Издавна люди научились находить дорогу по звездам...

ЛУННЫЕ ЛЮДИ

Странная это была планета. Она не крутилась так, как наша Земля: день с солнцем, ночь с луной, хотя и солнце, и луна у нее были. Планета умудрялась крутиться так, что одна ее сторона была повернута только к солнцу, а другая — только к луне.

И на этой, лунной, стороне жили люди...

Они жили здесь много лет и никогда не видели солнца. Но человек не может жить без солнца, и потому люди считали солнцем свою луну.

Они все делали при луне — и работали, и любили. При луне они воспитывали своих детей и учили их стремиться к свету. Ведь они не знали, что свет их — вовсе не свет, а только отражение света.

Люди были маленькие и незаметные в полумраке. Но зато тени их, как всегда бывает при луне, вытягивались

на целый квартал и поднимались до крыш зданий. Тени ходили по городу, знакомились, обменивались новостями. Тени провожали друг друга и целовались у подъездов, и после этого рождались маленькие тени, которые потом вырастали, и все начиналось с начала. Людям казалось, что они живут в царстве теней, и они были осторожны и подозрительны.

Так жили лунные люди. Им был дорог их полусвет, он тешил их получувства. И полумечты людей не простирались дальше своей, лунной половины планеты. «Ничто не ново под луной», — упорно твердили старики. Но выросли их дети и захотели нового.

Вышли дети на большую дорогу и пошли куда глаза глядят, а за ними потянулись старики, потому что им казалось, что дети их все еще маленькие и нуждаются в присмотре.

Далеко ушли лунные люди от родных домов и пришли туда, где кончалась луна и начиналось солнце.

Это было удивительное зрелище. Старики отступили и прикрыли руками глаза, а молодые шагнули навстречу солнцу.

— Вот это солнце! — сказали они. — Это настоящее солнце, и только под ним стоит жить!

А старикам поздно начинать жить — им ли на старости лет менять себе солнце?

— Нет, это не солнце, — сказал один из них и бросил в солнце камень. Но камень до солнца не долетел, он вернулся обратно и убил старика.

Отошли старики в сторону и стали думать, как быть.

Старикам думать легко: у них и опыт, и знания. Они могут такое изобресть, что молодым и во сне не приснится.

И решили старики взорвать солнце. Тогда вернутся их дети домой, и снова все будет, как прежде.

За дело взялись самые мудрые ученые и самые ученые мудрецы. Они работали, не зная сна, потому, что при солнце не научились спать, и еще потому, что, как все старики, страдали бессонницей. Вероятно, их усилия были безуспешны: вскоре вселенную потряс такой взрыв, что теперь никто не может сказать, куда девались и эти ученые, и эти мудрецы, и вся их планета. Существуют, конечно, догадки, что, дескать, была планета; а дальше — никаких подробностей.

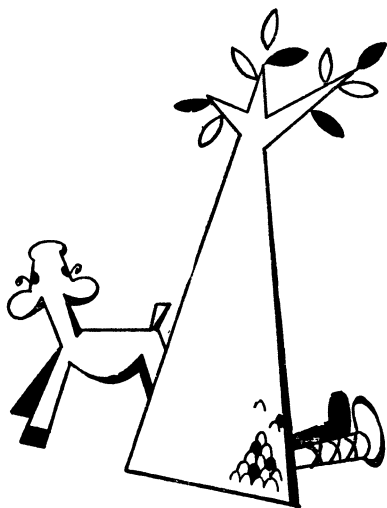
Но если подумать, и о подробностях можно догадаться. Взорвали планету лунные старики, которые замыслили взорвать солнце.

Разлетелась планета на мелкие кусочки, и полетели эти кусочки на другие планеты, чтобы всех предупредить: нельзя идти против солнца.

И на нашу Землю падают эти кусочки — только мы не всегда придаем им значение.

ЗАПИСКИ КОЩЕЯ БЕССМЕРТНОГО

1. СКАЗКА ПРО БЕЛОГО БЫЧКА

Рассказать вам сказку про белого бычка? Вы говорите — рассказать, я говорю — рассказать. Рассказать вам сказку про белого бычка?

Я живу в этой сказке.

Это у самого леса, не доходя. Если идти по дороге, нужно свернуть у ларька и по тропинке, по тропинке — прямо к нам, на нашу лужайку.

Место у нас хорошее, не хуже других. Трава высокая, посредине дерево, а под деревом — мы с бычком. Лужайка маленькая, но для двоих — как раз. Не тесно.

Рассказать вам сказку про белого бычка? Это и есть наша сказка.

Сразу за нами начинается лес — хозяйство бабы Яги. Одни заводят себе цветники, другие — садик или огородик, а баба Яга завела себе темный лес и живет посреди него в своей избушке на курьих ножках. Конечно, ее тоже мож-

но понять: живет старушка одна, дети, какие были, давно разъехались, вот она и окружила себя темнотой, чтобы никто не глядел на ее старость. Старость — не радость, чтоб на нее глядеть.

Правда, не все так думают. Вон там, по ту сторону дороги, лежит огромная синяя сказка, на берегу которой стоит старый рыбак. Станный рыбак. Каждый день он забрасывает в море свой невод и все, что поймается в него, выпускает обратно в море, хотя он очень бедный старик и у него очень злая старуха. Потому что обычная рыба его не устраивает, ему нужно поймать золотую рыбку. Это тянется с тех пор, когда старуха его была еще красной девицей и он решил поймать для нее что-то особенное. И вот прошла целая жизнь, красна девица стала злой, некрасивой старухой, но старик этого не замечает, ему кажется, что все осталось по-прежнему...

Если идти от нас по тропинке, то придешь к ларьку, в котором торгует Золушка. Это ее сказка, вернее, не ее, а ее тетки, доброй волшебницы. Раньше Золушка жила в другой сказке, но та сказка ей не понравилась. Бывают такие сказки: как будто волшебные, а на самом деле бытовые. И вот Золушка ушла из своей бытовой сказки, которая сначала ей казалась волшебной.

— А ты кто такой?

На этот вопрос я никогда не умел ответить. Да и вряд ли найдется человек, который смог бы ответить на этот вопрос. Емеля-дурак управляет королевством, а Бова-королевич чистит у него лошадей. Кто из них королевич, а кто дурак?

Рассказать вам сказку про белого бычка? Если есть бычок, то должен же кто-то за ним присматривать...

Я присматриваю. Я слежу за тем, чтобы он хорошо ел, хорошо спал и, чего доброго, не залез в чужую сказку.

Может быть, я Иван-царевич. Может быть. Может быть, Еруслан Лазаревич. Но если мой бычок недоспит, какое это имеет значение?

Золушка ушла из своей неволшебной сказки и теперь продает в ларьке волшебные палочки. Торговля идет хорошо, потому что палочки она продает бесплатно. Перед ее ларьком всегда очередь: многие покупают волшебные палочки на дрова...

Золушка торгует бесплатно, а старый рыбак выпускает

в море рыбу, которую вытащил с таким трудом... Вот они какие, волшебные сказки...

Рассказать вам сказку про белого бычка? Она у нас совсем не волшебная. Бычок пасется, а я смотрю, чтобы он хорошо ел, хорошо спал... Обычная бытовая сказка...

— Добрый день, как вы тут поживаете?

Это Змей Горыныч, сосед. Тот, который недавно усыновил Мальчика-с-пальчика. Одиноким он, вот и усыновил. Теперь ходят вдвоем, друг на дружку радуются.

— Скажи «папа»,— просит Змей.

— Папа,— говорит Мальчик.

Змей Горыныч прямо тебе человеком стал. Прежде буянил, а теперь его и не слышно. Мимо пройдет — поклонится:

— Добрый день, как вы тут поживаете? Заходите,— говорит,— посмотрите на моего Мальчика.

Так мы живем. Посредине мы с бычком, а вокруг наши соседи. А может, мы совсем и не посредине, может, это только так кажется?

Рассказать вам сказку про белого бычка? Про нашу лужайку, про дерево, под которым мы любим сидеть? Это не очень большое дерево, но когда стемнеет, мы как будто в лесу. Так же шепчутся листья, и ветки склоняются до земли, и бычок прижимается ко мне — ему все кажется, что из-за нашего дерева выскочит волк.

Потом наступает утро, и сразу редет наш лес. Я отвязываю бычка от дерева, отправляю его пастись и смотрю — что там в соседних сказках.

Старый рыбак тянет невод... Мальчик-с-пальчик... Баба Яга...

Рассказать вам сказку про белого бычка? Каждый день мы ее начинаем с начала...

2. ЗОЛУШКА

Вон там дорога, а при дороге ларек. Если выйти из этого ларька и пойти по тропинке в сторону леса, то придешь прямо к нашей лужайке. Здесь можно остановиться, полежать на траве. Пусть себе пасется бычок — он никому не мешает.

— Как тебе у нас?

— Хорошо.

— Здесь и троим места хватит.

Золушка смеется:

— Но вас же двое. Зачем же троим?

— Мало ли что? Сейчас двое, а будет трое. Так даже лучше, правда?

— Нет, не правда,— говорит Золушка.

У нас лужайка, а на лужайке дерево. А под деревом мы с бычком. Нас с бычком — раз-два и обчелся, и нам так не хватает кого-нибудь третьего... Нет, конечно, не кого-нибудь...

— Золушка,— говорю я,— ну зачем тебе эта теткина сказка? Не век же в ней вековать.

Я чудак. Я ничего не понимаю. Потому что как же Золушка оставит ларек? Должен же кто-то продавать волшебные палочки?

— Бесплатно?

Конечно. Чтобы было больше чудес.

— Золушка,— говорю я,— разве тебе плохо на нашей лужайке? У нас вот и дерево есть — правда, не очень большое дерево, но когда стемнеет — это все равно, что в лесу. И будем мы под этим деревом жить-поживать да добра наживать — чем плохо?

И опять я ничего не понимаю. Я живу в своей сказке, как в лесу, хотя у меня здесь всего одно дерево.

— Жить-поживать? — говорит Золушка. — Но ведь это же конец сказки. Когда так бывает, значит, уже конец.

В начале начало, а в конце конец. Одного этого достаточно, чтобы испортить любую сказку.

Так было у Золушки.

В той сказке, в которой она раньше жила, у нее было мало радости. Злая мачеха, злые сестры — попробуй им угодить. Сколько ни работай — никакой благодарности. Но потом Золушку полюбил принц, она стала его невестой, и тогда-то случилось самое страшное:

ВСЕ СТАЛИ ЖИТЬ-ПОЖИВАТЬ ДА ДОБРА НАЖИВАТЬ.

Туфельку больше не возили по городу в поисках Золушки,— теперь Золушку возили по городу в поисках туфелек, бальных платьев, жемчугов, бриллиантов и других предметов первой царской необходимости.

Золушка жила во дворце: прежде чем стать принцессой, ей надо было привыкнуть к новым условиям. Ей на-

до было привыкнуть к мягкой постели и вкусной еде, к лакеям, которые угадывают мысли на расстоянии, и к советникам, которые на расстоянии подсказывают мысли.

Было просто удивительно, откуда взялась эта роскошь. Золушка пробиравась на конюшню, где стояли великолепные рысаки, похожие на рысаков доброй волшебницы, и спрашивала у них:

— Лошадки, лошадки, вы из какой мышеловки?

Но лошади в ответ презрительно фыркали, потому что происходить из мышеловки считали для себя унижительным.

Золушка подходила к лакею:

— Добрый человек, вы не могли бы снова стать ящерицей?

И лакей отвечал так, как отвечают все лакеи:

— Как будет угодно вашей милости.

Золушка часто вспоминала теперь о своей тесной камерке. Да, конечно, там было сыро и холодно и приходилось много работать, но зато там мыши превращались в рысаков, а тыква — в карету. Здесь же, во дворце, ничего этого не бывает. Здесь кареты не растут в огороде — их делают знаменитые мастера, и бриллианты здесь — просто бриллианты, а золото — просто золото...

— Почему ты не радуешься? — спрашивал у нее принц.

— Мне не радостно.

— Это не причина. А почему ты не веселишься?

— Мне не весело.

— Это не причина.

Кончилось тем, что Золушка сняла туфельки и босиком ушла из дворца.

Прежде, когда она оставляла одну туфельку, у принца была еще какая-то надежда. Но увидев две туфельки, он понял, что все кончено.

А Золушка ушла далеко-далеко, к своей старой тетке — доброй волшебнице. Вдвоем они открыли ларек и продают в нем волшебные палочки.

— Но ведь многие покупают их на дрова!

— Ну так что ж? Ведь это самые обычные палочки, тут все зависит от людей. Важно, чтоб люди хотели. Если очень захотеть, даже твой прутик может стать волшебной палочкой.

Мой прутик, которым я иногда погоняю бычка.

— У меня таких прутиков целое дерево, — сказал я. —

А нас с бычком только двое. Если б ты согласилась жить у нас...

— Ну и что?

— Мы бы вместе сидели под этим деревом.

— Ну и что?

— Ничего. Просто сидели б.

— И конец?

— Нет, Золушка,— сказал я,— у нас с тобой конца не будет. Ведь у нас сказка про белого бычка. Рассказать тебе сказку про белого бычка? Ты говоришь — рассказать, я говорю — рассказать... А там опять все повторяется.

Все повторяется. Вчера мой бычок щипал траву, потом бегал по лужайке, потом спал. А сегодня он снова щиплет траву, бегают по лужайке...

Все повторяется. Все повторяется.

Но она сказала, что в жизни ничего не должно повторяться, что повторение — это все равно что конец. И что лучше иметь одну простую палочку, которая, если захотеть, может стать волшебной, чем иметь целое царство и больше уже ничего не хотеть.

У меня нет царства. У меня только лужайка, а на ней дерево. Если с этой лужайки пойти по тропинке, то придешь к ларьку.

Я смотрю ей вслед. Я машу ей прутиком и хочу, чтоб она обернулась. Я очень хочу и машу прутиком.

Она оборачивается, но тут же спешит дальше. От нашей лужайки — по тропинке — к ларьку, у которого уже собралась длинная очередь.

Золушка продает палочки. Торговля идет хорошо. Покупатели соблюдают очередь: они становятся в самый конец и постепенно подвигаются к началу. В жизни обычно бывает наоборот, и только в очереди можно нарушить этот обычай.

3. СКАЗКА ПРО БЕЛОГО БЫЧКА

Тропинка выбегает с лужайки и пробегает мимо ларька. Нет, она не пробегает мимо — она останавливается и долго чего-то ждет. Чего она ждет? Что кто-то покинет ларек и ступит на нашу тропинку?

Никаких следов. Примятая трава за ночь опять поднялась, будто по ней и не ходили. Никаких следов.

— Му-у! — говорит мой бычок.

Что му, то му. Действительно, лучше не скажешь.

А тропинка все ждет. Она стоит у ларька и не желает двигаться дальше. И я то и дело смотрю —

ждет она или не ждет?

Ждет она или не ждет?

Мне не видно.

Сгущаются сумерки, и к нам подступает наш лес.

Бычок прижимается ко мне: ему страшно. Он боится, что из-за нашего дерева выскочит волк.

Ждет она или не ждет?

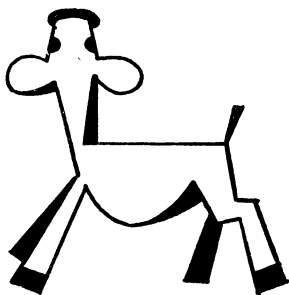
Я рассказываю ему сказку.

— В некотором царстве, в некотором государстве, — рассказываю я, — жил-был белый бычок. И вот этот белый бычок полюбил белую ворону...

Мой бычок закрывает глаза, чтобы лучше увидеть сказку, а я рассказываю дальше:

Как-то вечером, выглянув во двор, белый бычок увидел на заборе что-то белое. Может, это хозяйка повесила сушить что-нибудь из белья, а может, повесила объявление, что продается бычок, еще молодой, но хорошей породы? Белый бычок ничего об этом не знал, и он решил, что на заборе сидит белая ворона.

Он еле дождался утра и первым делом бросился к забору. Но — то ли высохло белье, то ли хозяйка сняла свое

объявление,— в общем, белый бычок увидел, что ворона его улетела.

Он ходил по двору, заглядывал на деревья и так высоко задирал голову, что все смеялись над ним, говорили, что он ловит ворон, хотя на самом деле ему была нужна только одна ворона. «Белая ворона? — качала головой лошадь.— Может быть, белые ворота?» «Может быть, новые ворота?» — осведомлялся баран. «Может быть, новое корыто?» — уточняла свинья.

Мой бычок широко раскрывает глаза, чтобы прогнать от себя страшную сказку, и тогда я заканчиваю иначе, не так, как хотел:

— Он ушел со двора и с тех пор бродит по свету. Он идет то за тучкой, то за белым дымком, заглядывается на снежные вершины и на пропадающие вдаль паруса... Неужели на белом свете для белого бычка не найдется белой вороны?

— Му-у! — радостно говорит мой бычок, нисколько не сомневаясь, что рано или поздно белая ворона будет найдена.

Ждет она или не ждет?

Тихо шепчутся листья в нашем темном лесу, будто продолжают мою историю:

— А белая ворона ищет бычка... Ищет, хотя черные вороны твердят, что белых бычков не бывает на свете... Не бывает на свете белых бычков...

Еще одно утро. Большое, светлое утро, а в центре его — ларек. А возле ларька по-прежнему топчется наша тропинка.

Напрасно топчется. Потому что никто никого не ищет и никто никого не ждет.

4. МАЛЬЧИК-С-ПАЛЬЧИК

Рассказать вам сказку про белого бычка? Третий день мы идем с ним по горной дороге, которая то петляет по склонам, то круто забирает вверх, то узенькой лентой повисает над пропастью. Мы идем, разрушая непрочный грунт, и камни, ускользая у нас из-под ног, стремительно уносятся в бездну. А бездна все глубже, и небо приближается к нам.

Горная страна, владение соседа Горыныча. Кажется,

близко, а мы идем третий день, потому что расстояния в горах — это особые расстояния. Тут очень важно, куда идешь: если вниз — можно скатиться за пару минут, а вот вверх нужно долго и трудно взбираться.

Мой бычок несколько раз пытался сорваться с горы, но я крепко держу его за веревку. Он у меня любит свободу, но дай ему свободу сейчас... Кажется, он начинает это понимать и относиться к веревке с уважением.

Мы ушли из своей сказки. Мы ушли из нее, потому что у нас каждый день все повторяется, а повторение — это все равно что конец.

Домик Горыныча вынырнул из-за горы так, будто хотел перебежать через дорогу, да так и застыл посередине, зазевавшись на неожиданных гостей.

Дорога вела прямо к нему, хотя, по правде сказать, она совсем не вела, а наоборот, на последних шагах оказывала самое отчаянное сопротивление.

Но вот, наконец, мы прибыли. Я привязываю бычка к воротам, чтобы он, не дай бог, куда-нибудь не свалился, а сам вхожу в дом.

Что такое дом соседа Горыныча, представить довольно легко, поскольку тут не нужно представлять ничего лишнего. Просто — крыша, просто — четыре стены, а внутри — отдаленный намек на мебель. Впрочем, довольно грубый намек, потому что и стол, и скамья сделаны одним топором, без помощи какого-нибудь более тонкого инструмента.

Стол заполняет собой всю комнату, тянется от двери к окну, и я не сразу замечаю Мальчика-с-пальчика, который, как мужичок на огромном поле, трудится на краю стола.

Он меня тоже не замечает. Я подхожу, останавливаясь у него за спиной и смотрю, как он старательно выводит в тетрадке:

$$\begin{array}{l} 1 \text{ волк} + 7 \text{ козлят} = 1 \text{ волк.} \\ 1 \text{ волк} + 1 \text{ ягненок} = \end{array}$$

Боясь, что таким образом он уничтожит всех животных, я прерываю его занятие:

— А где папа?

— Его нет,— говорит Мальчик, не поднимая глаз от тетрадки.

Судьба ягненка была решена. Мальчик уже занес руку, чтобы записать это решение, но тут я задал новый вопрос:

— А куда он ушел?

Этот вопрос, как видно, пришелся ему по вкусу. Он даже легонько прыснул в кулак, потом отодвинул тетрадь и посмотрел на меня веселыми глазами.

— Пошел с кем-нибудь посоветоваться,— сказал Мальчик и засмеялся, впрочем, сдержанно, поскольку речь шла об отце.

— О чем посоветоваться?

Какое-то время на его лице шла борьба между природным озорством и воспитанным почтением к родителю. Второе все-таки взяло верх, и когда Мальчик заговорил, лицо его было совершенно серьезно.

— Известно, о чем... О моем воспитании...

Мальчик слез со скамейки и подошел ко мне. Взял у меня прутик, махнул им несколько раз из стороны в сторону, затем отдал прутик и не спеша вернулся на свое место.

— Он совсем не умеет воспитывать. Другой возьмет палку или ремень, а он только и знает, что ходит советовать.

— Ты что ж, не доволен?

— Да нет, я доволен, мне только на него жалко смотреть. Все ему глупости советуют, а он после переживает.

И Мальчик-с-пальчик рассказал о своей последней продаже.

У них в классе есть Царевна Лягушка. Она, конечно, больше лягушка, чем царевна, а воображает, будто наоборот. Вот подождите, говорит, ко мне прилетит стрела, а за ней придет царевич, и он меня заберет, и я стану царевной. Вот за это ее прозвали Царевной Лягушкой. А так она просто Лягушка.

Мальчик замолчал и нахмурился.

— А дальше что?

— Дальше я взял и пустил эту стрелу. Будто от царевича.

— И она поверила?

— Поверила,— серьезно кивнул Мальчик.— Теперь ходит с этой стрелой, носит ее за пазухой.

— А вы смеетесь?

— Смейся,— сказал Мальчик-с-пальчик и еще больше нахмурился.

Бедная Лягушка! Мы себе тут спокойно сидим и разговариваем, а она там носится со своей стрелой, думает, что это на самом деле. И ждет своего царевича, и когда куда-нибудь идет, предупреждает соседей: «Тут один царевич должен прийти. Вы скажите, что я ненадолго ...»

Вот когда мне пригодилась бы волшебная палочка. Я помог бы Царевне Лягушке, а заодно и Мальчику-с-пальчику, которому тоже, видно, не по себе. Но Золушка говорит, что если очень захотеть, даже мой прутик может стать волшебной палочкой... А я ведь очень хочу...

Так подумал я и — махнул прутиком.

5. ЦАРЕВНА ЛЯГУШКА

В дверь постучали, и на пороге возникла девочка. Обыкновенная девочка, а совсем не лягушка.

— Что нам на завтра по арифметике? — спросила она с порога и — смутилась, увидев меня.

Мальчик-с-пальчик тоже смутился. В первую минуту он даже не мог сообразить, о чем его спрашивают. Он смотрел то на Царевну Лягушку, то на меня, и вдруг — дети хорошо разбираются в этих вещах — взгляд его остановился на прутике. Видимо, поняв, что произошло, он сразу успокоился и повернулся к двери.

— Заходи,— сказал он девочке. И — покосился на прутик.

Царевна Лягушка сделала несколько робких шагов.

— Мне только спросить,— сказала она, обращаясь скорее ко мне, чем к Мальчику.

Я повернулся к окну.

Погода начала портиться: на стекле появились капли дождя. Кажется, они катятся с гор — с тех гор, которые видны из окна дома. Я вожу прутиком по стеклу, но не остановить горные потоки.

У меня за спиной разговор:

— Здесь неправильно,— голос Царевны Лягушки.

— Нет, правильно! — это Мальчик-с-пальчик. — Один волк, плюс семеро козлят — равняется один волк.

— Да нет же! — упорствует Царевна Лягушка. — Один волк, плюс семеро козлят — равняется семеро козлят.

— Ну хорошо, будем рассуждать. Мы берем одного волка. Представляешь? Вол-ка. И добавляем семерых козлят. Представляешь? Коз-лят. Что же получится?

— Да нет, ты совсем не так рассуждаешь. Мы берем одного волка. Представляешь? Од-но-го. И добавляем семерых козлят. Представляешь? Се-ме-рых.

— Все равно волк съест козлят, — убежденно заявляет Мальчик.

— Нет, не съест. Их же семеро!

— Нет, съест. Он же волк!

Мальчик готов торжествовать победу, но тут он слышит вопрос, который сводит на нет все его познания в арифметике:

— Значит, ты хочешь, чтобы волк съел козлят?

— Я хочу? Я совсем не хочу!

— А зачем же ты так решаешь?

Я подхожу к ним и теперь могу поближе разглядеть девочку. Что-то в ней все-таки есть от лягушки: рот большой и глаза какого-то зеленоватого цвета. И одета она в старое зеленое платье, на котором ясно видны следы прошлых заплат: вероятно, это старое платье перешли из какого-то еще более старого, которое тоже перешло по наследству.

На голове у девочки торчат две косички, похожие на рожки (мечту моего бычка). Одной рукой девочка направляет эти косички, а другой прижимает к себе что-то, спрятанное за пазухой.

— Что это у тебя?

Царевна Лягушка сразу забыла об арифметике. Она улыбнулась и заговорила так охотно, как будто давно ждала этого вопроса:

— Это у меня стрела, — сказала она, вытаскивая стрелу из-за пазухи. — Мне ее прислал царевич. По этой стреле он должен меня найти. Меня очень трудно найти, — объяснила девочка, — потому что я живу в таком месте... Но по этой стреле царевич меня найдет, и мы уедем далеко-далеко, может быть, в тридевятое царство...

— Но почему ты думаешь, что это стрела от царевича?

— А от кого же еще? — улыбнулась Царевна Лягушка, словно и впрямь больше ждать стрелы неоткуда.

— Ну, мало ли от кого?.. Хотя бы от него,— я показал на Мальчика-с-пальчика.

Она засмеялась.

— А если царевич все-таки не придет?

— Это царевич-то?

И до чего же она уверена, что все случится именно так, как она придумала!

— Ну так вот,— говорю я.— Царевич здесь ни при чем. Стрелу запустил этот мальчишка, он хотел над тобой подшутить.

— Конечно, так я вам и поверила! — Словно боясь, что у нее отнимут стрелу, Царевна Лягушка спрятала ее за пазуху: — Я пойду. Мне еще по физике учить — про волшебную лампу Аладдина...

Я пытаюсь ее удержать:

— Но если ты мне не веришь, пусть он сам тебе подтвердит.

Мальчик молчит. Он не поднимает глаз от тетрадки. А она, Царевна, смотрит на него, и при этом глаза ее, два зеленых островка, расширяются, расширяются (так бывает во время отлива) — и вдруг (так бывает во время прилива) их начинает заливать водой.

— Что ты? Из-за чего? Неужели тебе не лучше знать правду?

Тонут зеленые островки. Теперь это даже не островки, это корабли, которые потерпели крушение.

Мальчик-с-пальчик еще ниже опустил голову. Он говорит:

— Если б мой отец не был таким слабохарактерным! Подумать только — и это он говорит об отце!

— Ты не прав,— я взял его за плечо,— твой отец совсем не слабохарактерный. Я его знаю с тех пор, когда он был еще Змеем Горынычем.

— Кем был? — Мальчик-с-пальчик как-то странно задрожал под моей рукой.

— Змеем Горынычем. Ого, как все тряслись перед ним! Чуть что — и нет человека.

— Это неправда,— говорит Мальчик-с-пальчик.— Это вы все выдумываете.

— Милый Мальчик, я ничего не выдумываю. Можешь сам спросить у отца.

1 волк + 7 козлят = 1 волк.

Семеро козлят расплываются, их уже почти невозможно прочесть.

1 волк + (что-то расплывчатое) = 1 волк.

Я стою и думаю, куда девались козлята. Только что они были, и вот от них только мокрое место.

Да, именно мокрое, соображаю я. Это оттого, что Мальчик плачет.

Боже мой, сколько всюду воды!

— Кап, кап, кап...— Это Мальчик-с-пальчик.

— Кап, кап, кап...— Это Царевна Лягушка.

— Кап, кап, кап...— Это дождь стучит за окном.

Ну что ты скажешь? Не успеешь человеку раскрыть глаза, как из них тотчас льются слезы...

6. КОНЕК-ГОРБУНОК

Дорога сбежала в долину и пошла не спеша: задерживаясь на поворотах, обходя стороною холмы и подолгу застываясь на раздорожьях. Иногда от нее отделялась тропинка, уводившая неизвестно куда, лишь бы не идти в общем потоке. Было жалко смотреть, как она, такая беспомощная, пытается пробиться, проложить собственный путь, стать тоже куда-то ведущей дорогой. Но куда? Для того чтоб это узнать, надо было довериться ей, а она не вызывала доверия...

Еще одна тропинка ныряет в кусты, и оттуда доносится слабый шорох. Мы прислушиваемся, раздвигаем кусты, и вот — он стоит перед нами.

Судя по горбу, это здешний верблюд, но судя по ушам, это здешний заяц. Правда, хвост и копыта наводят на мысль, что это скорее конь, а еще скорее — конек, учитывая размеры.

— Сейчас,— говорит конек,— сейчас я ее разбуджу.

— Кого это?

— Спящую красавицу.

...Простой деревянный терем. Простая железная кровать. Когда-то она была крашена в какой-то цвет, но со временем краска облупилась,— очевидно, красавица спит уже очень давно. Ножки кровати разъехались в разные

стороны, а спинки подались вперед, как всякие спинки под грузом.

Мне хочется говорить о красавице, а я говорю о кровати, потому что не могу найти подходящих слов. Передо мной такая красавица, и спит она на кровати, на простой железной кровати... И я опять не могу найти подходящих слов.

— Сейчас,— говорит конек,— сейчас мы ее разбудим.

Такая красавица, что даже жалко будить.

— Может, не стоит будить? Пускай себе отдыхает...

— Отдыхает! — так и взвился конек. — Это же бесовестно спать, когда вокруг такое творится!

Он стал объяснять, что творится вокруг. Я, наверно, слышал о бременских музыкантах? Ну так вот. Выгнали бременские музыканты разбойников и стали жить в их доме. Живут, поживают, добра наживают (именно так!). Осел воду возит, петух на воротах кукарекает, собака дом сторожит, а кот по кладовкам шныряет, хозяйство учитывает.

Шнырял кот, шнырял и вышнырял сапоги. Натянул их, усы подкрутил, стал командовать: «Ты, осел, дом сторожи, тебе это больше подходит. Ты, петух, воду носи. А ты, собака, давай кукарекай!»

Делать нечего — надо слушаться: все-таки кот в сапогах!

Носит петух воду в клюве по капельке, а собака визжит, скулит — учится кукарекать.

«Что-то они у меня невеселые,— тревожится кот.— Не иначе — сапогам завидуют. У петуха вон и шпоры есть, а сапог нету...»

Позвал кот осла. «Что-то наш петух мне не нравится. Пойди, стукни его копытом».

Дальше живут уже без петуха. Осел дом сторожит, а собака за себя кукарекает да еще за петуха воду носит.

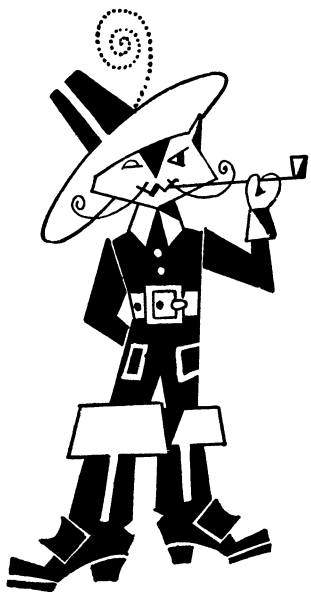
«Чем она недовольна?» — удивляется кот. «Пойди,— говорит ослу,— ударь собаку копытом!»

Дальше живут уже без собаки. Осел воду возит. Осел дом сторожит. А в свободное время осел кукарекает.

— Разве ж это справедливо? — спрашивает конек.

— Ну, если такой осел...

Дело не в осле, говорит конек. Я, наверно, слышал о Храбром портном? Ну так вот. После того, как он там

победил, все успокоились, стали жить-поживать (жить-поживать!). Только сам портной не может никак успокоиться: у него все подвиги в голове.

И вот приходит к королю самый маленький писаришка, без имени и отчества, и говорит: «Допустите меня до него, ваше величество. Он у меня успокоится».

Не поверил король: «Да ты прочитал, что у него на поясе сказано? Ведь он, когда злой бывает, семерых убивает!»

Писаришка только хихикнул в рукав: «Ничего, ваше величество, вы только меня до него допустите!»

«Шут с тобой,— отмахнулся король.— Иди, допускаю».

Вызывает писаришка Храброго портного. Сам сидит, глаза в стол прячет, а портной стоит перед ним, с ноги на ногу переминается. Выждал писаришка несколько минут, а потом говорит: «Так-так...»

Портной переминался с ноги на ногу. «Что — так? Говорите прямо!»

И тогда писаришка поднял на него глаза. Голубые глаза с небольшой поволокой. «Так...— опять помолчал.— Так-так...»

Внутри у портного стало чего-то холодно. «Я вас не понимаю... В каком смысле — так?»

Писаришка поднялся во весь свой маленький рост. «Значит, так? Что ж, так и запишем!»

Тут не выдержал Храбрый портной: «Не записывайте! — просит.— Только не записывайте!»

Сидит за столом писаришка, маленький писаришка, без имени и отчества, а перед ним стоит Храбрый портной. Смирный такой, мухи не обидит...

— Разве ж это справедливо? — спрашивает конек.

— Ну, если он такой храбрый...

Дело не в храбрости, говорит конек. Я, наверно, слы-

шал про Красную Шапочку? Ну так вот, после того, как волк ее съел, все стали жить, поживать и добра наживать. А волк нацепил на себя красную шапочку, и никто не мог догадаться, что он волк.

И вот выходит он к людям из леса и говорит:

«Граждане,— говорит он и поправляет на голове красную шапочку,— что это у нас происходит—так это же прямо беда! Где наши brave музыканты? Их нет. Где наши храбрые портные? Их нет. А тут еще один, не помню по фамилии, девочку сожрал. Правильно я говорю, бабушка?»

Из толпы вытолкнули заплаканную бабушку.

«Правильно, сынок, правильно! Коли хочешь, я тебе и фамилию назову!»

«Фамилию?» — «Фамилию, сынок!» — «Фамилию?!» — «Фамилию, голубчик!»

«Ну, ладно, давай фамилию»,— говорит волк, снимая красную шапочку.

— Вы понимаете, в каком смысле он снял эту шапочку? — объяснил мне конек.— В том смысле, что теперь ему стесняться нечего... Вот какие дела...— Он помолчал.— А эта красавица спит и ничего не подозревает.

— Но разве ж она может помочь? Разве ж от нее зависит?

— Ну, знаете! — вздыбился конек.— Если все будут так рассуждать... От одного не зависит, от другого не зависит, а от кого зависит? От серого волка?

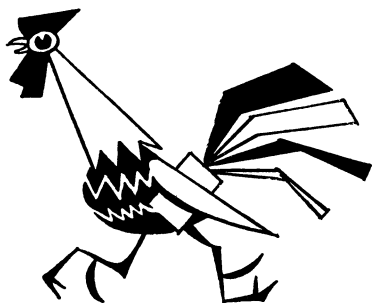
Сколько на свете сказок, и в каждой какие-то свои неприятности.

— Ты погоди, не горячись...

— Да, я горячусь! — сказал конек.— Я горячусь и буду горячиться, пока не разбужу эту Спящую красавицу и всех остальных, которые спят!

— А почему всех должен разбудить именно ты?

Оказывается, это очень важный вопрос — кто разбудит. Потому что если красавицу разбудят разбойники, то

она тоже станет разбойником, а если так — лучше ей никогда не просыпаться. Между прочим, эти братья-разбойники давно замышляют ее разбудить, а это такие братья... У них на каждого по четыре ружья.

— Когда хочешь кого-нибудь разбудить, главное — изолировать братьев-разбойников! — говорит конек-горбунук.

Спящая красавица спит, но все же она красавица. Конек не смыкает глаз, но он далеко не красавец. Он тощий, замученный, будто держит весь мир на своем горбу.

Тоже нашелся Еруслан Лазаревич! Самого от земли не видать, а еще хочет тягаться с разбойниками! Добро бы был настоящий конь.

А что если его прутиком? Взять прутик и — раз!

— Видишь этот прутик?

При виде прутика он попятился.

— Вы это оставьте. Сейчас не время шутить.

— А я не шучу.

— Ладно, — сказал конек. — Приступим к делу. Нужно успеть, пока светло, а то после ее не добудишься...

Он хотел еще что-то сказать, но тут я махнул прутиком.

Мой бычок, который до этого испуганно таращил глаза, теперь таращит их восхищенно. Будто кто подменил конька-горбунка: уши стали короче, ноги длинней, да и спина выпрямилась. А рост, рост! Прямо богатырский!

— Видишь, а ты не хотел. Вот теперь буди свою красавицу.

Поднял конь красивую голову, прищурил красивые глаза.

— Будить? Стану я вам будить!

— А как же осел? Пусть себе кукарекает? А Храбрый портной? Ты же должен был всем помочь?!

Конь — просто чудо: сильный, высокий. Смерил он меня взглядом, смерил моего бычка:

— Во-первых, я никому ничего не должен. А во-вторых, — он лег на траву, вытянув красивое тело, — во-вторых, я устал, оставьте меня в покое.

— А серый волк? А братья-разбойники? Ведь у них на брата по четыре ружья!

Коня будто ветром подняло на ноги и затрясло, как от ветра:

— Я не буду... Я не хочу... Отведите меня на конюшню!

— И не стыдно тебе?

Конь — красавец: ни ушей заячьих, ни верблюжьего горба,— а стоит и трясется, упрямый, как верблюд, и трусливый, как заяц:

— Запрягите меня, я буду воду возить... Может, горстку овса заработаю...

Бог с ним, пускай бежит на свою конюшню. А красавицу мы сами разбудим, правда, бычок?

7. СПЯЩАЯ КРАСАВИЦА

На новом месте приснишь жених невесте.

И вот я стою в ее сне.

Хрустальный замок. Хрустальные стены, хрустальные двери, хрустальные окна, хрустальные потолки. И во всем этом отражается она, Спящая красавица.

Да, такую красавицу можно увидеть только во сне...

Она смотрит на меня, широко раскрыв глаза, которые у нее на самом деле закрыты.

— Елисей,— говорит она.— Наконец-то ты пришел, мой королевич!

Она улыбнулась, и улыбка ее отразилась во всех стенах и потолках.

— Значит, ушел из своей сказки?

— Да, ушел. Не люблю, когда все повторяется. Каждый день одно и то же.

— Я ждала тебя,— говорит красавица.

— Меня?

Меня беспокоит бычок. Мы с ним уснули вместе, чтобы проникнуть в сон Спящей красавицы,— потому что как же иначе поговорить с человеком, который спит? И вот я здесь, а бычка нет... Чего доброго, попадет в сон какого-нибудь брата-разбойника...

— Елисей,— говорит красавица.— Мой королевич!

Она закрывает глаза.

— Мне кажется, я сплю и вижу сон...

Ей кажется!

— Да,— говорю я, по-прежнему думая о бычке,— ты

действительно спишь, и тебе давно пора бы проснуться. Потому что если осел кукарекает, а Храбрый портной боится слово сказать, то как можно спать в такой обстановке?

Об обстановке я сказал, чтобы вернее ее разбудить. Но это не произвело на нее впечатления.

— Елисей,— сказала она,— какое нам дело до портных и ослов? Пускай себе кукарекают — главное, что мы с тобой вместе.

— Кот ходит в сапогах,— сказал я.— А волк — в красной шапочке.

— Ах, пусть ходят себе в чем хотят! Елисей...

Если бычок попал в сон братьев-разбойников, то ему там придется плохо. Ведь у них на брата по четыре ружья...

— Никакой я не Елисей,— сказал я.— Это тебе все приснилось.

На стенах, окнах и потолках сразу погасли улыбки, будто кто-то в замке выключил свет.

— А кто же ты?

— Не знаю. Просто человек. Пришел, чтобы тебя разбудить.

— Но если ты не Елисей, зачем это нужно?

— Ты пойми, пойми,— сказал я, думая о бычке,— как можно спать, когда вокруг такое творится?

— Но если ты не Елисей, какое это имеет значение?

Она не хочет просыпаться. Она хочет спать, и разбудить ее может только один человек — Елисей-королевич. Но он не приходит, у него своя сказка, и ему, наверно, в ней хорошо...

— Нет,— говорит красавица,— тебе не нужно меня будить. Ни к чему это.

— Но раз он не придет, раз он все равно не придет... Раз он так дорожит своей сказкой...

Одно дело ждать, когда можно дожидаться, но когда нечего ждать — какой же смысл?

— Не знаю. Я, конечно, не королевич, но я бы не заставил себя ждать. У меня тоже, между прочим, есть сказка, довольно приличная, с деревом и лужайкой. И с белым бычком. Рассказать тебе сказку про белого бычка?

— Но если ты не Елисей, какое это имеет значение?

Все-таки это имеет значение. Если мы проснемся вдвоем, то мы можем пойти куда угодно. Мы найдем себе сказку, которая не имеет конца, и будем жить-поживать — нет, конечно, не жить-поживать, а просто жить, как в сказке. Мы возьмем к себе осла, и Храброго портного, и конька-горбунка (он все же молодец, хотя в трудный момент сбежал на конюшню). И всем будет у нас хорошо, каждый будет делать, что хочет. Хочешь — дом сторожи, хочешь — воду вози, хочешь — сиди, кукарекай. И мы будем стараться поменьше спать, потому что, если много спать, можно проспаться все на свете.

— Но если ты не Елисей, кому это нужно?

Красавица вздохнула и закрыла глаза, как будто снова попала из сна в действительность.

— Уходи,— сказала она.

Я соглашаюсь довольно легко, потому что мысль о бычке не дает мне покоя.

— Ну что ж, я уйду. Раз тебе так лучше...

Со всех стен, окон и потолков на меня смотрят печальные глаза Спящей красавицы.

— А ты меня не обманываешь? — спрашивает она.— Может быть, ты все-таки Елисей?

Мне жалко ее. Может быть, я Елисей, хотя сам я в этом далеко не уверен. Сказать ей — и она улыбнется, и снова в замке станет светлей. А мой бычок забрел неизвестно куда, и вполне возможно, что к братьям-разбойникам.

— Нет, я не Елисей,— говорю я и просыпаюсь.

Я просыпаюсь там, где уснул: в деревянном тереме, у самой дороги. Здесь я нашел красавицу и здесь же оставляю ее.

Мой бычок рядом, но он не спит. Он пятается от окна куда-то за печку.

Я смотрю на окно и пачусь вместе с бычком, прикрывая его, чтоб его не было видно. Затем становлюсь так, чтоб не было видно меня.

А на окне происходит что-то совсем непонятное. Четыре рыжие мочалки вползают на подоконник и ползут, подражая четверем гусеницам. Над каждой из них возникает по глазу, которые как-то странно перемигиваются между собой. Носы, похожие на короткие дула, и дула, похожие на длинные носы,— все это направляется в комнату.

На подоконнике сидят два человека. Они сидят на корточках, широко разведя толстые ноги, и в таком положении озирают комнату. У каждого из них по четыре ружья, и я понимаю, что это те самые братья-разбойники, о которых говорил мне конек-горбунок.

Я не изолировал братьев-разбойников. Я не разбудил Спящую красавицу, и теперь ее разбудят они. А когда человека будят разбойники, то лучше уж ему вовсе не просыпаться.

Они спрыгивают с подоконника и долго не могут отдышаться. Они кричат и сопят, сдерживая себя, как только возможно, потому что в их деле главное — тишина.

— Брат, заходи с левой стороны,— шепчет один, а второй отзывается так же шепотом:

— Заходи с правой, брат!

Нас они не видят, но нам-то их видно хорошо. Мы видим, как они поднимают Спящую красавицу и, крихтя, тащат ее к окну. А она спит, ни о чем не догадывается. Ей, как видно, хорошо в ее сне, и она не знает, как ей плохо в действительности...

8. СНЕГУРОЧКА

Рассказать вам сказку про белого бычка? Мы с ним уходим все дальше и дальше. Пролетели мимо гуси-лебеди, пробежала коза-дереза, остались позади и поющее дерево, и Лихо Одноглазое, и бой на Калиновом мосту (в котором мы не принимали участия)...

Мой бычок заметно подрос, но он все же мал для такой далекой дороги. И чтоб его подбодрить, я рассказываю ему сказку о белом бычке, который ушел из дома, потому что там его не хотели понять. «Белая ворона? Может быть, белые ворота? Может быть, новые ворота? Может быть, новое корыто?» Лошадь качает головой, баран морщит лоб, свинья задирает свой пятак, будто это не пятак, а бог весть какое сокровище. И все вместе они не могут понять того, что, кажется, так понятно:

— Неужели на белом свете для белого бычка не найдется белой вороны?

Всего несколько слов — и вот бычок уже твердо стоит на ногах, и вот он даже бежит вприпрыжку. Он как-нибудь не лошадь, не баран, не свинья, которые верят только тому, что у них под носом! И пусть он видел одних

черных ворон, все равно он верит, он знает, что где-то есть она, есть, есть на свете белая ворона!

Так мы с ним идем: то еле плетемся, спотыкаемся, то пускаемся вскачь, наверстывая упущенное. И вдруг — сначала трудно поверить — впереди возникает что-то белое...

Мы с бычком поменялись ролями: теперь он тащит меня на веревке. Он бежит впереди, потому что у него вдвое больше ног и вчетверо меньше соображения. Я-то сразу сообразил, что это совсем не ворона, а просто белая сказка. Еще одна сказка на нашем пути.

Бычок останавливается: он замечает свою ошибку. Вместо вороны он видит снежные сугробы, ледяные поля и — это мы видим с ним вместе — белую принцессу Снегурочку.

— Му-у! — говорит мой бычок.

Снегурочка вскрикивает, и голос ее смешивается со звуком разбитой сосульки. Эту сосульку она только что держала в руках — и вот на земле кусочки льда, а над ними стоит растерянная Снегурочка.

Мне хочется что-нибудь ей сказать, как-то ее утешить. И я говорю:

— Скажите, пожалуйста, где вы достали такую сосульку?

Я смотрю на Снегурочку и вдруг замечаю, что она тает. Капли катятся у нее из глаз — все крупнее, крупнее. Я боюсь, что сейчас она вовсе растает, и спешу объяснить свою мысль:

— Я только потому спросил, что красивая была сосулька...

Правильнее, конечно, сказать, что Снегурочка красивая, но я боюсь, что она обидится, и поэтому говорю о сосулке. И все равно ничего не помогает: Снегурочка тает буквально у меня на глазах.

— Послушайте, ну, послушайте же меня!.. Я ведь только хотел... хотел сказать... что красивая... была сосулька...

И тут она перестала таять. Она просветлела и даже как будто чуть-чуть заискрилась:

— Да вы просто дурак, — сказала она и тут же поправилась, чтоб меня не обидеть: — Дурачок... Вас случайно зовут не Иванушкой?

— Я не знаю, — говорю я. — Может быть, меня зовут

Иванушкой-дурачком, а может, Иваном-царевичем. Меня еще никто не называл, потому что в нашей сказке никого не было... Только я и вот этот бычок...

Снегурочка замечает бычка.

— Какой беленький! Он у вас не из снега?

— Нет, он из шерсти... А у вас это что? Тропинка? Мы можем пройти по этой тропинке.

Тропинка у нее узенькая, вдвоем еще ничего, а третьему никак не поместиться. И он, третий, побежал впереди, зарываясь в снег и то и дело пропадая из вида.

— Тихо как у вас...

— Тихо...

— Я люблю тишину...

Я замолчал, Снегурочка не ответила, и вот — тишина завладела нашим разговором, вытеснила из него все слова, которые вдруг оказались лишними. Тишина повисла в воздухе, залегла в снегу, и только на тропинке чуть слышался скрип наших шагов...

Мой бычок попал в родную стихию. Вокруг все белым-бело, и он, белый, сливается с общим цветом. Мне то и дело приходится его искать, а он и рад, ему весело.

Пускай порезвится, думаю я. Сегодня порезвится, а уж завтра...

О том, что будет завтра, я стараюсь не думать. Завтра мы простимся с нашей Снегурочкой и опять будем вдвоем. Мы выйдем на большую дорогу, и каждый шаг будет нас от нее удалять, а к чему приближать — неизвестно...

Я смотрю на Снегурочку, и она знает, что я на нее смотрю, хотя глаза у нее опущены. И она говорит:

— Как это все-таки много — немножко тепла. Мне его всегда не хватало. Казалось — все хорошо и желать больше нечего, только бы вот чуточку, капельку тепла...

Потом мы молчим. Потом опять говорит Снегурочка:

— Вот эти снежинки — посмотри, как они блестят. Будто и похоже, но каждая по-своему.

Я смотрю на ровную снежную пелену и не вижу в ней ни одной снежинки.

— На небе они не такие. Хотя там они ярче, но какие-то слишком холодные...

— Ты говоришь о звездах?

— Да, в небе их называют так. А на земле они просто снежинки.

Я не очень понимаю, о чем она говорит, я просто слушаю ее голос.

— Конечно, хорошо быть звездой. Мерцать среди неба и не думать о том, что делается внизу. Но, бывает, звезда задумается, и тогда она падает на землю снежинкой. Видишь, сколько их всюду, звезд, которые вспомнили о земле...

Мы оба молчим, и все молчит вокруг нас, и нам так уютно в этом общем молчании...

Мы слушаем тишину. На землю спускаются сумерки и похищают у нас нашу белую сказку. Мы сидим на скамейке, на маленьком островке, но это нам нисколько не страшно. Мы сидим на скамейке и слушаем тишину.

— Наконец-то,— говорит тишина,— наконец-то вы нашли свою сказку... Вот такая ночь и скамеечка, на которой можно сидеть вдвоем,— чего больше искать на свете?

Снегурочка придвигается ко мне — и я отодвигаюсь, чтоб она могла сесть поудобнее.

— Сидеть вдвоем,— говорит тишина.— Ведь это самая лучшая сказка!

Легкий шорох. Это завозился в снегу наш бычок. Наш бычок сегодня устал — у него было столько впечатлений!

У меня тоже было много впечатлений, и я благодарен за это Снегурочке. Мне хочется для нее что-нибудь сделать. Ведь ей, бедняжке, всегда не хватало тепла...

Немного тепла — и нам будет совсем уютно...

Огонек побежал по щепочке и, не удержавшись, свалился в снег. За ним свалился второй, и только третий, умудренный опытом своих предшественников, сумел устоять. Он осторожно ступил на щепочку, побалансировал для равновесия и сделал еще шаг. Опять побалансировал, поколебался на месте, словно собираясь вернуться, и пошел вперед — твердо, уверенно, как будто под ним была не щепочка, а толстое полено.

Где-то на середине пути он подпрыгнул и ухватился за верхнюю щепочку. Подтянуться и стать на нее было пустячным делом, но фокус тут был в другом: огонек прыгнул на верхнюю щепочку и в то же время остался на нижней. Из одного огонька стало два.

Вот тут-то и началось веселье! Огоньки прыгали по щепочке и двоились у нас на глазах. Они забирались все выше и выше и, наконец, забрались так высоко, что оторвались от щепок и повисли в воздухе, соединившись в один большой огонь.

— Ну, как? — спросил я.

Она не ответила.

— Правда, красиво?

Она не отозвалась.

Я посмотрел на нее.

Снегурочка молча таяла.

Звезды-снежинки вспыхивают при свете огня, одна за другой вспыхивают и гаснут. Они прилетели издалека, опустились с самого неба, чтобы погаснуть здесь, на земле...

— Снегурочка,— говорю я,— ну, не надо, прошу тебя! Я не могу смотреть, как ты таешь. Когда ты таешь, мне хочется растаять вместе с тобой!

Мне хочется, но я не таю. Я не могу выжать из себя ни одной капельки.

9. ЦАРЕВНА НЕСМЕЯНА

Аты, баты,
Шли солдаты,
Аты, баты,
На базар.
Аты, баты,
Что купили?
Аты, баты,
Самовар.

Одинаковые ноги взлетают выше голов, а головы не испытывают при этом неловкости и спокойно таращат одинаковые глаза, приводя в движение рты, издающие бодрые звуки:

Аты, баты,
Сколько стоит?
Аты, баты,
Три рубля.

Аты-баты, как ножницами, стригут пространство, то удаляясь от нас, то опять приближаясь, и мне никак не

удается постичь истинный смысл этих занятий. Десять шагов туда — десять шагов обратно. Двадцать шагов туда — двадцать шагов обратно. Как бы далеко они ни ушли, они всякий раз возвращаются на старое место.

Смог бы я так идти? Наверно, не смог бы. Аты-багы могут, потому что жизнь им предельно ясна и на все у них готовы ответы.

Куда идти? На базар.

Что купить? Самовар.

Сколько дать за него? Три рубля и ни копейки больше.

Они идут друг за другом, напоминая очередь у Золушкиного ларька, только трудно понять, где у них начало, а где конец, потому что движутся они то в одну, то в другую сторону. Десять шагов туда — десять шагов обратно. Двадцать шагов туда — двадцать шагов обратно.

Мы сидим в кустах и смотрим на эти занятия. Вот, наконец, появляется самовар, о котором у них столько разговору, вот он ставится на землю, и аты-баты усаживаются вокруг него.

Они пьют чай.

Они наливают его в большие чашки, заваривают почти дочерна и пьют, прикусывая из общей головки сахара.

Я выхожу из прикрытия, на всякий случай оставляя там своего бычка.

— Здравствуйте, ребята.

— А, здорово! Садись, выпей чайку. Эй, где там у нас лишняя чашка?

Мы знакомимся.

Аты-баты по очереди представляются мне:

— Катигорошек.

— Укатигорошек.

— Подкатигорошек.

— Закатигорошек.

Вообще-то они все Горошки, а отличают их только профессии. Один был кучером, катал царя и министров («Кати, Горошек!»), второй укатывал дороги, чтоб меньше трясло («Укати, Горошек!»), третий подкатывал бочки с вином («Подкати, Горошек!»), четвертый просто работал, закатав рукава («Закати, Горошек!»). Но теперь они на военной службе, так что у всех у них дело одно.

— Какое дело?

Они переглянулись между собой, приосанились и даже перестали пить чай.

— Слыхал про Несмеяну? Ну вот. Значит, мы ее охраняем.

Несмеяна — это царевна. Не настоящая царевна, а бедная девушка, которую для смеха взяли во дворец. У них тут царствует царь Горох, а министры у него все — шуты гороховые. Вот они и взяли во дворец бедную девушку. Для смеха.

— Ну и что?

— Вот тебе и что. Взяли ее, а она, вместо того, чтоб радоваться, плачет целые дни. Только всем портит настроение. Ну, и заперли ее. Чтоб повеселела.

Бедная девушка... Отец ее, Перекатигорошек, поехал за море счастье искать, и теперь она сирота — где ж тут радоваться?

— Но — надо,— сказал Катигорошек.

— Надо так надо,— сказал Укатигорошек.

— Приказ есть приказ,— сказал Подкатигорошек.

Закатигорошек ничего не сказал.

Мы пьем чай. Мы наливаем его в большие чашки, завариваем почти дочерна и пьем, прикусывая из общей головки.

— Ну, ребята, кончай отдыхать!

Аты, баты,
Шли солдаты,
Аты, баты,
На базар.

Десять шагов туда — десять шагов обратно. Двадцать шагов туда — двадцать шагов обратно. Аты-баты, как ножницами, стригут пространство, кажется, скоро от него ничего не останется.

Десять шагов туда — десять шагов обратно... Повторение — это все равно что конец. Что такое конец? Один волк, плюс семеро козлят, равняется... Снегурочка тает... Спящую красавицу уносят разбойники, а она себе спит, и во сне у нее все повторяется, повторяется... Так, как в сказке про белого бычка... Рассказать вам сказку про белого бычка? Вы говорите — рассказать, я говорю — рассказать... И тут все стали жить, поживать да добра наживать... Вот и конец сказки...

Конец? Неужели конец? Аты-баты молчат, и не слышно шагов туда и обратно...

Ага, догадываюсь я, уже ночь. Вон и луна наверху, аты-баты спят, а на посту стоит только один, Катигорошек.

Катигорошек стоит, как и положено стоять на посту: твердые плечи, твердая грудь и твердый взгляд, устремленный в пространство. Но вот он поднял этот взгляд вверх — туда, к окну башни, и еле слышно позвал:

— Несмеяна!

В окне появилась девушка.

— Несмеяна,— зашептал Катигорошек,— послушай новый анекдот. У одного царя был сын, а у сына жена, а у жены свекор. И этот свекор был тоже царем...

Катигорошек рассказывал анекдот, подчеркивая смешные места, а кое-что даже изображая.

— Правда, смешно? — осведомился он.— А вот еще анекдот... Обсмеешься!

Царевна не смеялась.

— Да ты вникни, ты только себе представь,— Катигорошек перевел дух и опять зашептал, то и дело оглядываясь на спящих товарищей: — Помню, я нашего катал, вот было смеху!

Тут он прервал рассказ, потому что время его истекло и на смену ему спешил Подкатигорошек.

Этот стражник грозно замер на своем посту и стоял неподвижно, пока его товарищ укладывался на отдых. Но едва лишь все стихло, он поднял голову и позвал:

— Несмеяна!

И опять царевна в окне.

— Не смеешься? — спросил Подкатигорошек.— Это ты зря. Раз надо смеяться, ничего не поделаешь. Все мы в мире горошки, что прикажут — то делаем.— Он вдруг скорчил рожу и высунул язык: — А у тебя вся спина сзади!

Царевна не улыбнулась.

— Ты слышишь? Ты, наверно, не слышишь? Я говорю: у тебя спина сзади. Понимаешь? Сзади спина!

Нет, не улыбнулась царевна.

Тогда он отошел на приличное расстояние и — пошел к ней мелким шажком, неся издали свою подстрекательскую улыбку, но на полдороге шлепнулся на землю, поднялся и сказал с улыбкой, которая ничуть не пострадала при падении:

— Чуть-чуть не упал.

Царевна не улыбнулась.

— А ты знаешь, как катится бочка? — Подкатигорошек лег на землю и несколько раз перевернулся со спины на живот. Потом встал, отряхнулся и сказал: — Вот видишь, ты сама не хочешь...

Тут пришло ему время сменяться с поста, и на его месте застыл неприступный Укатигорошек. Он стоял, не сводя глаз с одной точки, находившейся в противоположном направлении от того места, которое он должен был охранять, и старался не моргать, чтобы не закрывать глаз даже на долю секунды. Но вскоре заговорил и он.

— Царевна, — сказал он, — у нас такой царь, такие министры... Царевна, это же просто смешно: почему вы одна не смеетесь?

Она ничего не ответила.

— Хорошо. Допустим, у вас есть причины. Но, царевна, войдите в наше положение: вы думаете, нам весело вас сторожить? Куда веселее укатывать дороги, чем шагать по ним без всякого смысла — взад-вперед. Но мы же не по своей воле, царевна, у нас нет своей воли, мы делаем то, что нам говорят...

— Я сейчас заплачу, — сказала царевна.

— Нет, нет, пожалуйста, только не это! Я хотел вас рассмешить, а вы вдруг расплачетесь — это даже смешно...

— Ничего нет смешного.

— Нет? Почему же нет, это вы просто не видите. А вы посмотрите, присмотритесь получше... Уверю вас, если хорошо присмотреться...

— Какой вы смешной, — сказала царевна.

— Да, я смешной, я очень смешной! Вы даже не представляете, какой я смешной! Только... почему же вы не смеетесь?

Все повторяется. Все повторяется... Если волк съест козлят, то для них это будет конец, а если б они не ходили в лес, а жили-поживали у себя дома, то для них это тоже был бы конец, потому что жить-поживать — это конец всякой сказки...

Ночь кончилась. Аты-баты опять на ногах. Десять шагов туда — десять шагов обратно. Двадцать шагов туда — двадцать шагов обратно.

Я отвязываю бычка и на прощанье машу им прутиком. Я машу прутиком и говорю про себя:

— Пусть им царевна засмеется!

10. ЦАРЬ ГОРОХ

Его дворец.

Первое, что мы видим,— это распахнутое окно. Первое, что мы слышим,— доносящийся из окна оглушительный хохот. От этого хохота сотрясается весь дворец, и кажется, это он хохочет, широко разинув свое окно.

Мы хотим пройти мимо, но тут в окне появляется голова царя, сопровождаемая головами министров.

— Эй, ты,— кричит царь Горох.— Куда ведешь своего осла?

— Это не осел,— говорю я иставляю бычка наперед, чтобы царь его получше увидел.

— Ты молчи! — ликует царь.— Я у него, а не у тебя спрашиваю!

Он хочет сказать, что спрашивает у моего бычка. А осел, дескать, я. Это он так шутит.

— Так, говоришь, не осел?

Головы министров покатываются со смеху и дружно скатываются с окна. Остается только веселая голова царя Гороха.

— Ох,— говорит царь,— ты меня совсем уморил! Ничего не скажешь — веселый парень. Значит, как ты говоришь? Не осел? Вот это отмочил! Ты погоди, я сейчас к тебе выйду!

Царь исчез в окне и тут же появился на ступеньках.

— Так, говоришь, не осел? Это ничего, остроумно.

Царь присаживается на ступеньку и снимает с головы корону, обнаружив при этом великолепную, прямо-таки царскую лысину.

— Жарко нынче в короне,— объясняет свои действия царь.— И вообще без головного убора — это как-то здоровее для организма. А? Как ты находишь?

— Я не знаю.

— Не знаешь? — засмеялся царь и смеялся долго, до слез.— Это ничего, остроумно. Я вижу, с тобой не соскучишься. А это у тебя кто? — царь хитро подмигнул: — Не осел?

— Да нет, это бычок.

— Не жареный, нет? Терпеть не могу бычков в сыром виде!

— Он не сырой, он живой!

Царь Горох гладит бычка по спине, треплет его за уши:

— Это он для себя живой, а для нас — просто сырой, верно?

Разговор принимает такой оборот, что я чувствую — надо скорей убраться. Но царь и не собирается нас отпускать, он только еще вошел во вкус разговора.

— Значит, ты так: из сказки в сказку? Вроде бы путешествуешь? Ну, это ничего: у меня полцарства ходит по миру. Перекатигорошки. А вот интересно знать: что ты скажешь о соловье-разбойнике?

Непонятно, почему он вспомнил о соловье? Наверно, потому, что тот тоже летает из сказки в сказку.

— О соловье я много могу сказать. Это такая птица!

— Отлично сказано, — похвалил меня царь. — Ну, вот и расскажи. Ты расскажи, а я послушаю — что за птица соловей-разбойник.

— А почему вы говорите, что он разбойник? Разве он что-нибудь натворил?

— Ну и шутник! — рассмеялся царь. — Ну и весельчак! Значит, ты не знаешь, разбойник он или нет?

Царь внезапно оборвал смех и сказал совершенно серьезно:

— Лисичка-сестричка съела братца-кролика. Братец-волк съел лисичку-сестричку. В такой обстановке нель-

зя забывать о соловье-разбойнике, нельзя закрывать на него глаза... А? Вот смеху-то!

Он опять смеялся, но я не мог забыть его серьезного выражения.

— Я не закрываю,— сказал я.— Я, честное слово, не закрываю!

— Ну так как же? — широко улыбнулся царь.— Разбойник он или не разбойник?

«Аты, баты, три рубля»,— звучит у меня в голове. Я пытаюсь отделаться от этой фразы, но она все звучит и звучит и, запутавшись окончательно, превращается в нечто совершенно нелепое: «А тебя-то — труляля!» Кого это — тебя? Моего бычка? Соловья? Или, быть может, царевну Несмеяну?

Аты, баты, три рубля, а тебя-то труляля! Вот так, когда нужно найти слова, никогда их не находишь.

— Разбойник,— говорю я и, чувствуя, что это совсем не то, добавляю: — Подумать только, такой соловей — и такой разбойник! А на вид — маленькая, неприметная птичка...

— Постой, постой — ты о ком говоришь? Соловей-разбойник не птичка, а великан, настоящее чудовище... — Он помолчал и вдруг — словно что-то вспомнил: — А эта... птичка соловей?.. Значит, она тоже разбойник?

«Какой же она разбойник?» — хотел я сказать, но посмотрел на него и опять растерял все слова. Я смотрю на царя Гороха, и мне хочется закрыть глаза, но я вспоминаю, что их нельзя, нельзя, нельзя закрывать... И опять получается труляля.

— Разбойник,— говорю я,— разбойник.

— Ну, ты молодец! — засмеялся царь.— Балагур! Рубаха-парень! Эй! — крикнул он, надевая свою корону.— Разыскать соловья! — и продолжал, обращаясь ко мне: — Так, говоришь, не осел? Это ничего, остроумно!

Я стал собираться, но он меня опять удержал:

— Ты веселый парень, и я тебя за это люблю. А этих, горошков, я не люблю, потому что они все какие-то невеселые. Тоже — придумали: хорошо смеется тот, кто смеется последним. А кто будет первым, я тебя спрашиваю? Я-то сам, конечно, стараюсь. И я, и мои министры. Эй! — крикнул царь, и министры появились в окне, весело гогоча.— Вот видишь, делаем все, что можем.

Царь Горох сел поплотней и снял с головы корону.

— А ты сам-то откуда?

— Из сказки про белого бычка.

— Ну и как там? Что слышно? Какие новости?

— Рассказать вам сказку про белого бычка?

— Валяй, выкладывай!

— Вы говорите — выкладывай, я говорю — выкладывай. Рассказать вам сказку про белого бычка?

— Ничего, — одобрительно хмыкнул царь, — остроумно придумано.

— Вы говорите — придумано, я говорю — придумано. Рассказать вам сказку про белого бычка?

Тут к царю подбежал министр:

— Ваше величество! Несмеяна смеется!

Ну, вот — опять мой прутик подействовал.

— Смеется? — спросил царь, снимая улыбку с лица и заменяя ее серьезным выражением. — И как же она смеется? От души?

— Сейчас уточним, ваше величество!

— Уточнить! — коротко приказал царь. И повернулся ко мне с прежней улыбкой: — Так про какого ты тут бычка говорил? Про этого, черного?

— Вы говорите — черного, я говорю — черного...

— Так, говоришь, он черный? — перебил меня царь Горох. — То-то я смотрю — темная личность...

— Вы говорите — темная личность, я говорю — темная личность...

— Значит, темная? Ах он, разбойник!

— Вы говорите — разбойник, я говорю — разбойник...

— Чего ж ты раньше молчал? — царь встал со ступеньки и надел корону на голову: — Эй! — крикнул он. — Взять этого бычка, этого разбойника!

Из дворца выкатились шуты гороховые, подхватили бычка и укатились прочь.

— Пойдите, куда же вы? Это же мой бычок!

— Ты говоришь — мой бычок, я говорю — мой бычок, — улыбнулся царь.

— Но он мой!

— Ты говоришь — мой, я говорю — мой... Действительно, ловко придумано. И чего ты машешь своим прутком? Тут ведь тебе не стадо!

Он смеялся сердечно и весело, но в том смехе я вдруг услышал слова: «Лисичка-сестричка съела братца-кролика, братец-волк съел лисичку-сестричку...»

Я повернулся и побрел из дворца...

Если как следует захотеть... Я бреду, и дорога бредет у меня под ногами... Я туда, она — назад, мы бредем в разные стороны. Откуда она? Мне не видно ее начала, виден только конец. А в жизни наоборот, хотя и жизнь — тоже дорога...

Нет, все-таки не совсем. Здесь хотя бы можно остановиться. Посидеть, оглядеться по сторонам... Зеленое поле, высокая трава... Вот бы сюда моего бычка, вот бы сюда его... Рассказать вам сказку про белого бычка? Вы говорите — я говорю — все говорят, а что толку?

Если как следует захотеть... Попробуй тут захотеть... «И чего ты машешь своим прутом? Тут ведь тебе не стадо!»

— А, здорово! Садись, выпей чайку!

Аты-баты опять отдыхают, окружив свой, так удачно купленный самовар.

— Спасибо, не хочется.

— А мы, как видишь, все сторожим. Царевну Несмеяну.

Из башни донесся девичий смех.

— Смеется,— сказал Катигорошек.

— Смеется,— сказал Укатигорошек.

— Смеется,— сказал Подкатигорошек.

Закатигорошек ничего не сказал.

— Но если она смеется, зачем же ее сторожить? Раз она смеется, значит, она поступает правильно?

— Ну, это, брат, как сказать! Смеяться ведь тоже можно по-разному... А царевна Несмеяна смеется не от души. Понимаешь? Не в том значении...

Катигорошек вздохнул, вздохнул и Подкатигорошек. Укатигорошек уткнулся в чашку и стал усердней дуть на свой чай.

— А у меня забрали бычка... Я рассказал царю сказку, а он взял и забрал у меня бычка...

И тут заговорил Закатигорошек, тот, который прежде молчал. Он заговорил, но это вовсе меня не обрадовало.

— Дубина,— заговорил он.— Растяпа! Чучело горюхое!

Когда человек молчит, никто не знает, что за слова в нем скрываются, а это подчас бывают такие слова... Я бы лично запретил людям молчать, пускай говорят все,

что думают, тогда будет точно известно, чего от них ожидать.

— Осел! — сказал Закатигорошек. — Олух царя небесного! Нашел, кому рассказывать сказки!

11. СИНЯЯ ПТИЦА

В Тридесятом государстве не было государства. В Тридесятом государстве был только дуб, вокруг которого, привязанный длинной цепью, ходил кот ученый.

— Заглянем в корень, — сказал мне по-ученому кот. — Заглянем в корень этого дуба. Что мы имеем в нем на сегодняшний день? Некоторые считают, что мы имеем в нем просто корень, но это в корне неправильно.

— А почему вы сидите на цепи?

— Во-первых, я не сижу, а хожу. Я хожу днем и ночью по цепи, каждое звено которой — это звено моей жизни. Когда я был молодым, я бессмысленно бегал по лесу. Но потом я начал кое-что понимать, и тогда появилось первое звено...

Кот обошел вокруг дерева и продолжал:

— Пока цепь была коротка, я не придавал ей большого значения. Я нацепил на нее часы и спрятал в карман... У меня тогда еще был карман, — вздохнул кот. — Знаете, такой, жилетный... — Кот еще раз вздохнул: — У меня тогда еще был жилет...

Тут он обнаружил, что мы стоим, и засуетился с неловкостью оплошавшего хозяина. Он усадил меня, и сам сел, аккуратно сложив свою цепь.

— Вот так — чем дольше живешь, тем длиннее цепь и тем тяжелее ее нести. Поэтому все мы под старость сгибаемся.

Цепь была не золотая — нет, не золотая была у кота жизнь. Она была старая и ржавая, отлитая по общему образцу и даже не пригнанная по росту.

— А у меня была веревка. Знаете веревку? За один конец держишь, а к другому привяжешь бычка...

— Я знаю веревку. Я знаю все на свете веревки, потому что я старый ученый кот.

Он встал и пошел вокруг дуба. Он закинул цепь на плечо и тащил ее, кряхтя и постанывая. Сделав полный

круг, он повернул назад и приволок цепь на прежнее место.

— Вот так-то,— сказал кот.— А вы говорите — Синяя птица.

Я ничего не говорил, но кот, видимо, отвечал не мне — он отвечал собственным мыслям.

— Синяя птица...— отвечал он.— Скажите лучше — Синяя Борода. Когда мне предлагают одно из двух, я выбираю третье.

И он стал рассказывать о страшном рыцаре Синей Бороде, который убивал своих жен за то, что они верили не в него, а в какую-то Синюю птицу.

— Он занимался этими женщинами, а я был у него ученым котом. Бывало, захандрит, спрашивает: «Слушай, кот, почему это так: сколько я жен любил без памяти, а кого любил — не помню?» — «Такова, — говорю, — жизнь». Вздыхнет он: «Умный ты, кот, ученый. А вот скажи, почему это так: берешь жену молодую, а бросаешь — старую?» — «Такова, — говорю, — жизнь». Тут он погладит синюю бороду: «И все-то ты знаешь, кот, на все у тебя ответы». Правда, о старости жен он только так говорил. И не бросал он их вовсе, а убивал, и все — молодыми.

Кот говорил спокойно, как будто речь шла о самых обычных вещах. Видно было, что его давно не волнует эта история.

— У Синей Бороды был замок — большой, уж не помню, на сколько комнат. И была там одна комната, в которую он запрещал входить; может, у него там был кабинет, может, личная библиотека. Но жены — глупые женщины, они решили, что он прячет от них Синюю птицу. Ту, которая должна приносить счастье, а на самом деле приносит одни неприятности. И только подумать: все у них было, что можно желать на земле. Чего еще надо? Ходить по воде? Плавать по воздуху? Но жизнь — это жизнь...

Солнце село на верхушку дуба, поболталось на ней, как фонарь, и стало спускаться, переползая с ветки на ветку. Оно краснело за свою осторожность и все же двигалось медленно, и было видно, что солнце, всегда такое высокое, тоже боится высоты.

Жизнь — это жизнь, как хорошо сказано! Простые слова, а ведь в них — все. В них и конек-горбунок, и

братья-разбойники, и царь Горох со своими шутами. В них все сказки, в которых мы побывали с бычком, а может, и та, в которой мы так и не побывали.

— Мы тут искали одну сказку. Таковую, которая не имеет конца... Вы случайно не знаете?

Кот встал и прислонился к дереву.

— Я знаю все сказки,— сказал он, и солнце, сползавшее по ветвям, наделось ему на голову. Так стоял он, сложив на груди ученые лапы, смотрел куда-то далеко-далеко и говорил:

— Жили-были дед и баба. У них была курочка Ряба. Курочка снесла яичко. Одно-единственное за целый год.

«Слушай, баба,— говорит дед,— ты тут посторожи яичко, а я пойду в соседнюю сказку, там, говорят, выросла репка большая-пребольшая. Сварим мы эту репку и съедим вместе с яйцом».

Осталась баба сторожить яичко. Сидит, вспоминает молодость. Как они с дедом жили, как ели кашу с молоком.

А дед тем временем тянет репку из соседней сказки. Тянет-потянет, вытянуть не может. Пошел в третью сказку — на помощь звать. Глядь — терем-теремок, а в нем мышка-норушка. «Пошли, мышка-норушка, репку тащить!» — «Не мое это дело, у меня хватает своих забот!»

Прогнал дед мышку, сам залез в теремок. Ну, а мышке деваться некуда — вот она побежала, хвостиком махнула, яичко упало и разбилось.

А как разбилось яичко, тут и про репку все выяснилось, как дед ее из чужой сказки ташил. И потащили дедку за репку, бабку за дедку, мышку за бабку... Вот так. (А вы говорите — Синяя птица!)

— Я знаю все сказки,— сказал кот, садясь и тем самым невольно обнажая голову.— На море, на океане, на острове Буяне стоит бык печеный, во рту чеснок толченый... Летела сова, веселая голова. Вот она летела, летела и села, да хвостиком повертела, да по сторонам посмотрела... Друг мой, вы видите эту цепь? Каждое ее звено — это сказка. Поверьте, я старый ученый кот, я имел когда-то жилетку, а в жилетке карман, а в кармане часы на цепочке. Я смотрел на эти часы, и мне казалось — время идет вперед, а оно уходило в обратную сторону. И пока я смотрел на часы, лучшее время ушло,

и вот все, что от него осталось.— Кот показал на свою цепь.— Друг мой, сравните звенья этой цепи, и вы поймете, что все сказки похожи одна на другую. И что значит — сказка не имеет конца?

Кот встал и пошел вокруг дуба. По мере того, как он шел, цепь его наматывалась на дуб и все укорачивалась, укорачивалась...

— Вот я иду,— объяснял мне при этом кот.— Иду, иду, иду... Что? Дальше идти некуда? Вы скажете, что это конец сказки? А я скажу — нет. Я просто поворачиваюсь и иду в обратную сторону. Иду, иду, иду... Опять некуда идти? Я опять поверну обратно. Тут главное идти, а туда или назад — для нас не принципиально. Друг мой,— сказал кот, прерывая хождение и усаживаясь на прежнее место,— я знаю, что такое сказка — в этом смысле я ученый. Но я знаю, что такое жизнь — в этом смысле я тоже ученый.

Все это было, пожалуй, правильно. Меня смущало только одно:

— Вот вы все ходите туда и назад, а потом опять повторяете пройденное. Но ведь повторение — это все равно что конец?

Кот посмотрел на меня с улыбкой, в которой был заключен ответ. Да, конечно, говорилось в этой улыбке, некоторые считают именно так. Но со временем они поймут, жизнь их научит.

— Повторение,— сказал кот,— мать учения.

Солнце село и, прикоснувшись к земле, сразу почувствовало себя уверенней. Небо — это небо, а земля — это земля. И как высоко ни летай, все-таки дома — лучше.

Я подумал, что пора возвращаться домой. У меня там тоже есть дерево, вокруг которого я протопчу тропинку и буду ходить по кругу, как кот. Я буду идти туда, потом обратно, а потом снова все повторять, потому что повторение — мать учения.

— Да, так о чем мы говорили? — продолжил кот свою первую мысль.— Вот так мы живем, и все у нас, кажется, есть: и земля, по которой ходить, и дуб, под которым укрыться. Чего еще надо? Ходить по воде? Плавать по воздуху?

Кот помолчал и закончил с большим назиданием:

— Жизнь — это жизнь. Когда мы начинаем трезво смотреть на вещи, мы понимаем, что Ходящий По Мо-

рю — это просто-напросто мореход, а Плывущий По Воздуху — это всего-навсего воздухоплаватель. А Синяя птица — это просто синица, которая у нас в руках надежней журавля в небе...

12. СКАЗКА ПРО БЕЛОГО БЫЧКА

У попа была собака. Он ее любил. Она съела кусок мяса. Он ее убил.

Старая история.

Золушка бы сказала:

— Вот так бывает, когда все сводится к куску мяса.

— Поп убил собаку? — удивилась бы Царевна Лягушка. — Что вы, этого не может быть! Ведь он же ее любил, правда? И кусок мяса они поделили пополам — так всегда бывает, когда любят...

— Сначала любил, а потом убил? — рассмеялся бы царь Горох. — Это ничего, остроумно!

А кот, старый ученый кот рассудил бы совсем иначе.

— Такова жизнь, — сказал бы кот. — Жизнь такова, что в ней можно быть либо попом, либо собакой, либо мясом, которое едят с обеих сторон. Когда мне предлагают одно из трех, я выбираю четвертое.

Так сказал бы кот, и я с ним вполне согласен. Я не хочу никого убивать и не хочу, чтоб меня убивали. Я не хочу быть тем самым куском, из-за которого у них идет спор, потому что я знаю, чем для меня это кончится.

Довольно с меня этих сказок, у меня есть своя, с лужайкой и деревом, вокруг которого я протаптываю тропинку. И пусть эта тропинка никуда не ведет, зато она никуда не уводит.

Я иду по кругу, и мне видно все, что делается вокруг. Золушка по-прежнему продает в ларьке свои палочки. Она радуется, что люди тянутся к чудесам, и не понимает, что на ее палочки такой спрос не потому, что они волшебные, а потому что бесплатные. Идет зима, надо запастись дровами.

Я узнаю соседа Горыныча. Он стоит в очереди, в самом хвосте, а рядом с ним... Кто это рядом с ним? Да ведь это же Мальчик-с-пальчик и Царевна Лягушка!

Сорока-ворона кашку варила, деток кормила... Как летит время! Еще недавно они были такие маленькие, и вот

уже — такие большие. А сосед Горыныч, напротив, как-то поменьше стал. Одни в гору идут, другие — под гору. Жизнь — это жизнь.

Я протаптываю свою тропинку. Спешить мне некуда, главное — не сойти с круга.

Шаг. Остановка. Еще шаг. Остановка.

На повороте передо мной открывается море.

Море — это много воды. Берег — это много песка. Вода заливает песок, и он от этого становится мокрым.

— Здравствуй, старик!

Он не слышит меня.

— Как ловится?

Он не слышит.

Он вытащил невод, разложил на песке и стал спорожнять его. Рыбы плюхаются в море, как в котел с водой. А старик снова забрасывает невод.

Ловись, рыбка, большая и маленькая. Я протаптываю свою тропинку.

В очереди волнение: кто-то обнаружил старушку, которая норовила шмыгнуть без очереди. Сосед Горыныч качает головой — видно, стыдит. Остальные широко открывают рты — видно, ругаются.

— Да пропустите ж ее! — слышу я. — Уважайте старость!

Все начинают уважать старость, и старушку пропускают без очереди. Она что-то долго возится у прилавка — и вдруг исчезает. Вместо нее выволакивается вязанка палочек, которая тут же рассыпается по земле, обнаруживая за собой старушку — бабу Ягу.

Вот такая старушка хозяйственная: живет в лесу, а ходит сюда за дровами. Сейчас она рассыпала свою вязанку и принимается считать, складывая палочку к палочке.

Раз, два, три, четыре, пять... Вышел зайчик погулять. Вдруг охотник выбегает. Прямо в зайчика стреляет. Охотник стреляет. Зайчик умирает. Я протаптываю свою тропинку: раз, два, три, четыре, пять...

Подходит очередь соседа Горыныча. Он берет две палочки и тут же вручает их Мальчику-с-пальчику и Царевне Лягушке. Эти двое целуют Горыныча, потом целуют друг друга и обмениваются палочками.

Так вот оно что! Значит, Мальчик-с-пальчик все-таки женился на Царевне Лягушке... Выходит, он не зря послал ей тогда стрелу. Нет, конечно, тогда он еще ничего не думал, но — жизнь это жизнь, вырастают дети и смотрят на все другими глазами.

Дождалась Лягушка своего царевича. Думала, он из-за моря придет, а он тут же сидел, на соседней парте. Интересно, как они там решили свою задачу:

$$1 \text{ волк} + 7 \text{ козлят} =$$

Сколько они тогда спорили из-за этой задачи, а теперь не спорят, значит, все же решили, нашли верный ответ.

Баба Яга сосчитала палочки, связала их и тут же исчезла за этой вязанкой. Вязанка двинулась, но, кажется, не в ту сторону: вместо того, чтоб удалиться, она стала приближаться ко мне.

Терем-теремок, кто в тереме живет? Я здесь живу. Заходите, гостями будете.

— Ты гляди,— удивляется баба Яга.— Никак я заблудилась?

— Это бывает,— говорю я.— Я и сам заблудился — полсвета обблудил, пока домой попал.

— В жизни — оно знаете как,— вздыхает баба Яга, усаживаясь на вязанку.

— В жизни как в жизни,— согласно киваю я.

Шаг. Остановка. Еще шаг. Остановка. Я протапываю свою тропинку и разговариваю с бабой Ягой.

— Ходишь?

— Хожу.

— Ты бы ко мне зашел, если ходишь. Я тут рядом, в лесу.

Я объясняю, что мне некогда, что мне надо ходить по кругу. Туда идти, потом обратно, потом опять туда. Потому что повторение — мать учения.

— Я и сама мать, я понимаю,— вздыхает баба Яга.— Только трудное наше дело, материнское. Дети-то нынче знаешь какие пошли?

Баба Яга рассказывает о своих детях. Уехали они от нее и даже писем не пишут.

— Ничего, я еще до них доберусь,— говорит баба

Яга.— Я с них шкуру спущу, с окаянных. Пусть знают, что мать — это мать...

Мать — это мать. Действительно, лучше не скажешь.

— Мне-то самой много ли надо? Все ведь для них, иродов, чтоб им свету божьего не видать, чтоб им подавиться собственными костями!

Ладушки, ладушки, где были? У бабушки...

Пусть поговорит старушка, пусть поговорит. Видно, не с кем ей горем своим поделиться.

— Ты бы все же ко мне зашел, а? Посидели б, попили чайку. Я б тебе все, как есть, рассказала...

— Да нет, я уж лучше здесь, у себя дома. Все-таки у себя — это у себя.

— Что правда, то правда.

Она встает и скрывается за своей вязанкой.

— Ну ладно, пойду и я к себе. У меня еще изба не метена, ступа не чищена...

Я протапываю свою тропинку. Тропинку, которая никуда не ведет, но зато никуда не уводит.

Шаг. Остановка. Еще шаг. Остановка.

На ловца и зверь бежит: старик рыбак поймал золотую рыбку. Он поймал ее, хотя ее действительно не существует в природе. Ее не существует, но он все же ее поймал.

Как это все понимать? Старик, которому давно пора помирать, вдруг на старости лет поймал золотую рыбку. Рыбку, о которой все знают, что ее нет. И зачем ему золотая рыбка?

А Золушке все-таки повезло: к ней приехал принц, от которого она когда-то сбежала. Он бросил свое царство и теперь сидит у ларька, ждет, когда Золушка освободится. А когда она освободится? Народу полно, и каждый хочет иметь волшебную палочку.

А принц ждет. Он сидит под ларьком и держит хрустальные туфельки, потому что хрустальные туфельки — это хрустальные туфельки, мимо них не пройдешь. Но я прохожу мимо — у меня свои дела.

Куда девалась баба Яга? Что-то ее не видно. Может, к детям своим поехала — помнится, она говорила: «Я еще до них доберусь...»

Я протаптываю свою тропинку. Я иду по своим следам — в одну сторону, потом в другую, и этому не видно конца.

Шаг. Остановка. Еще шаг. Остановка.

Кто же я все-таки — Иванушка-дурачок или, может, Кошей Бессмертный?

Жили-были дед и баба. У них была курочка Ряба. А у меня — никого. Раньше были — и Снегурочка, и белый бычок, а теперь — где они?.. Неужели на белом свете для белого бычка не найдется белой вороны?.. Нет, не найдется... Ни белой вороны, ни Синей птицы, ни Красной Шапочки... Даже бабы Яги, и той нет — где-то старушка до своих детей добирается.

А мне некуда добираться. Я хожу по кругу, который не имеет конца, вот такая у меня бесконечная сказка...

Умрет сосед Горыныч, и дети его состарятся и умрут, и Золушка, как бы она ни старалась жить для людей, тоже умрет, когда придет ее время. И аты-баты умрут все до одного. А я?..

Шаг. Остановка. Еще шаг. Остановка.

Жили-были три солдата. Вот и сказочка начата. Жили-были три павлина. Вот и сказки половина. Жили-были три гуся. Вот и сказочка вам... вся? Как бы не так: я поворачиваюсь и иду в обратную сторону...

Рассказать вам сказку про белого бычка?

УЧЕНЫЕ СКАЗКИ

КАЙНОЗОЙСКАЯ ЭРА

(Трактат)

Мы живем в Кайнозойскую эру. (Знаете ли вы, читатель, что живете в Кайнозойскую эру, или вы над этим никогда не задумывались?) Эта эра славится многими выдающимися событиями, среди которых особенно замечательны два: исчезновение белемнитов — двужаберных десятиногих моллюсков, тормозивших развитие цивилизации, и появление человека.

Особо нужно сказать о рептилиях, которые господствовали на земле в течение почти двух эр — Палеозойской и Мезозойской. Их отличали фантастические размеры, четырехкамерные сердца, а также названия, оканчивающиеся на -завр: динозавры, бронтозавры, ихтиозавры, тираннозавры (исключение составляли иностранцевии, название которых, как оно само о том свидетельствует, было не нашего происхождения. А также некоторые другие виды). Рептилии занимали все жизненное пространство, и человеку просто негде было бы появиться, если

б эти чудовища не стали пожирать друг друга, сочетая таким образом приятное с полезным*. Были, конечно, среди них и травоядные, которые вымерли сами по себе, потому что всю жизнь питались одной травой. Выжили лишь те, кто вовремя успел приспособиться и, сжавшись в размерах, стал незаметно существовать под именем пресмыкающихся.

Таким образом, Кайнозойская эра (пятая по счету, но не по значению) навсегда покончила с отсталостью, в которой пребывали обитатели Земли, ведущие исключительно животный и растительный образ жизни. Поэтому, читатель, мы с вами вправе гордиться, что живем в Кайнозойскую эру.

Правда, и в нашей эре были разные периоды. Был особенно трудный — Третичный период, который можно назвать подготовительным, поскольку он подготовил почву для будущего расцвета. В этот период исчезли десятиногие белемниты, а рептилии превратились в обыкновенных пресмыкающихся. И тогда же, в Третичный период, появились первые обезьяны — предки тех обезьян, без которых (согласно последним теориям) было бы невозможно появление человека. Все шло к тому, что человек должен был появиться. Материя не могла существовать просто так — она должна была осмыслить себя, осознать, чтобы свободно господствовать над собой и держать себя у себя в подчинении. Никакие, самые фантастические, животные не могли ей в этом помочь, и она отказалась от них, чтобы осознать себя в человеке. Таким образом, хотя ничего разумного в этот (Третичный) период еще не было на Земле, общий ход развития был совершенно разумным.

Четвертичный период, пришедший на смену Третичному, начался Ледниковой эпохой. Глыбы льда, наподобие гигантских бульдозеров, проползали по земле, расчищая место для будущей цивилизации. Последние фантастические животные гибли, как гибнут фантазии перед лицом реальной действительности, а маленькая обезьянка ловко лавировала между ледниками, и чем больше на пути у нее было трудностей, тем быстрее она превращалась в человека. (Хотя говорят, что труден только первый шаг **,

---

* Выражение Горация.

** Выражение маркизы Дюдеффан.

тем не менее и остальные шаги не отличаются особенной легкостью. Даже в наше время, когда мы уже достаточно далеко ушли от обезьян, стать человеком представляет известную трудность.)

С появлением человека на земле началась новая жизнь. Самые, казалось бы, бесполезные предметы вдруг нашли свое применение. Камни, палки — все пошло в ход для того, чтобы утвердить на земле человека.

Это был Каменный век, век всеобщего изобилия. Все необходимое валялось прямо так, под ногами. Нужен молоток — вот тебе молоток, нужно зубило — вот тебе зубило. Впрочем, уровень культуры был еще не высок. Не говоря уже о развитии наук, которые вовсе не развивались, само сознание людей оставляло желать много лучшего. Очень часто, не отдавая себе отчета, в какую эру они живут, люди совершали поступки, немыслимые даже в Мезозойскую эру. Так, например, они (иногда) убивали себе подобных.

Но они любили свой Каменный век и мечтали о будущем — Медном веке. И чтобы быть достойными этого века, они совершали свои ошибки и исправляли их, и на старых ошибках учились совершать новые.

Колесо истории двигалось медленно и со скрипом, словно проезжая по всем камням, которые разбросал перед ним Каменный век. Но оно все же двигалось, увлекая за собой Землю и всех, кто ее населял.

Большой потерей было исчезновение мамонтов. Эти великолепные животные, которых было бы так хорошо поместить в зоопарках, и ухаживать за ними, и кормить их, протягивая сквозь прутья клетки булку или морковь, вымерли все до одного от недостатка ухода.

Может быть, мамонтов погубило то, что они, в отличие от людей, не верили в бессмертие. Люди, в отличие от мамонтов, верили. Их земная жизнь была подобна кокону бабочки: и тесно, и неудобно, зато потом, после всего, есть надежда расправить крылья.

Несмотря на популярную версию о бессмертии, люди в то время были смертны, как никогда. И хотя жизнь, словно картина бездарного художника, была дорога только своему владельцу, каждый порывался ее у него отобрать.

Старый, добрый Каменный век давным-давно канул в прошлое, уступив место суровому Медному веку. Медь не валялась под ногами, ее приходилось добывать, и человечество разделилось на тех, кто добывает, и тех, кто использует добытое,— на рабов и рабовладельцев. Медный век, подобно медному пятаку, был повернут к одним орлом, а к другим — решеткой.

Бронзовый век был подобен бронзовому пятаку...

Железный век...

Вместе с тем, по сравнению с первобытной общиной, рабовладельческий строй был значительным шагом вперед. Благодаря новой организации труда, человечество добилось больших успехов.

У входа в гавань Родоса возвышался Колосс Родосский, семидесятиметровый колосс, отлитый из меди.

В Вавилоне появились висячие сады, которые хотя и не плодоносили, зато буквально висели в воздухе, совершенно не касаясь земли.

В Египте строились пирамиды. Работа спорилась.

Так за короткий срок были созданы все семь чудес света. Рабский труд поистине творил чудеса.

Повысилась и общая культура. В Греции был изобретен буквенный алфавит, открывший широкие возможности, используя эти возможности, афинский законодатель Дракон написал свои знаменитые драконовские законы, по силе воздействия не уступавшие поэмам Гомера.

Вначале, когда производство было еще не налажено, рабов импортировали из других стран. Из Египта в Персию, из Персии в Рим. Но со временем каждая страна научилась производить рабов на месте, из своих соотечественников. Экономически это было более выгодно, да и более гуманно, так как, находясь у себя в стране, рабы были избавлены от тоски по родине.

В одно и то же время в одной и той же стране жили рабовладелец Симонид и раб Эзоп, оба питавшие склонность к литературе. Первый уже тогда был известным поэтом, которого тираны* наперебой приближали к своим дворам, а второй сочинял свои басни в свободное от работы время, между уборкой хлеба и рубкой дров. Воз-

---

* Так тогда называли правителей, пришедших к власти вопреки воле народа.

можно, они были знакомы. Возможно даже, безвестный Эзоп приходил к знаменитому Симониду за советом и консультацией.

— Эх, Эзоп, Эзоп,— возможно, говорил Симонид.— Ну к чему все эти аллегии? Неужели ты не можешь, как я, открыто славить тирана? И что это за намек — одна ласточка весны не делает? В наших условиях, Эзоп, именно одна ласточка делает весну.

Эзоп, конечно, понятия не имел, что такое аллегория, и тогда Симонид ему объяснял:

— Аллегория, Эзоп, это такая двусмысленность, когда можно думать и так, и этак. А это, Эзоп, нехорошо. Хорошо, когда все думают одинаково.

— Значит, не получилось,— вздыхал Эзоп.— Видно, оно такое дело... Видно, не каждому дано...

И он уходил, давая себе зарок отныне бросить это пустое занятие и одновременно сочиняя басню про лисицу и виноград...

Кончились доисторические времена, и человек начал творить историю. Он мучительно вспоминал свое прошлое, подчас буквально выкапывая его из-под земли. «Каменный век... что же было у нас в Каменный век?» И хотя в Каменном веке было все, вплоть до мамонтов, современный человек не склонен считать его веком полного изобилия. Ему, современному человеку, мало, чтобы камни и палки валялись у него под ногами. Он, современный человек, не хочет убивать себе подобных, а если и убивает, то только тех, кого не считает себе подобными. Всею свое время. Мы сегодня не те, что были вчера.*

И все же нам, homo sapiens'ам,** иногда полезно заглянуть в прошлое, чтобы, исправляя вчерашние ошибки, не совершать тех, которые придется исправлять завтра.

Бронтозавры вымерли еще в Третичный период.

Еще в Ледниковую эпоху обезьяна очеловечилась.

Главное — не забывать, в какое время мы живем, помнить, что мы живем в Кайнозойскую эру.

---

* Выражение Горация. (Non sum qualis eram).

** Разумным людям.

АРХИМЕД

- Эй, что ты там чертишь на песке?
— Вычисляю. Знаете ли вы, что если найти точку опоры, можно перевернуть земной шар?
— Перевернуть земной шар? Ого, в этой мыслишке кое-что есть!

Из древнего разговора

Не троньте, не троньте его кругов! Не троньте кругов Архимеда!..

Один из пришлых римлян-врагов с ученым вступает в беседу:

— К чему говорить о таком пустяке? — легат вопрошает с улыбкой. — Ты строишь расчеты свои на песке, на почве, особенно зыбкой.

Сказал — и услышал ответ старика:

— Солдат, вы меня извините. Но мудрость жива и в сыпучих песках, а глупость — мертва и в граните.

— Ты, вижу, мастер красивых слов, — легат завершил беседу. — Старик, я не трону твоих кругов.

Сказал — и убил Архимеда.

История мчится на всех парах, одни у нее заботы: уже архимеды горят на кострах, восходят на эшафоты...

Они, архимеды, кладут кирпичи, другим уступая победу...

И ныне, как прежде, над миром звучит: НЕ ТРОНЬТЕ КРУГОВ АРХИМЕДА!

КАРФАГЕН

Едва Карфаген возник, как уже стали поговаривать о том, что он должен быть разрушен.

— У нас кончились ассигнования на строительство, а на разрушения не использованы средства, — поговаривали в римском сенате. — Поэтому, как ни прискорбно, другого выхода нет: Карфаген должен быть разрушен.

Римляне с прискорбием согласились и стали немножку разрушать Карфаген.

Дело осложнялось тем, что жители Карфагена, мало

сведущие в бюджетных трудностях чуждой им Римской империи, сильно тормозили разрушение своего города.

— Карфаген должен быть разрушен! — поговаривали в римском сенате через год.

— Карфаген должен быть разрушен! — поговаривали там через три года.

Римский бюджет переживал трудности.

И вместе с ним переживали трудности жители далекого города Карфагена.

ГЕРОСТРАТ

А Герострат не верил в чудеса. Он их считал опасной причудой. Великий храм сгорел за полчаса, и от него осталась пепла гряда.

Храм Артемиды. Небывалый храм по совершенству линий соразмерных. Его воздвигли смертные богам — и этим чудом превзошли бессмертных.

Но Герострат не верил в чудеса, он знал всему действительную цену. Он верил в то, что мог бы сделать сам. А что он мог? Поджечь вот эти стены.

Не славолюбец и не фантазер, а самый трезвый человек на свете — вот он стоит. И смотрит на костер, который в мире никому не светит.

ДИОГЕН СИНОПСКИЙ

Диоген получил квартиру.

После тесной и душной бочки стал он барином и жуи-ром, перестал скучать в одиночку. Всем доволен, всем обеспечен, он усваивал новый опыт. Иногда у него под вечер собирались отцы Синопа. Те, что прежде его корили, те, что прежде смотрели косо...

И все чаще в своей квартире тосковал Диоген-философ.

И тогда, заперев квартиру, неумытый, в одной сорочке, шел к соседнему он трактиру.

Диогена тянуло к бочке...

КСАНТИППА

Верная, примерная Ксантиппа, как ты любишь своего Сократа! Охраняешь ты его от гриппа, от друзей, от водки, от разврата, от больших и малых огорчений, от порывов, низких и высоких, от волнений, лишних впечатлений, от весьма опасных философий, от суждений, слишком справедливых, изречений, чересчур крылатых...

Любящая, добрая Ксантиппа, пожалей несчастного Сократа!

ГЛАДИАТОРЫ

— Завтра я убью Мария!

— А я Суллу!

Гладиаторы готовятся к предстоящему бою. Они проверяют доспехи, чистят оружие, они спрашивают друг друга:

— Достаточно ли остер мой меч?

Они советуют друг другу:

— Бей по этому месту. Тогда уж наверняка!

Они говорят друг другу:

— Завтра я убью Мария!

— А я Суллу!

Назавтра начинается бой. Гладиаторы ободряют друг друга и шепчут тихонько:

— Желаю удачи!

Они дерутся, как львы. Они не знают пощады, и римские консулы рукоплещут им со своих трибун...

Гладиаторы убивают друг друга.

ЖЕНА ЦЕЗАРЯ

Это был тот день, когда к Помпее, жене великого Цезаря, под видом женщины проник переодетый мужчина.

— Кай Юлий, это уже не в первый раз! — сказали Цезарю его приверженцы.

— Не в первый? Я что-то не вспомню других.

— Кай Юлий, у тебя просто плохая память.

Цезарь был оскорблен:

— Ну, знаете... Мне может изменить жена, но память мне изменить не может.

— Может, может! — хором твердили приверженцы.

И тогда Цезарь заколебался.

— Уходи, Помпея, — сказал он. — Жена Цезаря должна быть вне подозрений.

Это был тот день. Это был последний день Помпеи в доме у Кая Юлия Цезаря.

— До свиданья, Юлий, — грустно сказала она. — Я думаю, ты еще будешь раскаиваться.

Жена ушла.

Подозрения остались.

Жена Цезаря была вне подозрений.

РАБСТВО

Туллий Цицерон был рабом своего красноречия.

Гней Помпей был рабом своего успеха.

Юлий Цезарь был рабом своего величия.

Один был в Риме свободный человек: раб Спартак.

ОТКРЫТИЕ АМЕРИКИ

Нет, не Колумб первый открыл Америку. Первыми были совсем другие.

Это они обжили необжитую землю и полюбили ее, не зная других земель. Из конца в конец прошли они материк, нисколько не считая, что открывают Америку.

— Посмотри туда, Соколиный Глаз: к нам, кажется, кто-то плывет...

— Прислушайся, Чуткое Ухо...

— Поддержи меня, Твердая Рука...

Нет, не Колумб первый открыл Америку. Но так уже повелось, что первый — всегда Колумб, и всегда последние — могикине...

НЬЮТОНОВО ЯБЛОКО

— Послушайте, Ньютон, как вы сделали это свое открытие, о котором теперь столько разговору?

— Да так, обыкновенно. Просто стукнуло в голову.

Они стояли каждый в своем дворе и переговаривались через забор, по-соседски:

— Что стукнуло в голову?

— Яблоко. Я сидел, а оно упало с ветки.

Сосед задумался. Потом сказал:

— Признайтесь, Ньютон, это яблоко было из моего сада? Вот видите, ветка свешивается к вам во двор, а вы имеете привычку здесь сидеть, я это давно приметил.

Ньютон смутился.

— Честное слово, не помню, что это было за яблоко.

На другой день, когда Ньютон пришел на свое любимое место, ветки яблони там уже не было. За забором под яблоней сидел сосед.

— Отдыхаете? — спросил Ньютон.

— Угу.

Так сидели они каждый день — Ньютон и его сосед. Ветка была спилена, солнце обжигало Ньютонову голову, и ему ничего не оставалось, как заняться изучением световых явлений.

А сосед сидел под своим деревом и ждал, пока ему на голову упадет яблоко.

Может быть, оно и упало, потому что яблок было много и все они были свои. Но сейчас это трудно установить. Имени соседа не сохранила история.

ИЗВОЗЧИКИ ГОРОДА ГЛАЗГО

Извозчики города Глазго съезжались на свой очередной сбор, официально называемый слетом работников транспорта.

Стояла зябкая, слякотная погода. В такую погоду хорошо иметь за спиной веселого седока, потому что ничто так не согревает, как разговор, — это отлично знают извозчики.

Но веселые седоки брели в этот день пешком, возложив на транспорт только свои надежды. На городской транспорт возлагались сегодня очень большие надежды, и, возможно, поэтому он подвигался так тяжело.

Слет проходил на центральной торговой площади. Первые ряды занимали многоконные дилижансы, за ними

шли двуконные кареты, одноконные пролетки, а в самом конце толпилась безлошадная публика.

Среди этой публики находился и Джеймс Уатт.

Разговор шел на уровне дилижансов. Там, наверху, говорилось о том, что лошади — наше будущее, что если мы хотим быстрее прийти к нашему будущему, то, конечно, лучше к нему приехать на лошадях.

Одноконные пролетки подавали унылые реплики. Дескать, не в коня корм. Дескать, конь о четырех ногах — и то спотыкается.

Но эти реплики не достигали высокого уровня дилижансов.

— Дайте мне сказать! — крикнул безлошадный Уатт. — У меня есть идея!

— Где ваша лошадь, сэр? — спросили с передних козел.

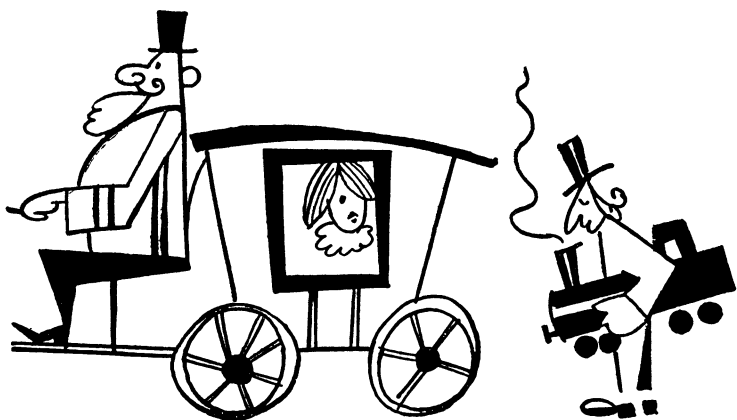
— У меня нет лошади... У меня идея...

На него прищурились десятки насмешливых глаз. Десятки ртов скривились в брезгливой гримасе:

— Нам не нужны идеи, сэр. Нам нужны лошади.

Потому что, продолжали они, лошади — наше будущее, и если мы хотим быстрее прийти к нашему будущему, то, конечно, лучше к нему приехать на лошадях.

Собрание проходило успешно. Отмечалось, что за истекший год городской транспорт увеличился на несколько лошадиных сил, а за текущий год он увеличится еще на

несколько лошадиных сил, а за будущий год — еще на несколько...

Потому что лошади — наше будущее, и если мы хотим быстрее прийти к нашему будущему, то, конечно, лучше к нему приехать на лошадях.

— Дайте мне сказать!

Стояла зябкая, слякотная погода. Моросил дождь, и Уатт прятал под плащом модель своего паровоза. Он прятал ее не от дождя, а от этих десятков глаз, которым ни к чему паровоз, когда идет такой серьезный разговор о транспорте.

Настоящий, большой разговор о транспорте.

О будущем нашего транспорта.

Об огромных его перспективах.

...Разъезжались на лошадях.

ОДИН ШАГ

— От великого до смешного один шаг,— сказал Наполеон и все-таки не сделал этого шага.

Но у Наполеона были последователи...

НЕГЕРОИ

И в декабре не каждый декабрист. Трещит огонь, и вьет летним духом. Вот так сидеть и законный свист, метельный свист ловить привычным ухом.

Сидеть и думать, что вокруг зима, что ветер гнет прохожих, как соломѹ, поскольку им недостает ума в такую ночь не выходить из дома.

Подкинуть дров. Пижама запахнуть. Лениво ложкой поболтать в стакане. Хлебнуть чайку. В газету заглянуть — какая там погода в Магадане?

И снова слушать законный свист. И задремать — до самого рассвета.

Ведь в декабре — не каждый декабрист.

Трещит огонь.

У нас в квартире — лето...

ГОМЕР

А ведь старик Гомер был когда-то молодым человеком. Он пел о могучем Ахилле, хитроумном Одиссее и Елене — женщине мифической красоты.

— Вы знаете, в этом Гомере кое-что есть, — говорили древние греки. — Но пусть поживет с наше — посмотрим, что он тогда запоеет.

И Гомер жил, хотя многие теперь в этом сомневаются. И он пел — в этом теперь не сомневается никто. Но для древних греков он был просто способный молодой поэт, сочинивший пару неплохих поэм — «Илиаду» и «Одиссею».

Ему нужно было состариться, ослепнуть и даже умереть, для того чтобы в него поверили.

Для того, чтоб сказали о нем:

— О, Гомер! Он так хорошо видит жизнь!

ОСУЖДЕНИЕ ПРОМЕТЕЯ

— Ну посуди сам, дорогой Прометей, в какое ты ставишь меня положение. Старые друзья, и вдруг — на тебе!

— Не печалься, Гефест, делай свое дело!

— Не печалься! По-твоему, приковать друга к скале — это так себе, раз плюнуть?

— Ничего, ты ведь бог, тебе не привыкать!

— Зря ты так, Прометей. Ты думаешь, богам легко на Олимпе?

Гефест взял друга за руку и стал приковывать его к скале.

— Покаялся бы ты, дорогой, а? Старик простит, у него душа добрая. Ну, случилось, ну, дал людям огонь — с кем не бывает?

Прометей молчал.

— Думаешь, ты один любишь людей? — вздохнул Гефест. — А боги на что? Ведь они для того и поставлены. И тебя они любят, как другу тебе говорю. А если карают... — Гефест взял копье и пронзил им грудь Прометея. — Если карают, то ведь это тоже не для себя. Пойми, дорогой, это для твоего же блага!

ЯНУС

Не беда, что Янус был двулик, в общем-то он жизнь достойно прожил. Пусть он был одним лицом ничтожен, но зато другим лицом — велик. Пусть в одном лице он был пройдоха, но в другом был честен и правдив. Пусть с людьми он был несправедлив, но с богами вел себя неплохо. Пусть подчас был резок на язык, но подчас довольно осторожен.

Не беда, что Янус был двулик. В среднем, он считается хорошим.

ШЕХЕРЕЗАДА

А когда наступила тысяча вторая ночь, царь Шахрияр сказал:

— Шехерезада, теперь тебе ничто не грозит. Можешь смело рассказывать свои сказки.

Тысячу и одну ночь под страхом смерти рассказывала она царю разные небылицы. И вот — ее помиловал Шах-рияр.

— Шехерезада, расскажи сказку!

— С радостью, повелитель!

Ну, конечно, с радостью. Теперь, когда ничто не грозит... Можно такую выдумать сказку! Можно такую выдумать...

— Шехерезада, расскажи сказку!

— С радостью, повелитель!

Шехерезада сидит у ног царя. Сейчас она расскажет ему сказку. Это будет прекрасная сказка, чудесная и легкая, как сон...

— Ты спишь, Шехерезада?

Да, она спит. Позади — тысяча и одна ночь. А что впереди?

Пожалуйста, не будите Шехерезаду!

МЮНХГАУЗЕН

Ври, Мюнхгаузен!

Выдумывай, барон!

Выдавай за чистую монету!

Не стесняйся, старый пустозвон,—

Все равно на свете правды нету!

Скептическая песня

— Итак, я летел с двадцать третьего этажа...

Мюнхгаузен посмотрел на своих слушателей. Они сидели, ухмылялись и не верили ни одному его слову.

И тогда ему захотелось рассказать о том, что у него на душе, о том, что его давно печалило и волновало.

— Я летел и думал,— заговорил он так правдиво и искренне, как не говорил никогда.— Земля, думал я, в сущности, неплохая планета, хотя не всегда с ней приятно сталкиваться. Вот и сейчас она тянет меня к себе, даже не подозревая о возможных последствиях. А потом, когда я больше не смогу ей противиться, она спрячет меня, как прячет собака кость. Прячет, а после сама не может найти. Земля тоже не сможет меня найти — если станет искать когда-нибудь...

Мюнхгаузен опять посмотрел на слушателей. Они по-прежнему ухмылялись и не верили ни одному его слову.

И ему стало грустно — так грустно, что он величественно поднял голову и небрежно окончил рассказ:

— Я задумался и пролетел свою конечную остановку. Только это меня и спасло.

МУШКЕТЕРЫ

Бражники, задиры, смельчаки — словом, настоящие мужчины... Молодеют в зале старики, женщины вздыхают беспричинно.

Горбятся почтенные отцы: их мечты — увь! — не так богаты. Им бы хоть бы раз свести концы не клинков, а собственной зарплаты.

Но зовет их дивная страна, распрямляет согнутые спины, — потому что женщина, жена хочет рядом чувствовать мужчину.

Бой окончен. Выпито вино. Мир чудесный скрылся за экраном.

Женщины выходят из кино. Каждая уходит с д'Артаньяном.

ОСТРОВ ЛИЛИПУТОВ

Если бы у лилипутов не было Гулливера, то как бы лилипуты писали свою историю?

Но у лилипутов был Гулливер...

«Лемюэль Гулливер, лилипут по рождению, воспитанию и вероисповеданию. Происходил из довольно низкого рода, но сумел подняться до невиданных высот и высоко поднять знамя нашей великой, славной Лилипутии...»

Лилипуты читают эти строки и вырастают в собственных глазах.

ДОН-КИХОТ

1

Говорят, что в самом конце Дон-Кихот все-таки женился на своей Дульцинее. Они продали Росинанта и купили себе козу. Коза дает два литра молока, но это, гово-

рят, не предел. Говорят, бывают такие козы, которые дают в день до трех литров...

Впрочем, это только так говорят...

2

Санчо Панса, трезвый человек, человек не сердца, а расчета, вот уже подряд который век ходит на могилу Дон-Кихота.

И уже не бредом, не игрой обернулись мельничные крылья... Старый рыцарь — это был герой. А сегодня он лежит в могиле.

Был старик до подвигов охоч, не в пример иным из молодежи. Он старался каждому помочь, а сегодня — кто ему поможет?

Снесены доспехи на чердак, замки перестроены в хоромы. Старый рыцарь был большой чудак, а сегодня — мыслят по-другому...

Видно, зря идалго прожил век, не стяжал он славы и почета...

Санчо Панса, трезвый человек, плачет на могиле Дон-Кихота.

ФАУСТ

1

Над землей повисло небо — просто воздух. И зажглись на небе звезды — миф и небыль, след вселенского пожара, свет летучий... Но закрыли звезды тучи — сгустки пара. Слышишь чей-то стон и шепот? Это ветер.

Что осталось нам на свете? Только опыт.

Нам осталась непокорность заблуждению. Нам остался вечный поиск — дух сомненья.

И еще осталась вера в миф и небыль. В то, что наша атмосфера — это небо. Что космические искры — это звезды...

Нам остались наши мысли — свет и воздух.

2

— Доктор Фауст, хватит философий, и давайте говорить всерьез!

Мефистофель повернулся в профиль, чтобы резче обозначить хвост.

Все темнее становилась темень, за окном неслышно притаясь. За окном невидимое время уносило жизнь — за часом час. И в старинном кресле — неподвижен — близко-руко шурился на свет доктор Фауст, маг и чернокнижник, утомленный старый человек.

— Доктор Фауст, будьте оптимистом, у меня для вас в запасе жизнь. Двести лет... пожалуй, даже триста — за здоровый этот оптимизм!

Что он хочет, этот бес нечистый, этот полудемон, полушут?

— Не ищите, Фауст, вечных истин. Истины к добру не приведут...

Мало ли иллюзий есть прекрасных? Доктор Фауст, ну же, откажись!

Гаснут звезды. В доме свечи гаснут. В старом кресле угасает жизнь.

ЙОРИК

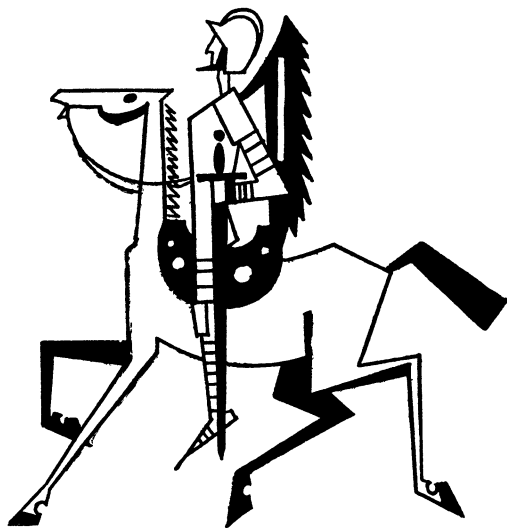
Мне хочется во времена Шекспира, где все решали шпага и рапира, где гордый Лир, властительный король, играл не выдающуюся роль; где Гамлет, хоть и долго колебался, но своего, однако, добивался; где храбрый Ричард среди бела дня мог предложить полцарства за коня; где клеветник и злопыхатель Яго марал людей, но не марал бумагу; где даже череп мертвого шута на мир глазницы пялил неспроста.

Мне хочется во времена Шекспира. Я ровно в полночь выйду из квартиры, миную двор, пересеку проспект и — пошагаю... Так, из века в век, приду я к незнакомому порогу. Ссудит мне Шейлок денег на дорогу, а храбрый Ричард своего коня. Офелия, влюбленная в меня, протянет мне отточенную шпагу... И я поверю искренности Яго, я за него вступлюсь, презрев испуг. И друг Гораций, самый верный друг, меня сразит в жестоком поединке, чтобы потом справлять по мне поминки.

И будет это долгое — Потом, в котором я успею позабыть, что выпало мне — быть или не быть? Героем — или попросту шутом?

ФАНТАСТИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

КОРОЛЕВСКИЙ ЗАМОК

В старинном Краковском замке, полном блеска и хорошо сохранившегося величия, достаточно простора для глаз, но нет приюта усталому телу туриста. Кресла, на которых нельзя сидеть, диваны, на которых нельзя лежать, опочивальни, в которых опочивать не разрешается. Ноги наши, обутые в огромные шлепанцы, не настолько ветхие, чтобы их отнести к памятникам культуры, с трудом отрываются от старинного пола, натертого тысячами точно таких же ног.

Наш экскурсовод, пожилой интеллигент с лицом пожилого интеллигента, один не поддается усталости. Ему есть что рассказать, есть что показать, и от этого он чувствует себя если не хозяином замка, то, во всяком случае, хозяином положения.

— Это тронный зал,— говорит наш экскурсовод.— Вот видите, трон?

Мы смотрим на трон, преодолевая томительное желание сесть на него, как на простую скамейку.

Время движется медленно, переходя из комнаты в комнату, подолгу простаивая перед портретами неизвестных вельмож и заглядывая всюду, куда заглядывать не положено. Все часы в замке стоят, как обычно стоят часы, окруженные подобным почетом.

В одном из залов, уже не помню, в каком, мое внимание привлек подоконник. Не слишком достопримечательный, но достаточно просторный, чтобы на нем посидеть. На нем уже сидел какой-то турист, и он гостеприимно подвинулся, освобождая для меня место.

— Ну, как, нравится? — спросил он, когда я воспользовался его гостеприимством.

— Интересно, — сказал я. — Интересно, сколько там еще комнат?

— Комнат много, — сказал мой сосед с неожиданной осведомленностью. — Столовая, гостиная, приемная, еще приемная...

— Вы уже здесь бывали?

— Я здесь живу, — сказал мой сосед. — Извините, забыл вам представиться. — И он представился: — Граф Базель, королевский министр.

Я стал оглядываться в поисках экскурсовода, и граф Базель заметил мое беспокойство.

— Вы торопитесь? О, прошу вас, не торопитесь! В наш век, когда все торопятся, посидеть на подоконнике редко когда удается.

Я подумал, что он прав, и остался.

— Мой король — удивительный человек, — сказал граф Базель. — Такой замок, вы сами видели, а он почти в нем не живет. Все время куда-то ездит — то в гости, то на войну. Не понимаю, как можно все время ездить на войну?

— Я тоже не понимаю.

— Вот видите! Тем более, если учесть, что мы живем в пятнадцатом, а не в тринадцатом веке, у нас уже есть пушки, так сказать, оружие массового уничтожения.

Граф Базель дернул за какой-то шнурок, и перед нами возник пожилой лакей, в котором я без труда признал нашего экскурсовода.

— Слушаю ясновельможного пана, — сказал экскурсовод.

— Послушайте, послушайте,— благожелательно кивнул ему граф Базель,— а потом скажете, прав я или не прав.

— Слушаю ясновельможного пана,— подтвердил свою готовность экскурсовод.

— Я говорю,— продолжал граф Базель, обращаясь уже к нам двоим: — Мы живем в пятнадцатом веке, так сказать, на самом гребне цивилизации. Величайшие достижения научной мысли... Например, труды Паркоша, Длугоша, Острогора...

— Профессора Краковского университета, крупные ученые и гуманисты,— шепнул мне экскурсовод.

— Так вот я и говорю,— завершил свою мысль граф Базель.— В то время, когда всюду такие достижения — вдруг какие-то войны, убийства, бог знает что. Правильно это?

— Это, прошу пана, как посмотреть,— почтительно заметил экскурсовод.— Если с человеческой точки зрения, то неправильно, а если с исторической...

— А, плевать мне на эту историю! — загремел граф Базель, соскакивая с подоконника.— Плевать мне на нее, если она развивается не по-человечески!

— Мысли, довольно распространенные среди части польской интеллигенции пятнадцатого века,— шепнул мне экскурсовод, но тут граф дернул за шнурок, и он исчез, едва успев поклониться.

— Вот так они все,— сердито проворчал граф Базель.— История, история... Я вам прямо скажу: ни черта она без людей не стоит, история!

Я давно потерял надежду догнать свою группу, и потому охотно согласился, когда граф Базель предложил показать мне замок. Он водил меня по бесчисленным залам, ничего не объясняя и тем самым давая волю моей фантазии.

В одном из покоев, куда не разрешалось входить, в кресле, в котором не разрешалось сидеть, спала девушка.

— Это Алина, моя дочь,— сказал граф Базель.— Еще у меня есть жена Мира и сын Юлик — как видите, целая семья.

Он разбудил девушку и представил меня:

— Познакомься, Алина, это наш гость, из Московии. Кажется, у вас там сейчас Иван Третий? Ну, как он? Грозный, говорят, царь?

Из истории я знал, что Грозным был не Третий Иван,

а Четвертый. Но мне не хотелось с польским графом обсуждать характер русских государей.

— Царь как царь,— сказал я.— Даже весьма приличный. А если строгий, так как же без этого, когда с одной стороны Литва и Ливония, а с другой — Золотая орда?

Граф Базель посмотрел на меня недоверчиво. И вдруг заторопился:

— Извините, меня ждут дела. Оставляю вас на попечение моей дочери.

Дочь графа занимали вопросы совсем не те, которые волновали ее отца.

— А как у вас молодежь? Чем она увлекается? Какие из новых поэтов у вас особенно популярны?

— Вознесенский,— не задумываясь, ответил я.

— А у нас Данте. Особенно его «Божественная комедия». Какие стихи, какой прекрасный итальянский язык!

— Я читал по-русски.

Алина была поражена:

— Как? У вас уже успели перевести Данте?

— Да, я читал его в переводе Лозинского. Того, который переводил Шекспира.

— Шекспира? Он что — тоже поэт? Признаться, я даже о нем не слыхала.

Шекспир относится к шестнадцатому — семнадцатому веку. Вознесенский и Лозинский — к двадцатому. Было нелепо спорить о них в пятнадцатом веке, и я поспешил замять этот неудачный литературный разговор.

— А что у вас здесь еще интересного?

— Да так... право, не знаю. Есть у нас в университете интересные ребята. Например, Коперник...

— Николай?

— Да, а вы что — уже о нем слышали? Это действительно способный студент. Профессор Брудзевский учит, что Земля — центр вселенной, а Коперник на этот счет сомневается. Мы с ним на днях говорили, так он мне такую теорию развил! Будто Земля вращается вокруг Солнца. Представляете?

— Представляю.

— Нет, на самом деле. И еще

у него есть свое мнение по поводу звезд. Конечно, каждый молодой человек любит с девушкой поговорить о звездах, но все они говорят как-то бессмысленно. А послушали бы вы, как говорит о звездах Коперник!

Я иду за ней из зала в зал, удивляясь и подавляясь окружающей роскошью.

Старинная мебель, картины старинных мастеров... Все это сейчас привлекает только в музеях, но ведь когда-то и оно было новым, быть может, смелым для своего времени... Все часы в замке стоят, показывая время, минувшее несколько столетий назад.

Польша, XV век. Казимир IV Ягеллончик довел до конца разгром Тевтонского ордена. Польша становится сильным государством, во главе которого стоит вольный сейм.

— А еще у нас любят танцевать,— говорит Алина.— Знаете, есть такой новый танец — кадрили? Так вот, почти вся молодежь у нас танцует кадрили. Правда, учителя танцев не признают кадрили, они говорят, что это влияние запада, и заставляют танцевать краковяк. Конечно, краковяк хороший танец, этого никто не станет отрицать, особенно у нас, в Кракове. Но сколько можно танцевать краковяк?

Она проходит в следующий зал, а я задерживаюсь у какого-то портрета. Очень знакомое лицо. Где я мог его видеть? Может, это польский король или кто-нибудь из министров?

— А теперь пройдемте в гобеленовый зал,— слышу я за своей спиной.

Я оборачиваюсь и вижу свою группу туристов, от ко-

торой я отстал или которую опередил — теперь уже ничего не понятно.

— Вот это гобеленовый зал,— говорит наш экскурсовод.— Видите, сколько здесь гобеленов?

Гобеленов действительно много. Каждый на свой манер, но, в общем, довольно однообразные. И зачем в одной комнате столько гобеленов?

Мы выходим из Королевского замка, и каждый наш шаг — как век, приближающий нас к современности. И вот перед нами сегодняшний Краков, в котором так романтично новое сочетается со стариной. Город студентов, ученых, рабочих, а также туристов — значит, это и наш город...

На противоположной стороне улицы я замечаю знакомую пару.

— Граф Базель! — кричу я, бросаясь на красный свет.— Алина!

Меня останавливает свисток милиционера, а затем появляется и сам милиционер. Он что-то объясняет мне — что именно, я не слышу, потому что кричу в полном отчаянии:

— Граф! Пойдите! Куда же вы, граф?!

Они не слышат меня — граф Базель и его дочь. И пока милиционер выписывает мне квитанцию, они уходят все дальше и дальше...

Куда? Не знаю. Наверное, далеко. Быть может, в свое средневековье.

ПАН ПРАТХАВЕЦ

Есть в Польше город, и в этом городе есть дом, в котором помнят о пане Пратхавце. Больше о нем уже нигде не помнят. Потому что в жизни все забывается, и странно думать, что пан Пратхавец может стать каким-нибудь исключением. О нем тоже забыли—и все. Пшепрашам, пане, не впадайте в отчаянье, не сердитесь, пане, как вас там зовут?

Но есть в Польше город, и в этом городе есть дом, в котором помнят о пане Пратхавце.

— О, пан Пратхавец! — говорят в этом доме.— Это замечательный пан. В свое время о нем писали во всех учебниках зоологии. И это ничуть не вскружило ему голову — нет, нет, пан Пратхавец не из тех, он принципиально не читает учебников!

О нем говорят: пан Пратхавец — это рыцарь на белом коне. Помните, как он полюбил прекрасную Гирудину и

ушел за ней на край света? Он оставил все — нужно побывать в Польше, чтобы понять, как много он здесь оставил. Он оставил этот лес с высокими, прямыми, как мачта, деревьями, каждое из которых растет само по себе, вежливо ни с кем не соприкасаясь и строго оберегая свою независимость. Он оставил землю, по которой привык ходить, и небо, которым привык любоваться. Он оставил любимый город Краков с его шумной торговой площадью и старой божницей Казимежской. Потому что пани Гирудина была необыкновенная пани, и о ней тоже писали в учебниках зоологии.

Это случилось так.

Пан Пратхавец возвращался домой после битвы, которую вели между собой брюхоногие и головоногие. Пан Пратхавец не принадлежал ни к тем, ни к другим, но он любил битвы и всюду, где мог, принимал в них участие. Головоногие победили брюхоногих, доказав тем самым, что сила не в брюхе, а в голове, хотя на самом деле сила была в пане Пратхавце. Это он воевал за головоногих, и это он победил.

Пан Пратхавец ехал на своем белом коне, держа путь на Краков, где ему готовился пышный прием в Королевском дворце. (Вы были в Королевском дворце? Красиво, хотя, правда, уже не то — слишком много экскурсоводов).

И вот по дороге на Краков пан Пратхавец встретил прекрасную Гирудину.

Она сидела у дороги и обрывала клевер, тот самый, о котором польский мудрец сказал, что если всю землю засеять четырехлистным клевером, можно сделать счастливыми всех людей. Гирудина сидела и обрывала клевер, потому что тоже хотела быть счастливой.

Пан Пратхавец окинул взглядом клеверные поля и сразу нашел то, что нужно.

— Ах! — сказала прекрасная Гирудина и посмотрела на пана Пратхавца. — Ах! — сказала она и, потому что клевер уже начинал действовать, добавила: — Я такая счастливая!

Пан Пратхавец хотел тоже что-то сказать, но Гирудина не дала ему этой возможности.

— Я вас люблю, пане Пратхавец, — заявила она. — Я вас люблю больше, чем любила Омара, Кальмара, а также Трепанга, Камбануса и Плавунца.

— И вы действительно любили всех этих панов? — деликатно осведомился пан Пратхавец.

— Ах, пане Пратхавец, не будем о них говорить! — воскликнула прекрасная Гирудина. — Это была не любовь, это было сплошное разочарование. Пан Омар оказался глуп, как Кальмар, пан Кальмар холоден, как Камбанус... Остальных я уже не помню, но это тоже было не то...

Пан Пратхавец, который привык всегда быть в первых рядах, вдруг почувствовал себя в самом конце длинной очереди. Он хотел сесть на коня и уехать, но... Белый конь жевал клевер и был счастлив. Гирудина жевала клевер и была счастлива. Пан Пратхавец сорвал себе листок клевера и посадил на коня прекрасную Гирудину.

Пан Пратхавец! Где ты, пан Пратхавец?!

— Здесь я! — пан Пратхавец вылез из-под камня, под которым дремал последние два часа, и уставился на свою подругу. — Ну, чего тебе?

Прекрасная Гирудина была особенно прекрасна в гневе, и, кажется, она понимала это.

— Чучело, — сказала она. — Ты посмотри, на кого ты похож!

Нет, пан Пратхавец не был ни на кого похож, он всегда отличался своей индивидуальностью.

— Не сердись, — сказал он, когда любой другой сказал бы на его месте: «Заткни злотку!», и, вместо принятого в подобных случаях: «Старая ведьма», добавил: — Родная моя!

— Идиот! — сказала пани Гирудина.

На это можно было бы многое возразить, но пан Пратхавец смолчал, утверждая свою индивидуальность.

Ну и что? Что с того, что прекрасная Гирудина, за которой он забрел на край света, оказалась обыкновенной пиявкой (впрочем, о ней так и написано в учебниках зоологии, но пан Пратхавец учебников не читал)?

Стоит ли из-за этого выходить из себя? И если жизнь не удалась и в будущем нет никакого просвета — стоит ли из-за этого портить себе настроение?

Нет, не стоит — решил пан Пратхавец и полез под свой камень.

Все далеко. И то, что еще близко, тоже уже далеко.

И никому нет дела до пана Пратхавца. Никто даже не помнит о нем...

И все же есть один город, и в этом городе есть один дом, в котором помнят о пане Пратхавце.

В этом доме живет мой друг, физиолог животных, который знает о животных столько, сколько знают одни физиологи. Но он ничего не знает о пане Пратхавце. О пане Пратхавце знает его дочь.

Нас было трое в машине, и была ночь, и мой друг физиолог старался не уснуть у руля, изо всех сил борясь с собственной физиологией.

— Вы слышали о пане Пратхавце? — спросила девушка.

И тут она мне о нем рассказала.

— Пан Пратхавец — это рыцарь на белом коне, — сказала она. — Это ничего, что он маленький рыцарь, и конь у него маленький. А может, у него и вовсе нет коня, но все равно он рыцарь на белом коне, потому что такой у него характер. Он победил самого Мечехвоста — этого, знаете, из ракообразных?

Рыцари, рыцари, и каждый на белом коне. Они бродят по дорогам, протоптанным много столетий назад, заезжают в замки, поднимая их из развалин.

— Они встретились на берегу моря, — сказала девушка, — и пан Пратхавец крикнул:

«Эй, Мечехвост, вызываю тебя на поединок!»

Ракообразный Мечехвост попятился, трусливо размахивая своим мечом.

«Оставьте, пане Пратхавец, — сказал он, — зачем нам ссориться?»

«Нет, — сказал пан Пратхавец, — я не оставляю, и я буду ссориться, потому что ты такой-сякой ракообразный и мне противно на тебя смотреть!»

«Не связывайтесь со мной, пане Пратхавец, — попросил Мечехвост. — Я ведь, видите, какой большой, и панцирь у меня есть, и все такое. Подумайте о себе, пане Пратхавец!»

Но пан Пратхавец не стал думать о себе. Он вырвал у Мечехвоста меч и занес над его головой.

«Ах, пане Пратхавец, зачем вы это делаете? Не жалейте себя, хоть меня пожалейте!»

И тогда пан Пратхавец его пожалел.

«Ладно, живи,— сказал он,— только больше мечом не размахивай».

«Я не буду,— сказал Мечехвост.— Я теперь стану совсем другим. Вот увидите, пане, теперь вы меня не узнаете!»

— Въезжаем в Торунь,— сказал мой друг физиолог.— Красивый город, жаль, что не сможешь его рассмотреть.

Я напряженно всматривался в темноту, и передо мной вырастал красивый город Торунь. В центре старинная крепость с бойницами, окруженная рвом, на крепостных башнях перекликаются часовые. А вон там, в окне, сидит молодая полячка и выглядывает кого-то — откуда? Может быть, с прошлой войны?

Не знаю, хорошо ли я рассмотрел город Торунь. Было темно, и, возможно, я увидел совсем не то, что было в действительности.

Мы едем дальше. Мой друг рассказывает мне о Леце, замечательном польском юмористе. «Лец» по-древнееврейски означает паяц — такую маску избрал для себя писатель. На самом деле юмор его очень серьезен и глубок, и в нем мало веселого. Не подпрыгивай высоко — предупреждает Лец,— иначе из-под тебя могут утащить землю.

Мы едем дальше, осторожно подпрыгивая на ухабах. И свет наших фар рассекает ночь подобно мечу, который вырвал у врага пан Пратхавец.

Пан Пратхавец лежал под своим камнем и думал о жизни. Что можно думать о жизни? Ну вот, думал он, погода снова испортилась. А, да бог с ней, с погодой, не в ней счастье.

Гирудина возится по хозяйству. Она встает рано утром и сразу начинает возиться. И возится целый день, до позднего вечера. Пускай. Пан Пратхавец не хочет ей мешать. Сам-то он понимает, что не в хозяйстве счастье.

Пан Пратхавец вылезает из-под камня и идет к соседу Мечехвосту. Препротивный тип, смотреть не хочется, но ведь в конце концов можно и не смотреть. Просто посидеть, поговорить по-соседски.

— День добрый, пане,— говорит сосед Мечехвост,— чудесная погода, не правда ли?

— Правда,— соглашается пан Пратхавец, не желая по пустякам вступать в спор.

— Как жизнь? — спрашивает сосед Мечехвост.

— Спасибо, не жалуюсь.

— И напрасно. С такой пиявкой, как ваша, трудно прожить не жалуюсь.

— Ну что ж, — вздыхает пан Пратхавец, внутренне не соглашаясь. Ему не нравится, как Мечехвост называет его Гирудину, да и вообще вмешивается в его жизнь. Жизнь как жизнь, не в ней счастье.

— Такие наши дела... — говорит пан Пратхавец, отводя глаза, потому что ему противно смотреть на соседа.

Мой друг физиолог едва не налетает на столб, который, воспользовавшись темнотой, каким-то образом выбежал на середину дороги. После этого мы все молчим, общими силами стараясь не сбиться с курса.

Я думаю об этой стране, о которой прежде знал только по книгам. О стране гордых рыцарей, воевавших от моря до моря. Но рыцари ушли, оставив в музеях свои доспехи, а по музеям ходить не хочется — слишком уж там все мертво.

Я не бываю в музеях. Я просто хожу по этой земле, дышу этим воздухом. Иногда забредаю в пустые костелы, до того величественные, что хочется молиться — только не знаешь, кому.

Меня занимают названия. Кафе «Под орлом», парикмахерская «Фигаро» (в честь знаменитого цирюльника из Севильи), клуб Тринадцати муз. Почему тринадцати? На этот вопрос никто не может ответить. Ну, девять официальных, плюс музы кино, живописи, архитектуры. А тринадцатая? Возможно, это и есть муза туризма, муза дальних странствий, как ее принято называть?

— Прощем пана, цо то есть за брама?

— Брама портова, — подбираю я польские слова, вместо того, чтоб поговорить по-русски с русским человеком.

Всюду туристы. Они ходят за экскурсоводом, как дети за фребеличкой, — то разбредаясь по сторонам, то опять собираясь в кучу. Они слушают и, плохо понимая язык, пытаются уловить интонацию. Вот этот замок, судя по интонации, относится к пятнадцатому веку, а этот — к четырнадцатому...

В Мендзиздрое босой швед заедает пиво буханкой хлеба. Он очень общителен, но не знает польского языка.

И тогда, чтоб как-то наладить контакт, швед поет для поляков на французском языке русскую песню «Я люблю тебя, жизнь».

Варшава...

Между Дворцом культуры и науки и остальным городом на первый взгляд нет ничего общего, но на самом деле между ними существует определенная связь: с башни Дворца видна вся Варшава — со всей Варшавы видна башня Дворца.

Я не поднимался на эту башню, чтобы посмотреть на Варшаву сверху, мне кажется, что любой взгляд сверху искажает действительность. Я смотрел на Варшаву с улиц, и дома не заслоняли мне города, потому что и они ведь были Варшавой. И колонна Зигмунта была Варшавой. И киоски «Ruch» были Варшавой.

Памятник героям Гетто закрыт на ремонт. Он окружен решеткой лесов, и герои словно бы рвутся выйти из-за решетки, чтобы напомнить о себе живым.

Памятники нуждаются в ремонте. Памятники смертны, как люди. И что было бы с памятниками, если бы их не поддерживала бессмертная память людей?

Фридерик Шопен. Он сидит свободно, и даже камень не сковывает его. Огромный, но совсем не величественный. Лысый толстяк с портфелем — величественный, но далеко не огромный — фотографируется на фоне Шопена, вернее, внизу, у пьедестала, с трудом доставая до ног. Небольшие люди должны бы иметь при себе постаменты.

— Скоро Быдгош,— говорит мой друг,— там и заправимся.

Льется в бачок бензин. Он пахнет резче, чем сено, которым на станциях подкрепляли лошадей средневековые рыцари. Рыцарей давно нет, от них осталась только любезность, с которой они уступили дорогу новому времени. «Пшепрашам, пане.. Бардзо дженькую...»

Пожалуйста, спасибо, будьте добры... Не может ли пан оказать любезность... Единственная грубая фраза, которую я услышал на вокзале в посадочной толчее, порусски бы звучала так: «Не желает ли пан получить по голове?» Мне понравился этот вопрос, хотя относился он не ко мне, а к совершенно другому пану.

Наша машина, настоявшись у переезда, не хочет заводиться. Нас выручает водитель автобуса. Пока он копают-

ся в нашей машине, пассажиры терпеливо ждут: помочь человеку в пути — это кажется им естественным. Мужчина забивает гвоздь при помощи молотка, а женщина — при помощи мужчины. Этот афоризм моего друга физиолога, видимо, имеет и свой положительный смысл. В конце концов человеку не обязательно все уметь, ему важно уметь быть человеком.

Мне нравится легенда о пане Пратхавце, мне нравятся рыцари, хотя в них теперь мало кто верит. Были они или не были? Может быть, это только выдумка, романтическая литература? В сказках все просто, а в жизни — куда сложнее.

Пан Пратхавец спешит на службу. Он работает у Тритона, который совсем не разбирается в делах, и за него разбирается в делах пан Пратхавец. Но он старается делать вид, что не очень разбирается, во всяком случае — хуже пана Тритона. Иначе можно потерять место, а кто тогда будет содержать Гирудину? Конечно, Гирудину найдется кому содержать, но хотелось бы, чтобы это был он, пан Пратхавец.

— Ну, что там у нас в болоте? — спрашивает его Тритон, плохо разбираясь в делах.

— В болоте как в болоте, — отвечает пан Пратхавец, хорошо разбираясь в делах.

— И как вам нравится моя идея? — спрашивает Тритон, имея в виду идею пана Пратхавца.

— Очень понравилась, — отвечает пан Пратхавец, имея в виду то же самое.

Потом он садится и начинает служить.

Он пишет письма, которые потом подпишет Тритон, и сочиняет указания, которые получит потом от Тритона. А в перерыве между письмами и указаниями он вспоминает город Краков, в котором его принимали в Королевском дворце. Кажется, он приехал туда на белом коне. На белом или на каком-то другом? В последнее время у пана Пратхавца что-то неладное с памятью.

История — моя поздняя любовь, в школе мы с ней не понимали друг друга. Я не выносил этих деятелей, которых нужно запоминать вместе с датами рождения и смерти, а также значением, которое они имели для последую-

щих деятелей. Может быть, человек, который не имеет еще своего прошлого, не способен вообще думать о прошлом?

Теперь я люблю прошлое. Прошлое — это будущее, которое уже позади. Это пройденный материал, который надо всегда повторять, чтобы правильно усваивать новое. Краков — это история. Освенцим — это история. На старом еврейском кладбище в Кракове стоит большая стена, сложенная из осколков разрушенных гитлеровцами надгробий. На каждом осколке — обрывки слов: память умершим и поруганным. Кому полслова, кому одна буква... Эта стена — тоже история...

Щецин. Польский город, который долго принадлежал Пруссии. Метрового роста слова: **МЫ СЮДА НЕ ПРИШЛИ, МЫ СЮДА ВЕРНУЛИСЬ.** В Щецине мне показали старый дом, в котором жила принцесса Ангальт-Цербстская до того, как она стала русской царицей Екатериной II.

Новый Старый город в Варшаве, построенный на месте разрушенного в войну Старого города. Никто не даст ему его лет, от него веет действительной стариной, которая в данном случае предпочтительней молодости. Потому что старина — это история...

Быдгош давно позади, ночь позади — она сошла на какой-то там станции. И сразу стало видней — и смотреть, и думать.

— А все же этот Пратхавец довольно никчемный тип. И Гирудина его вздорная женщина.

— Ну что вы, как можно так говорить? Вы совсем не знаете пана Пратхавца!

Пан Пратхавец — это рыцарь на белом коне. Он воевал за свою страну, защищая ее от иглокожих и двоякодышащих. А потом пришли рептилии, которые задумали всех превратить в пресмыкающихся. Они опутали землю колючей проволокой, и пан Пратхавец оказался с той, внутренней, стороны. Но он все равно боролся.

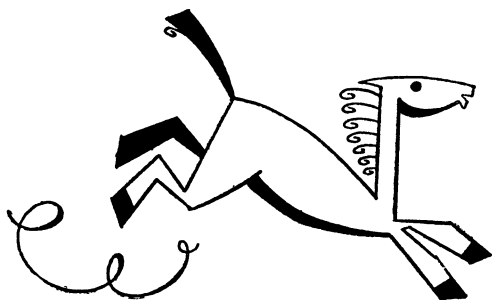
Сейчас он далеко и, наверно, тоскует по своей стране, по своему любимому городу Кракову. Он вспоминает, как бродил по его улицам, когда все уже спали, а он не хотел уснуть, потому что для этого нужно было закрыть глаза — а как закрыть глаза перед такой красотой? Может быть, сейчас в той, чужой стране он затевает войну с хищными иглокожими, может, спасает беззащитных моллюсков, которые сами не могут за себя постоять?

Мне стыдно. Я действительно плохо подумал о пане Пратхавце. Нет, он не дружит с Мечехвостом и не служит Тритону, он воюет с ними, как подобает благородному рыцарю.

Пан Пратхавец, рыцарь на белом коне. Это ничего, что о нем пишут в учебниках зоологии. Ведь когда дело идет о доблести, о верности и любви, нельзя слишком доверять зоологии. В конце-то концов не в ней счастье.

Я БЫЛ ТАРПАНОМ

ВЕСЕЛЫЙ ДЕНЬ СТАРИКА ДИКОБРАЗА

В этот день старик Дикобраз проснулся раньше обычного и, протерев глаза, обнаружил, что ночевал с открытой клеткой.

— Ох ты, боже ты мой! — всполошился старик Дикобраз. — Эдак чего доброго украдут...

Говоря так, старик Дикобраз имел в виду, конечно, себя, потому что, кроме него, ничего доброго в клетке не было.

— Какая неосмотрительность! — сказал старик Дикобраз и подошел, чтобы закрыть клетку, но в это время его осенила мысль, одна из тех, которые в последнее время все чаще приходили ему в голову.

«А что если пойти погулять? — подумал старик Дикобраз. — Прогуляться туда-сюда, так сказать, отдохнуть диким образом?»

И, вместо того, чтобы закрыть дверь клетки, он распахнул ее еще шире.

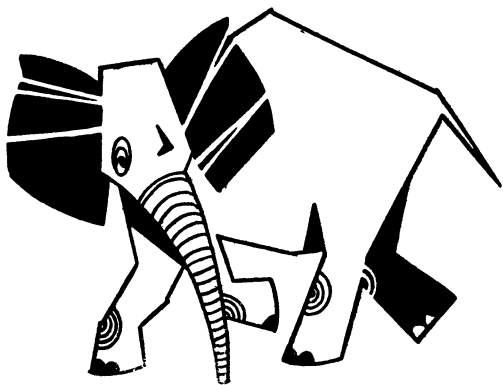
Там, снаружи, была свобода, о которой так приятно думать, когда сидишь здесь, внутри. Дикобраз пригладил щетину, имевшую у него привычку торчать, и с удовольствием шагнул изнутри наружу.

В зоопарке сегодня был день отдыха, но звери все равно показывали себя, словно и не замечали отсутствия публики. Одни делали это небрежно, с достоинством, другие, напротив, бегали, суетились, чтобы успеть каждому попасть на глаза. Толстый Бегемот выгрузился из бассейна и равнодушно уставился на птичку Колибри, которая хлопотала в двух шагах от него, пытаясь обратить на себя внимание. Птичка Колибри буквально выбивалась из сил. Она вертела хвостиком, сучила крылышками, поворачивалась и в профиль, и в фас, но на Бегемота это, как видно, не действовало. Он распахнул свою пасть, похожую на паровозную топку, потом захлопнул ее и, зевнув таким образом, стал глядеть в противоположную сторону.

У клетки африканского Слона Дикобраз на минуту задержался. Дело в том, что Слон как раз выставил наружу свой хобот, и Дикобраз не мог его не пожать, поскольку питал давнюю симпатию к Африке. В этом не было ничего фамильярного: он просто пожал протянутый хобот, сказав при этом несколько слов, приличествующих моменту. Но Слон почему-то обиделся, спрятал свой хобот и выставил вместо него хвост. Тут уже старик Дикобраз не мог удержаться от смеха, потому что хвост африканского Слона оказался намного короче его хобота. И старик Дикобраз смеялся долго, до неприличия,— и, уж конечно,

не стал пожимать Слону хвост, несмотря на свои давние симпатии к Африке.

Потом он стоял перед клеткой Белого Медведя. Медведь был до того белый, что отсюда, со стороны, походил на большую тетрадь в клетку, так что на нем да-

же можно было решить какую-нибудь задачу, но старик Дикобраз был в задачах не силен, да и вообще был не настолько силен, чтобы связываться с Белым Медведем. Но он все же от души посмеялся, представив себе, как на этом Медведе пишут задачу или какую-нибудь резолюцию. Резолюцию нужно писать в углу, а где у Медведя угол? И опять старик Дикобраз смеялся долго и от души.

Все-таки веселое это дело — отдыхать вот так, диким образом!

Старый друг Водосвинка, с которым они прежде были соседями, обрадовался гостю и попытался распахнуть дверь, но она была заперта с другой стороны.

— Извини,— сказал старый друг Водосвинка.— Сторож унес ключи... А ты здесь какими судьбами?

— Да вот, решил побродить. Когда все время сидишь, это, говорят, вредно для здоровья.

— Вредно,— вздохнул толстый Водосвинка.

— Может, вместе пойдем? — предложил старик Дикобраз, предвкушая ответ старого друга Водосвинки.

— Я бы с удовольствием,— простодушно откликнулся тот.— Да сторож ключи унес... такое безвыходное положение...

Водосвинка растерянно почесал за ухом, словно надеясь там отыскать ключи, но, так ничего и не найдя, вздохнул и просунул голову сквозь решетку.

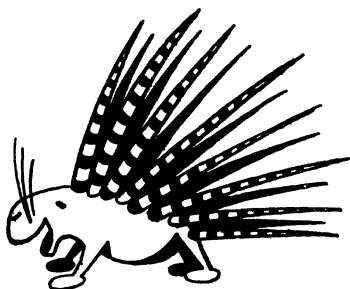
— Жаль, что мне нельзя выйти,— сказала эта голова, хотя в сложившейся ситуации только она и имела такую возможность.

— Жаль,— сказал старик Дикобраз и засмеялся, потому что ему совсем не было жаль, ему было даже немножко приятно, что у Водосвинки, по сравнению с ним, все складывается не лучшим, а худшим образом.

— Почему ты смеешься? — подозрительно спросил Водосвинка.

— Да так... Вспомнил этот дурацкий анекдот про Моржа. Ты знаешь анекдот про Моржа?

Водосвинка знал анекдот про Моржа, и поэтому он тоже начал смеяться. Так стоя-

ли они, подталкивая друг друга сквозь прутья клетки, и смеялись — Водосвинка над глупым Моржом, а Дикобраз — над глупым Водосвинкой.

— Ну, я пошел,— сказал старик Дикобраз. И не удержался, чтобы не спросить: — Значит, ты остаешься?

— Остаюсь,— вздохнул Водосвинка.— Сторож ключи унес.

Тигры и зебры жили в близком соседстве, но это не способствовало близости их отношений. Тигры по всякому поводу разевали пасть, а зебры сбивались в угол и там, не желая лезть на рожон, тихонько выражали свое недовольство.

— Черти полосатые! — выражали свое недовольство зебры.

Старик Дикобраз был далек от этих забот, и он сначала поболтал с зебрами, потом с тиграми и выяснил, что те и другие были, в сущности, милые существа.

Тапир, странное животное, нечто среднее между лошастью и свиньей, спросил у Дикобраза что-то по поводу ипподрома.

— Интересно, кто сегодня первый пришел,— сказал он, укладывая поудобнее свое грузное тело.— Я всегда слежу за тем, кто пришел первым.

— И вы тоже бегаете? — в свою очередь поинтересовался старик Дикобраз.

— Бегаю ли я! — воскликнул Тапир и посмотрел на Дикобраза так, как смотрит профессор на студента-двоечника.— Бегаю ли я! Нет, мой дорогой, я отнюдь не бегаю, отнюдь! Но это нисколько не мешает мне быть в курсе того, как бегают другие. Вы поняли мою мысль?

— Нет,— сказал старик Дикобраз.— Ничего я не понял.

— Ну как же! — досадливо поморщился Тапир.— Для того, чтоб узнать вкус борща, не обязательно в нем вариться. Для того, чтоб понимать скачки, не обязательно самому скакать очертя голову. Улавливаете?

— Нет, не улавливаю,— сказал старик Дикобраз и засмеялся.

— Ну как бы вам популярнее объяснить? — волновался Тапир.— Как бы вам изложить подходчивей?

Он задумался, склонив голову, которая, пока он думал, опускалась у него все ниже и ниже, затем коснулась

пола и замерла. Глубокая задумчивость обычно переходила у Тапира в глубокий сон.

Потом был Носорог, страшный зверь, с которым даже жутко болтать, разве что через решетку. Пользуясь этой решеткой, Дикобраз все же с ним поболтал, но не извлек из этого удовольствия, потому что страшный зверь Носорог был начисто лишен чувства юмора.

— Послушайте, что это у вас на носу? — спросил его старик Дикобраз.

— Рог,— сказал Носорог.

— А я думал, что это тросточка.

— Нет, это рог,— сказал Носорог.

— А может быть, это хвост? — спросил Дикобраз, вспомнив историю со Слоном.— Может, вы стоите на оборот и с вами нужно с другой стороны разговаривать?

— Нет, это рог,— сказал Носорог.

Ничего интересного. Правда, Дикобраз посмеялся, но не от души, а только так, в порядке разъяснения.

— Смеетесь? — спросил Носорог.— Тут у нас Леопард растерзал быка. Я тоже очень смеялся.

Клетка клеткой, но мало ли что...

— Нет, я не смеюсь,— сказал Дикобраз и попрощался с Носорогом.

День кончился, пора было возвращаться домой. Старик Дикобраз шел по аллее, в темноте натыкаясь на клетки лисиц и пантер, которые ворчали, выражая свое недовольство. По ошибке он чуть было не попал в клетку Льва, но она, к счастью, оказалась запертой.

«Хорошо, что они сидят в клетках,— подумал старик Дикобраз.— Иначе хоть не выходи из дому!»

Дома, уже засыпая, он вдруг вспомнил этот дурацкий анекдот про Моржа и опять посмеялся над простаком Водосвинкой. Потом вспомнил, что Леопард растерзал Быка, встал и поплотнее закрыл дверь своей клетки.

И снова долго смеялся.

КИВИ-КИВИ

Киви-Киви выглядит так, будто у него крылья в карманах, поэтому у него такой независимый вид. И он ходит с этим видом, словно бы говоря: «Вот погодите, сейчас я выну крылья из карманов, тогда посмотрите!»

А на самом деле у Киви-Киви попросту нет крыльев. Если б он был зайцем или бобром, в этом не было бы ничего удивительного, но он птица, ему положено их иметь, поэтому всем кажется, что у него крылья в карманах.

Еще в школе, когда он выходил отвечать, учитель всякий раз делал ему замечание:

— Как ты стоишь? Ну-ка, вынь крылья из карманов!

Но он не вынимал, он не мог вынуть, ему нечего было вынуть, и ему всякий раз снижали отметку по поведению.

Потом он вырос и встретил Горлицу, и они часто гуляли вдвоем по полянке, пропадая в высокой траве. Киви-Киви хорошо бегал, у него были сильные ноги, и он всегда догонял Горлицу, а она его догнать не могла. И так они гуляли и бегали по полянке, и Горлица предлагала ему полететь, а он отвечал:

— Что-то не хочется.

Но он обманывал, ему очень хотелось, ему так хотелось полететь вместе с Горлицей, но он обманывал, потому что у него не было крыльев.

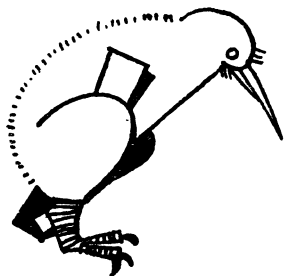
И однажды Горлица улетела с кем-то другим. А он все ходил с независимым видом, будто это его не тревожило, будто — подумаешь, велика беда, скатертью дорога!

Потом Киви-Киви поступил на работу. Он стал почтальоном и должен был доставлять срочные письма, но он доставлял их с большим опозданием, потому что всюду ходил пешком. И когда ему делали замечание, он обманывал, что была буря, что его занесло бог знает куда, что на него налетели коршуны и пришлось задержаться, чтобы их разогнать.

И у него отобрали все срочные письма и сказали, чтобы он поискал себе другую работу. А он сказал:

— Подумаешь, велика беда, я и сам хотел уходить, эта работа мне вовсе не нравится!

Потом он работал на метеорологической станции. Для того, чтобы определить погоду, нужно подняться очень высоко, но он не поднимался, он не мог подняться, и когда его спрашивали о погоде, он обманывал, что будет дождь,

или что будет солнце — тоже обманывал. И все возмущались, все говорили, что это безобразие, что этому нет названия, что эту станцию давно пора разогнать.

Но станцию не разогнали, а выгнали только его — Киви-Киви.

И все равно он ходил с независимым видом, показывая всем, что — подумаешь, как-нибудь проживем, обойдемся — подумаешь!

И еще он работал в разных местах, но нигде не держивался, и его называли летуном, за то что он так часто меняет работу.

А он все обманывал, обманывал и обманывал, он все обманывал и ходил с независимым видом. Целый день он ходил с независимым видом, а вечером залезал в свою норку и ворочался с боку на бок, и долго не мог уснуть. И он тер об землю эти места, где у него должны были вырасти крылья, и вспоминал небо, каким оно было после дождя... И он думал, что небо это — подумаешь! И Горлица эта — подумаешь! И вообще это все — подумаешь!

Потому что себя он не мог обмануть.

У МУРАВЬЕДА ВСЕ В ПОРЯДКЕ

Если вы Муравей и торопитесь по своим делам, и вдруг, ни с того ни с сего, попадаете в лапы Муравьеда, что вы на это скажете?

— Добрый день,— скажете вы,— чудесная погода, не правда ли?

— Превосходная,— пробасит Муравьед.— В такую погоду не плохо бы закусить, а?

— Не знаю,— скажете вы.— Мне лично что-то не хочется.— И добавьте: — Ну, я побежал. Мне еще нужно к Сверчку забежать, да еще к Жуку, да к Медведке.

И тут Муравьед непременно обрадуется. Он скажет, что с Медведем они старые приятели, а вот с женой его не довелось познакомиться — значит, ее зовут Медведка, да? — и что было бы очень хорошо, если бы вы, Муравей, передали Медведю от него привет, а также вот это письмо, уже написанное, но еще не отправленное, в котором Муравьед уведомляет своего друга Медведя, что все

в порядке и никаких новостей нет, а также передает привет его жене — так, значит, ее зовут Медведка?

И если вы Муравей, вы вряд ли станете ему объяснять, что Медведь — это одно, а Медведка — совсем другое. Вы скорее побежите с этим письмом, благодарные за оказанное вам доверие.

Все в порядке, никаких новостей нет. Кажется, ясно сказано. Правда, кто-то откусил нос вашему приятелю Долгоносику, и теперь Долгоносик ходит без своего носа, и его никто не узнает. Долгоносик очень переживает, потому что с ним даже никто не здоровается. А если бы вы были Долгоносиком и у вас откусили нос — вы бы разве не переживали?

— Я бы лично очень переживал, — говорит Сверчок. — Да, плохие дела...

Но вы-то сами знаете из письма, что дела совсем не плохие, что все в порядке и никаких новостей нет. Правда, Дровосек говорит, что с дровами все хуже и хуже, неизвестно, как будем зимовать. Пока лето, можно побегать на чистом воздухе, а что будет осенью? Что будет осенью — этого никто не знает. «Все помрем», — говорит Жук-Могильщик, но это еще не точно, чтобы знать точно, надо сначала дожить до осени.

— А я вам говорю, все помрем! — говорит Жук-Могильщик.

Но как же тогда письмо? Ведь в нем ясно сказано, что все в порядке, значит, беспокоиться не о чем. Время покажет. Поживем — увидим. Утро вечера мудреней.

Медведка, конечно, удивится письму.

— Медведь? Нет, мы с ним не родственники. Возможно, что-то когда-то было, теперь уж не докопаться.

Понятно, Медведка — это одно, а Медведь — совершенно другое. Вы и сами это отлично знали, и если пришли к ней, то только для того, чтоб избавить себя от визита к Медведю. Вы с ним не настолько знакомы, не такие уж у вас отношения... Да и вообще — Медведка — это одно, а Медведь — совершенно другое...

— Муравей пишет, что у него все в порядке и никаких новостей нет. Ему очень нужно, чтобы об этом узнал Медведь, потому что они старые приятели.

— Это какой Муравей? — спросит Медведка. — Тот, который слопал у нас муравейник?

Если вы Муравей, вас, конечно, поразит эта новость,

хотя в глубине души вы будете надеяться, что никаких новостей нет.

— Целый муравейник? Не может быть! Ведь здесь написано, что все в порядке...

— Смотря у кого. У него, возможно, в порядке.

У него — это значит, у Муравьеда. У Муравьеда, с которым вы так мило беседовали о погоде, который был настолько любезен, что доверил вам собственное письмо...

Но Медведка говорит, значит, она знает. Медведка говорит только то, что знает, а знает она абсолютно все. Когда жук Кузька оставил семью, и когда он вернулся к семье, и когда он ходил по всем этим значным местам (потому что питается Кузька исключительно злаками), — кто об этом знал раньше всех? Конечно, Медведка. Она еще тогда говорила, что знает. Медведка знает, что говорит... Но как же в письме?..

— Вот видите: здесь написано черным по белому.

Черным по белому. Черные буквы сбились в кучу, как муравьи, чтобы их было удобней слопать.

Так, может быть, это неправда, что никаких новостей нет?

И если вы Муравей, вы в эту минуту вспомните о Долгоносике, у которого так несправедливо отгрызли нос, и о дровах, и обо всех других неприятностях. И вы подумаете, что, возможно, не так-то все вокруг и в порядке... Если вы Муравей.

А если вы Муравьед, вы, конечно, подумаете другое.

МЫ С ЗАЙЦЕМ ИДЕМ НА ОХОТУ

Сегодня чуть свет заглянул ко мне Заяц.

— Вставай, братец Кролик, пошли на охоту!

На охоте мне не раз приходилось бывать, но все это получалось как-то случайно. Нарвешься на собаку — и ходу, а она за тобой. Ну, и пошла охота.

— Оставь, — говорю, — я еле с прошлой ноги унес.

— Да нет, братец Кролик, я не о том, — объясняет Заяц. — Мы сами будем охотиться.

Мы — охотиться. Вот чудак!

— Тоже скажешь... Какие из нас охотники?

— Еще какие! — говорит Заяц и разглаживает усы — это он недавно завел себе такую привычку. — Пойдем, за-

сядем в кусты, глядишь, и затравим кого-нибудь. На прошлой неделе — слышал? — во-от такого Медведя затравили.

— Медведя?

— Ну да.— Заяц почему-то начал смеяться.— Сидим мы, понимаешь, с ребятами в кустах. То, се, пятое, десятое... Смотрим, Медведь ползет. Не спеша так, видно, прогуливается. Ступит шаг — воздух понюхает, но нас не чует: ветер-то в нашу сторону. И тут Хорек говорит: «Трави его, ребята!»

Первым начал травить Сурок. Спрятался подальше за кустик и кричит: «Эй, ты, рыжий!» Медведь идет, будто его не касается. «Рыжий! Рыжий!» — кричит Сурок. Еще немного прошел Медведь и все-таки обернулся. «Это вы меня?» — спрашивает, а сам никого не видит, потому что мы все в кустах. Только хлопает глазами да носом водит по сторонам. Потеха!

«Тебя! — кричит Хорек. — Тебя, рыжего!» — «Я вовсе не рыжий, — говорит Медведь. — Это вам показалось». — «Рыжий!» — кричит Сурок. «Рыжий!» — кричит Хорек. «Я коричневый, — оправдывается Медведь. — Это только сверху немного выгорело». Представляешь? Мы там, в кустах, прямо валимся со смеху. Ветер-то в нашу сторону.

Стоит Медведь, нос опустил, разглядывает свою шкуру. А сам — чуть не плачет — вот смеху-то! «Да, — говорит, — а если у меня шкура такая? Под шкурой я совсем не такой, вы что — видели, какой я под шкурой?» — «Рыжий!» — кричит Хорек. «Рыжий!» — кричит Сурок. — Заяц опять засмеялся. — Нет, ты только представь: стоит Медведь — во-от такой! — и ревет: «Неправда, это вы все обманываете! Я сам знаю, какой я внутри! Сам знаю!»

Тут и я голос подал: «Рыжая кандала́, тебя кошка родила!» А чего мне стесняться? Ветер-то в нашу сторону!

Эх, жаль, что тебя там не было, когда я ему это крикнул. Я еще тогда, когда крикнул, подумал: «Жаль, что здесь нет братца Кролика!» «Рыжая кандала, тебя кошка родила!» — крикнул я, и Медведь сразу присел, попятился. «Нет, не родила! — заревел он. — Причем здесь кошка и еще какая-то кандала?» Жаль, что тебя там не было, ты б на него посмотрел. Мы с ребятами так и покатались в

кусты от смеха. «Рыжий!» — кричит Хорек. «Рыжий!» — кричит Сурок. И я тоже кричу: «Рыжий!»

Ревет Медведь, рвет на себе шерсть, будто хочет показать, какой он внутри. «Честное слово! — ревет. — Не верите, да? Чтоб я так был здоров, чтоб мои дети так были здоровы!» — «Рыжий! — кричим мы, а сами помираем от смеха. — Рыжий черт! Рыжая команда!»

И тогда, представляешь, он лег на спину и рванул шкуру у себя на груди. «Не верите? Ну ладно, тогда сами сможете посмотреть. Снимайте с меня шкуру!»

— Ну?

— Ну и сняли. Это проще всего, когда Медведь затравленный.

Да, вот это охота. Никто за тобой не гонится, никто не преследует по пятам. Сиди себе под кустиком, отдыхай. Тут и покричишь, и посмеешься.

Пошли мы с Зайцем.

— А кого сегодня будем травить? — спрашиваю его по дороге.

— Это уж кого придется, заранее трудно сказать. — Заяц засмеялся: — Не могу забыть, как он сдирал с себя шкуру.

Когда мы пришли, ребята — Сурок и Хорек — уже сидели под кустиками.

— Значит, травим? — сказали они.

— Травим, — сказали мы с Зайцем.

Залезли мы под кустик, и все вместе стали ждать. Час ждем, два ждем — никто не появляется. Погода хорошая, солнышко не печет, и ветерок с полянки как раз в нашу сторону.

— Вот здесь он стоял, — говорит Заяц. — А мы сидели вот здесь. Правда, ребята?

— Правда, — кивнули Сурок и Хорек.

— А потом он вон там лежал, правда?

Еще ждем.

— Я пойду погляжу, — говорит Заяц. — Может, они там ходят другой дорогой?

Вышел он на полянку, вокруг походил, назад возвращается. Я уже и потеснился, чтобы место ему освободить, как вдруг слышу — Хорек кричит:

— Рыжий!

Упал Заяц на землю, по сторонам оглядывается. Но по сторонам никого нет.

— Рыжий! — кричит Хорек.

А за ним и Сурок:

— Рыжий!

Только я один ничего не понимаю.

— Кого травим? — спрашиваю ребят.

— Ты что — не видишь? Вот этого! — И показывают на Зайца.

А Заяц, видно, и сам смекнул — не в первый раз на охоте. Сидит, прикрылся ушами, а глазами водит по сторонам. Никогда я не думал, что у Зайца такие большие глаза. И круглые, как капуста.

— Это вы меня, ребята? — спрашивает Заяц и жмет-ся к земле.

— Тебя! — кричит Сурок. — Тебя, рыжего!

Глаза у Зайца стали еще круглей и такими большими, что в них сразу поместились мы все, со всеми нашими кустиками.

— Какой же я вам рыжий, ребята? — тихо сказал Заяц. — Я просто серый, обыкновенный, как все.

— Рыжий! — кричит Сурок.

— Рыжий! — кричит Хорек.

Никуда от них не сбежишь, не спрячешься.

— Вы же меня знаете, ребята, — объясняется Заяц, а у самого даже уши дрожат. — Я же серый, это только сверху немножко выгорело.

— Рыжий красного спросил, где ты бороду красил? — пропел Хорек, покатываясь от смеха.

— Я на солнышке лежал, кверху бороду держал! — подхватил Сурок.

— Ну что вы, какая у меня борода?.. — сказал Заяц, и мы все исчезли из его глаз — такими они стали мутными. — А если у меня шкура... немножко... так внутри я ж совсем не такой...

— Такой! — крикнул Хорек.

— Такой-сякой! — крикнул Сурок.

А я добавил, вспомнив, как травили Медведя:

— Рыжая кандала, тебя кошка родила!

Услышав про кошку, Заяц вскочил, но тут же снова упал на землю.

— Не верите? — крикнул он и заплакал.

Слезы текли у него по шерсти, она становилась мокрой и торчала клочьями, так что на Зайца было смешно смотреть.

И мы хором крикнули: «Рыжий!», и опять крикнули: «Рыжий!», и опять крикнули, и опять.

А он все мокрел и мокрел от своих слез, и шерсть у него все больше торчала клочьями. И он катался по земле, которая к нему прилипала, так что уже нельзя было определить его цвет.

— Не верите? — плакал он. — Почему же вы мне не верите? Ну почему? Почему?

Конечно, мы верили ему. Но охота есть охота.

МЕНЯ НАЗЫВАЮТ ОСЛОМ

Мой сын Мул называет меня ослом. Действительно, я осел.

Сейчас я все чаще вспоминаю старое время. В старое время я был молодым, а теперь я уже старый.

Старое время было трудное время. С утра до ночи мы грузили мешки с зерном, из которых нам не доставалось ни зернышка. Нести приходилось далеко — из амбара на станцию, — и, голодные, мы тащили эти мешки, заботясь лишь об одном — как бы не свалиться в дороге. Больше мы ни о чем не заботились. Мы были тогда малышами.

Мы шли через город, мимо людей, которые если шли, то куда-то спешили, а если стояли, то обязательно в очереди. Никто не смеялся. Никто не шутил. Старое время было грустное время.

Мы шли через город на станцию. Сколько там было улиц? Одна или сто? Все они были похожи одна на другую. Но был там переулок, такой переулок, что если в него свернуть, тебе облегчат твою ношу, отсыпят немного зерна. Да еще вдобавок накормят сеном, настоящим сеном, запах которого мы успели уже забыть. Кое-кто из наших сворачивал в этот переулок и потом всю дорогу жевал сено, стараясь подольше не проглотить, чтобы растянуть удовольствие. А я не сворачивал. Как меня ни уговаривали, как ни ругали, я шел прямо и никуда не сворачивал...

Мой сын Мул называет меня ослом. Действительно, я осел.

Позже, когда стало уже легче жить, когда можно было не так мало есть и не так много работать, я встретился

с моей Лошадью. Она была стройная и красивая, она была гораздо выше меня — где мне было до нее дотянуться! Вокруг нее увивались чистокровные арабские скакуны, английские рысаки, аргамаки. Все они были стройные и красивые, но ни у кого из них не было серьезных намерений. Она этого не понимала, а я понимал. И мне за нее было обидно.

— Послушай,— говорил я ей,— плюнь ты на них. Разве ты не видишь, что для них это только забава?

А она смотрела на меня глазами, в которых каждый мог прочесть, что хотел, и говорила:

— Ты хороший. Ты самый лучший из них... Но они все такие глупые!

«Нет, это ты глупая»,— хотел я сказать, но не говорил, потому что она была не глупая, а просто доверчивая. И я отходил в сторону, уступая место ее скакунам, которые все прибывали и прибывали — откуда их столько бралось? Но никто из них не женился на ней, а я женился.

Мой сын Мул называет меня ослом. Действительно, я осел.

Мы поселились в одном хозяйстве, где было много всяких работ, так что на другое не оставалось времени. Каждый день нужно было что-то отвезти, что-то привезти, что-то перенести с места на место. Мы радовались, что обзавелись хозяйством, а на самом деле хозяйство обзавелось нами, и мы уже не могли от него уйти.

Я старался работать за двоих, потому что ведь нас теперь было двое. Потом нас стало трое, и я стал работать за троих.

Иногда, возвращаясь с работы, я сталкивался в воротах с каким-нибудь скакуном, который приветливо раскланивался со мной, хотя мы были совсем не знакомы. Меня это огорчало, мне были неприятны эти раскланивающиеся скакуны, которые вели себя так, будто мы были давно знакомы. Но она говорила:

— Ты хороший. Ты самый лучший из них.

Что я мог на это ответить?

Время шло, и я уже работал за четверых, потом за пятерых. Я старался прийти попозже, чтобы в воротах ни с кем не раскланиваться. Это мне удавалось, тем более, что с годами нас стали все меньше посещать — разве

что приятели наших детей, которые стали уже совсем взрослыми.

Наши дети. До чего они не похожи на нас. Мы в их годы были не такими — какими-то они будут в наши годы? Мы в их годы грузили мешки с зерном, из которых нам не доставалось ни зернышка. Нести приходилось далеко — из амбара на станцию, — и, голодные, мы тащили эти мешки, заботясь лишь об одном — как бы не свалиться в дороге.

Наши дети никогда не были голодными. Мы делали все, чтобы они жили лучше нас, потому что сейчас уже не то время. И вот они выросли — наши дети, ни в чем не похожие на нас...

Мой сын Мул называет меня ослом. Действительно, я осел...

КАК ДИНОЗАВР ЗАКОПАЛ СЕБЯ ВДАЛИ ОТ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Мы лежали на траве, перед нами была речка, за нами — горы, над нами — небо, и я сказал:

— Значит, так тебя никуда и не тянет?

— Нет, — сказал Динозавр. — Не все ли равно, где вымирать?

У него были грустные глаза. Видимо, он понимал, что живет в Мезозойскую эру. А может, он вообще ничего не понимал, и поэтому у него были грустные глаза.

Он лежал, распластав свое двадцатиметровое тело, и задумчиво смотрел на реку, которая вся была полна его отражением. Когда смотришь вот так на реку, в голову приходят печальные мысли, быть может, потому, что все реки текут сверху вниз.

— Удивительное дело, — сказал я. — Я знаю тебя миллион лет, и из них ты и дня не прожил по-настоящему. Ну отчего бы тебе чем-нибудь не заняться, не изобрести, например, паровоз?

— А, — сказал Динозавр, — все равно вымирать!

Жизнь на земле была еще совсем не налажена. Вокруг, насколько хватит глаз, не было ни одного населенного пункта, ни одного дорожного указателя, который бы куда-нибудь указывал путь.

— И все-таки,— сказал я,— здесь тоже можно что-то придумать. Проложить дорогу, поставить дорожный знак и так постепенно прийти к цивилизации.

Динозавр сунул голову в речку и похлебал воды.

— Выдумываешь ты все,— сказал он.— Нет, чтоб спокойно полежать на траве...

Мы лежали на траве. Перед нами была речка, за нами — горы, над нами — небо. И я сказал:

— Если эту речку повернуть туда, а вон ту гору перенести сюда и потом проложить между ними дорогу...

— Зачем? — спросил Динозавр.— Ведь все равно вымирать...

Вверху над нами пролетел Птеродактиль. Он легко рассекал воздух крыльями и кого-то высматривал на земле,— возможно, нас с Динозавром. Когда он летел, он был похож на большую бабочку. Потом он сел на вершину и стал похож на орла.

— Летает,— сказал я.

— Летает,— сказал Динозавр.— Подумаешь...

И тут я понял, что он никогда не изобретет паровоза, не проложит дороги и даже не поставит указателя, по которому другие могли бы прийти к цивилизации. Я понял, что он так и закопает себя здесь — до тех дней, когда его обнаружат в раскопках.

Можно жить в Мезозойскую эру и все-таки не быть динозавром...

Я сунул голову в речку и похлебал воды.

КАК ЖУК КОКУЙО ОТКРЫЛ ДЛЯ СЕБЯ АМЕРИКУ

Жук Кокуйо из шелкунов был прирожденным американцем. Он жил здесь еще тогда, когда у Носорога не вырос нос, у Рогохвоста не вырос хвост, а Слон был еще совсем-совсем маленький. И вполне понятно, что жук Кокуйо, как истинный старожил, знал, где, что и как, отчего и по какому поводу.

Особенно хорошо знал Кокуйо эти места потому, что всюду ходил со своим фонариком. Когда ходишь с фонариком, можно все хорошо видеть и иметь обо всем самые точные сведения.

Бизон Буффало не имел этих сведений. У него были

сильные ноги, могучая шея, крутые рога — у него было все, кроме сведений, что собой представляет жизнь.

— Ох, как плохо! — вздыхал бизон Буффало, опустив свою огромную голову. — Темные времена...

Разумеется, он ошибался. Он просто не видел жизнь в том свете, в каком ее видел жук Кокуйю. И жук Кокуйю ему возразил:

— Чепуха, ты просто слеп, как слепень! Жизнь не так уж темна, если на нее посветить фонариком.

— Ты знал Енота? — спросил бизон Буффало. — Он был славный парень, мы с ним были дружны. А вчера его разорвал Ягуар.

— Я знал Енота, — ответил жук Кокуйю, потому что он вообще многое знал. — Но насчет Ягуара — это все чепуха, у нас не водятся ягуары.

Бизон Буффало покачал головой.

— Ты знал Косулю? Это была наша любимица. А вчера ее затравили койоты.

— Чепуха, — сказал жук Кокуйю. — У нас нет никаких койотов.

Уж он-то знал, где, что и как, отчего и по какому поводу!

— Ах, Кокуйю, светлая ты душа, — вздохнул бизон. — Ты во всем видишь светлую сторону. А я вижу темную... — И это было действительно так, потому что у него не было фонарика.

— До свиданья, Кокуйю, — грустно сказал бизон и ушел в свою темную сторону.

А жук Кокуйю стоял и светил. В этом не было никакой надобности, потому что он и без того хорошо знал дорогу. Но он все равно стоял и светил.

— Эй, ты, с фонарем, поди-ка сюда! — услышал он грубый голос.

Жук Кокуйю подошел и осветил большую рыжую кошку. Рыжих кошек он видел немало, потому что он и вообще многое повидал, но такую большую кошку он видел впервые.

— Ну-ка посвети, — сказала кошка грубым голосом и стала что-то высматривать на земле.

— Вы что-то потеряли?

— Иди вперед, — приказала рыжая кошка, оставляя его вопрос без ответа. — Иди вперед и свети.

И жук Кокуйю шел впереди и светил.

— Давай шевелись! — торопила его рыжая кошка.— Так мы его никогда не догоним.

— Кого?

— Бизона. Ты что — не видишь следы?

Жук Кокуйю остановился.

— Бизона? Так это вам нужен бизон? Я его очень хорошо знаю, мы с ним большие друзья. Вы с ним тоже большие друзья?

— Друзья,— рывкнула рыжая кошка.— Давай пошевеливайся!

— Сейчас,— сказал жук Кокуйю.— Я знаю всех его друзей, он мне о них много рассказывал. Простите, как вас зовут?

— Ягуар.

— Я?..

— ...гуар! — прорычала рыжая кошка.

Нет, нет, это неправда, этого просто не может быть. Жук Кокуйю жил здесь еще тогда, когда у Носорога не вырос нос, у Рогохвоста не вырос хвост, а Слон был еще совсем-совсем маленький. Жук Кокуйю знал все, где, что и как, отчего и по какому поводу. Но о Ягуаре он ничего не знал.

— Я?..

— ...гуар! — прорычала рыжая кошка.

Значит, это все-таки Ягуар. Ох, как страшно! Сейчас он догонит бизона, и тогда... тогда... Вы знали бизона? Он был славный парень, мы с ним дружили... И вот — его разорвал Ягуар...

— Свети! — прорычала рыжая кошка.

Жук Кокуйю, светлая ты душа! Ты всю жизнь светил, ты хотел, чтобы каждому было светлее. Но сейчас, если Ягуару станет светлее, бизону, твоему другу, будет совсем темно...

Жук Кокуйю погасил свой фонарик.

— Свети!!

Ох ты, боже мой, до чего страшно! Ноги подкашиваются, внутри все дрожит, а сердце... Боже ты мой, куда девалось его сердце?

— Чепуха,— сказал жук Кокуйю.— Не буду я вам светить.

— Свети!!!

И от этого рева жук Кокуйю совсем потерял свое сердце. Внутри ничего не билось, внутри было пусто, глухо

и темно. Он открыл глаза, потом их закрыл, потом снова открыл,— но вокруг ничего не изменилось.

— Че... пу...

Вы знали Кокуйо? Он был славный парень и верный друг. Он был светлая душа и во всем видел только светлую сторону. Вы знали Кокуйо? Лишь в последний раз закрывая глаза, он впервые открыл для себя Америку...

ЕСЛИ БЫ Я БЫЛ ГОРНОСТАЕМ

Если бы я был Горностаем, я расхаживал бы, как король, и все удивлялись бы, откуда у меня моя шуба, и все спрашивали бы: «Скажите, где вы купили эту шубу, кто вам ее подарил, кто вам ее прислал, у вас, наверно, богатые родственники?» А я бы ходил в горностаевой шубе, в шубе из чистого горностаея, потому что я был бы сам Горностаем, и я отвечал бы: «Нет, я нигде не купил шубу, и никто мне ее не подарил, и никто не прислал, я хожу в горностаевой шубе, потому что, вы же видите, я сам Горностаея». Но они бы мне, конечно, не верили — ведь Горностаея встретишь не на каждом шагу, и они бы просили: «Ах, пожалуйста, дайте нам поносить эту шубу!» А я бы отказывал, я бы всем категорически отказывал: и Зайцу, и Суслику, и Волку... И Волку? Нет, боюсь, что Волку я бы не смог отказать, Волку очень трудно отказать, он наверняка снял бы с меня мою шубу...

Если бы я был Волком, я бы снимал шубу с каждого Горностаея, и с Куницы, и даже с Зайца, хотя у Зайца шуба очень плохого качества, она все время линяет, и ее едва хватает на один сезон. Но я все равно бы снимал с него шубу, потому что ведь я был бы Волком, а Волк может себе это позволить, Волк может себе позволить абсолютно все, кроме удовольствия залезть на дерево. Волки не лазают по деревьям, хотя, конечно, им очень хотелось бы, они бы не отказались, но где им, куда! По деревьям лазают обезьяны, а волки бегают по земле, и им ни за что не залезть на дерево!

Если бы я был Обезьяной, я бы никогда не спускался на землю, я бы прыгал по веткам и кричал, и визжал, и швырял бы сверху бананы, стараясь попасть кому-нибудь в голову. И другие обезьяны тоже бы визжали и

швырялись, и мы бы соревновались, кто громче завизжит и кто скорее попадет, и радовались бы, что никто не может достать нас на дереве. Разве что Жирафа, потому что она сама, как дерево, потому что у нее шея такая длинная, что по ней можно лезть и лезть и все равно до конца не долезешь!

Если б я был Жирафой, я бы ни перед кем не склонял голову, я бы смотрел на всех сверху вниз, такая б у меня была длинная шея. И мне ничего не стоило бы заглянуть через забор, и я видел бы, что там внутри, а там обязательно что-то должно быть внутри, потому что заборы существуют не зря — но, конечно, не для тех, у кого такая длинная шея. И никто бы до меня не мог дотянуться, потому что для этого нужно было бы прыгнуть очень высоко, а это не каждый умеет.

Если бы я был Леопардом, я бы, конечно, сумел. Я бы прыгнул этой Жирафе на шею и в одну секунду откусил бы ей голову. А потом прыгнул бы на дерево и откусил бы головы всем обезьянам, а заодно и Волку, чтоб не отнимал чужих шуб, а заодно и Горностаю, чтоб не кичился своей шубой. Если б я был Леопардом, мне не был бы страшен никто — разумеется, кроме Льва, потому что Лев каждому страшен. Когда встречаешь Льва, хочется стать маленьким и незаметным, хочется зарыться в землю, как Крот.

Если бы я был Кротом, я бы каждый день зарывался в землю. Я бы рылся там под землей, и меня бы совсем не интересовало, что происходит здесь, на белом свете. И кто у кого отнял шубу, и кто у кого откусил голову — все это было бы мне ни к чему, все это меня несколько бы не тревожило. И никто бы меня не видел — ни Лев, ни Леопард, потому что они ведь не станут рыться в земле, им и на земле дел хватает. А я бы себе рылся да рылся, рылся да рылся, — и только иногда высовывал голову, чтобы посмотреть, как там растет трава и как ее щиплют бараны. Бараны ходят по полю и щиплют траву, и греют спину на солнышке, и они могут ни о чем не думать, хотя, конечно, и они думают, иногда они так задумаются!..

Если бы я был Бараном!

Впрочем, я ведь и есть Баран.

СЧАСТЬЕ СВИНЬИ БАБИРУСЫ

Ноги у антилопы Бейзы длинные и тонкие, как у Безоарова козла. Шея у нее длинная и тонкая, как у Безоарова козла. Рога у нее длинные и тонкие, как у Безоарова козла. Поэтому, конечно, Безоаров козел полюбит антилопу Бейзу.

У свиньи Бабирусы почему-то рога на носу. Такая неприятность, вместо того, чтоб вырасти на голове, рога у свиньи Бабирусы выросли на носу, и их никто не называет рогами. Их даже не называют бивнями — как у слона, а называют клыками — боже, какой позор! — просто клыками, как у волка.

Безоаров козел терпеть не может клыков, особенно таких больших, как у свиньи Бабирусы. Он считает их признаком дурного характера и старается держаться подальше от тех, кто имеет клыки. Он держится поближе к тем, у кого длинные ноги, длинная шея, длинные рога. И конечно, конечно, Безоаров козел полюбит антилопу Бейзу!

Так-то вообще у свиньи Бабирусы все в норме. И приятная полнота, и короткая, совсем коротенькая щетина... Но клыки, эти клыки!

В последнее время ее все чаще спрашивают:

— Скажите, вы не родственница покойного Мамонта?

Ну вот, пожалуйста. Оказывается, у Мамонта точно так же загибались клыки, только их у него называли бивнями.

— Нет,— говорит свинья Бабируса.— Я не знаю никаких мамонтов, у меня нет покойных родственников, я сама по себе.

Ну почему, почему она не может быть интересна сама по себе? Почему от нее все отворачиваются, лишь только узнают, что она не родственница покойного Мамонта?

У антилопы Бейзы никто не спрашивает о родственниках, ею интересуются лишь потому, что она — антилопа Бейза. Бейза! До чего неприятное имя! Свинья Бабируса терпеть не может этого имени. То ли дело — Безоаров козел... Свинья Бабируса называла б его Безоаром.

— Мой Безоар, как ты спал?

— Превосходно, моя Бабируса.

К сожалению, все это только мечты, и никогда, никогда свинья Бабируса не узнает, как спал Безоаров козел.

— Скажите, вы не родственница покойного Мамонта?

Кто знает? Быть может, и родственница. Но разве это что-то изменит? Разве от этого исчезнут ее клыки и на голове вырастут рога — такие, как у антилопы Бейзы? И разве от этого к ней придет ее Безоар?

Безоар... Странное, загадочное имя. Такое имя можно услышать только во сне, где и видишь, и слышишь все по-другому. И там, во сне, среди каких-то лесов, среди каких-то степей вдруг услышишь ты «Безоар!», чтобы потом, проснувшись, без конца повторять это имя.

Безоар! Безоар!

Все обычно. Все вокруг до того обычно, что хочется зажмурить глаза. Растут деревья, и корни их ползут по земле. И лужи после дождя — когда это он прошел: в пятницу или в субботу?

Мокрая земля легко месится под ногами. Шуршат листья. Птицы щебечут. Гремит гром. И над всем этим, таким обычным: «Безоар! Безоар!»

— Скажите, вы не родственница покойного Мамонта?

— Да, представьте себе. Я его ближайший потомок.

В чем дело? Почему все засуетились вокруг? И рогатые, и безрогие сбились в одно стадо, а в центре этого стада — она, свинья Бабируса.

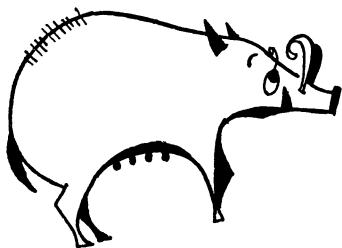
К ней подходит Муфлон. Он говорит:

— От имени всех баранов разрешите вас поздравить, а также передать привет и самые теплые пожелания.

Потом Бык передает привет от быков, Осел — от ослов, Верблюд — от верблюдов.

Кто-то преподносит букет с великолепными, крупными желудями.

Кто-то разрыхляет зем-

лю, чтоб Бабирусе было удобней сидеть.

Все интересуются Мамонтом. Как он жил, как он был, как он выглядел. Да, конечно, у него были клыки. Ну и все остальное, как у свиньи Бабирусы.

— Подумать только! — говорит Муфлон.

И остальные говорят:

— Подумать только!

Все интересуются Мамонтом. Говорят, что он был больше Слона, это правда? А что он ел, а чем он вообще интересовался?

— Покойный Мамонт был моим предком, — напоминает свинья Бабируса.

И тут от стада отделяется козел Безоар. Да, представьте себе, козел Безоар выходит из стада, оставив там плачущую антилопу Бейзу. Он подходит к свинье Бабирусе и смотрит на нее — если б вы видели, какими глазами!

А свинья Бабируса смотрит на него. Боже мой, какие у него ноги, и какая шея, и какие рога! И вообще — какой он, козел Безоар!

И свинья Бабируса говорит:

— Покойный Мамонт был моим предком.

Потом они вдвоем выходят из стада, оставив там плачущую антилопу Бейзу, и идут вдвоем, и свинья Бабируса высоко поднимает свои клыки, точно такие клыки, как были у ее предка Мамонта.

И все вокруг — совсем, как во сне: и степи, и леса. И тихий голос зовет:

— Безоар!

Это голос свиньи Бабирусы.

Они идут рядом, он и она, и она смотрит только на него, а он — только на нее — если б вы видели, какими глазами! И уже ничего не слышно — ни грома, ни листьев, ни птиц...

— Как ты спал, мой Безоар?

— Превосходно, моя дорогая!

КОГДА ЕХИДНА НЕ БЫЛА ЕХИДНОЙ

Тогда она была птицей...

У нее были сильные крылья, которые отрывали ее от земли и уносили высоко в небо. Там, в небе, все было совсем не так. Если на земле было пасмурно, то там светило солнце, потому что тучи оставались внизу. Тучи совсем не трудно оставить внизу, но для этого нужно иметь крылья.

У нее были хорошие крылья, но мог ли Опоссум это понять? И когда она говорила ему о небе, он — толстый, мягкий Опоссум — лениво сворачивался клубком и щурил глаза, пряча в них насмешку и недоверие.

— А если дождь? — спрашивал Опоссум. — Если ливень, гроза, гром и молния?

— Пойми ты, чудак, — волновалась Ехидна, которая тогда еще не была Ехидной. — Там ничего этого нет. Если подняться достаточно высоко, то все останется внизу — и дождь, и гроза, и молния.

— И гром? — уточнял дотошный Опоссум. При этом он цеплялся за ветку хвостом и повисал так, что все мысли его приливали к голове.

— Да, конечно, и гром. И буря, и наводнение.

Мешкопес, больше известный как сумчатый волк, с интересом принялся к разговору.

— Допустим, — сказал Мешкопес. — Допустим, что все это так. Но если там ничего нет, то как же быть с проблемой питания?

— Ах, я не о том, — досадовала Ехидна, которая тогда еще не была Ехидной. — Я говорю о свободе...

Опоссум довольно искусно умел висеть на хвосте, и при этом ноги его были совершенно свободны.

— О свободе? — блаженно прищурился он и подвигал своими ногами. — Мы все говорим о свободе.

— Между прочим, свобода питания есть также одно из проявлений свободы личности, — сказал Мешкопес, с удовольствием принимаясь к этой замечательной фразе.

А Кенгуру добавил по этому поводу:

— Только не нужно злоупотреблять. Если дать себе в этом свободу, то не возьмишь и самой пустячной дистанции.

— Кстати, как вам понравилось последнее состязание по прыжкам? — сверху вниз осведомился Опоссум, болтаясь на ветке вниз головой.

— Слабовато, — охотно откликнулся Кенгуру. — Наши были не в форме, а тут еще погода подкачала...

— Нет, но все-таки было несколько дельных прыжков!

О небе сразу как-то забыли. Опоссум и Кенгуру спорили о прыжках, Мешкопес, презиравший спорт за то, что он отвлекал умы от центральной проблемы питания, пытался перетянуть разговор в область практической философии. А Ехидна, которая тогда еще не была Ехидной, отчаянно подыскивала слова, в которых ее главная мысль прозвучала бы особенно убедительно.

— Вы просто не пробовали, — сказала она. — Если б вы хоть раз попробовали полететь, вы бы поняли, что это такое.

Внезапно Кенгуру заинтересовался этой идеей. Это был чисто спортивный интерес, поскольку он ограничивался использованием крыльев в спорте, точнее — в прыжках на большие дистанции.

— Тебе хорошо рассуждать, — сказал Кенгуру. — А как быть нам, если у нас нет крыльев?

— А вы б полетели?

— Конечно, — сказал Кенгуру.

— Еще бы! — ухмыльнулся Опоссум.

— Не исключена возможность, — подтвердил Мешкопес.

И Ехидна, которая тогда еще не была Ехидной, а была настоящей птицей, поверила им. Она распластала свои крылья и стала выдергивать из них перо за пером.

— Это тебе, Кенгуру. Это тебе, Опоссум. Это тебе, Мешкопес.

Она раздала свои перья, и сама осталась без ничего. Первым это заметил Опоссум.

— Вы посмотрите на нее! — взвизгнул он и покатился от смеха с дерева.

И все посмотрели и тоже покатались от смеха.

Потому что птица, у которой выдраны перья, — не правда ли? — очень смешное зрелище.

— А когда же вы полетите? — спросила у них Ехидна, которая и теперь еще не была Ехидной.

И сразу все вспомнили о своих перьях.

Опоссум вставил себе перо в нос и полюбовался на себя в ближайшую лужу. Второе перо он заложил за ухо. Потом подумал и поменял эти перья местами.

Кенгуру прыгал, размахивая перьями, но результаты были неутешительные — еще хуже, чем тогда, когда подкачала погода. А Мешкопес жевал перья и думал, что вряд ли они разрешат проблему питания.

— Тьфу! — сказал Мешкопес и выплюнул невкусные перья. И все окружили ее, смешную, общипанную Ехидну, которая все еще не была Ехидной, и стали над ней потешаться.

— Ну! — говорили они. — Чего ты сидишь? Лети в свое небо!

А она не могла полететь, потому что у нее больше не было крыльев.

Тогда Кенгуру поддел ее ногой и подбросил вверх, чтобы она полетела. И все сразу стали ее подбрасывать, а она все падала и падала назад, потому что у нее больше не было крыльев.

— Да она же сама не умеет летать! — крикнул Опоссум. — Сама не умеет, а еще учит других!

Небо и земля мелькали в ее глазах, смешиваясь в сплошную серую массу. И она вдруг подумала, что, может быть, действительно, неба нет, а есть только дождь и ливень, и эти ноги, которые пинают и швыряют ее? И, может, прав Опоссум, и прав Кенгуру, и прав Мешкопес со своей проблемой питания?

Вот тогда, в этот самый момент, Ехидна стала превращаться в Ехидну. Она забилась в темную норку и старалась не показываться никому на глаза. Она научилась приюхиваться ко всему, как Мешкопес, и, в случае чего, сворачиваться клубком, как Опоссум.

И вместо крыльев у нее появились колючки, острые колючки — совершенно бесполезные в небе, но порой очень нужные здесь, на земле...

Я БЫЛ ТАРПАНОМ

Я был тарпаном. Нас был целый табун, и мы неслись по степи, перемахивая через холмы и овраги. Земля пролетала у нас под ногами, и мы были свободны от нее, от земли, и от неба, стынувшего над головой, и от скучно-

го долга возвращаться домой, на конюшню. У нас не было дома, у нас не было ничего такого, чем стоило дорожить на земле.

Мы неслись между степью и солнцем, испепеляющими друг друга вечным жаром любви, а может быть, ненависти. Мы неслись между двумя огнями, как стрела, пущенная нам вслед, или пуля, летящая нам навстречу. И на закате, когда, изнемогая, солнце и степь склонялись друг к другу, мы одни не чувствовали усталости.

Мы ничего общего не имели с мустангами, с этими в прошлом домашними лошадьми, которые отказались ходить в узде, но не смогли отказаться от многих старых привычек. Мы никогда не были домашними. Мы всегда презирали узду, даже если она была из чистого золота.

Мой друг Белогрив, который лучше меня разбирался в жизни, не раз говорил:

— У послушной скотины сена полные закрома, но ноги ее опутаны толстой веревкой. Мы, лошади, устроены так, что у нас один желудок и четыре ноги — о чем же мы должны думать в первую очередь?

И, вместо ответа, Белогрив отрывал от земли свои четыре ноги и уносился в степь, увлекая нас за собой.

Белогрив был самым лучшим из нас. Это понимали все, особенно Рыжая Кобылица.

Сейчас даже странно об этом вспоминать. Белогрива давно нет, и давно нет Рыжей Кобылицы, и из всех тарпанов остался только я, да и то этому никто не поверит. «Тарпан? — скажут. — А что это такое — тарпан?»

Но я был тарпаном! И Рыжая Кобылица — это вовсе не выдумка, потому что мы ее любили все, все до одного — до того одного, которого она любила.

И, конечно, это был Белогрив.

Та ночь застала нас посреди степи, и мы жались друг к другу, пытаясь укрыться от зябкого ветра. И тут я увидел, как Рыжая Кобылица подошла к Белогриву и положила ему на спину свою красивую голову.

— Холодно? — спросил Белогрив.

— Нет, — сказала она и закрыла глаза.

— Устала? — спросил Белогрив.

— Нет, — сказала Рыжая Кобылица.

И вот Белогрив, который так хорошо разбирался в жизни, на этот раз стал в тупик.

— Тогда я не понимаю... — сказал он и замолчал.

Рыжая Кобылица не отходила от него, и голова ее была у него на спине, и глаза ее были закрыты.

Мы все, сколько нас было в табуне, смотрели на них, но никто не решился им помешать.

— А если я не могу без тебя? — спросила Рыжая Кобылица.

— Глупости, — сказал Белогрив. — Ты просто устала.

— Но ты меня любишь?

— Нет, — сказал Белогрив. — И вообще все это глупости.

Подумать только, что их давно уже нет — ни Белогрива, ни Рыжей Кобылицы. И какое имеет значение, кто кого любил, если их давно уже нет, если от них ничего не осталось?

Но тогда это имело значение. Тогда Рыжая Кобылица сняла голову с его спины и побрела прочь. Она уходила в степь, а мы смотрели ей вслед, и никто не окликнул ее, никто не пошел за нею.

Мы смотрели ей вслед и не сразу заметили, что за нею движутся какие-то тени. Они двигались с разных сторон, постепенно смыкаясь вокруг нее.

— Волки! — крикнул кто-то из нас, но никто не двинулся с места. Мы смотрели на нее, и сердца наши обливались кровью, потому что все мы ее любили. Все, кроме одного.

И вдруг он, этот один, сорвался с места и поскакал по степи. Он бежал так, как умел бежать только он — почти не касаясь земли, распластавши на ветру белую гриву.

Там он и погиб — рядом с нею, с той, которую не любил.

— Ты меня любишь?

— Нет. Все это глупости.

Не знаю, быть может, с тех пор нами овладел страх, и нас все чаще настигали пули и стрелы. Мы уже не лезли над землей, а прижимались к ней, выбирая места пониже, чтобы не так бросаться в глаза. Но нас все равно находили и все равно убивали. А потом я остался один...

Но я был, был тарпаном! Я не знал ни этой конюшни, ни этой телеги, я скакал между степью и солнцем, раскаляясь от зноя и бега и видя впереди только степь... И Белогрив — это вовсе не выдумка, и Рыжая Кобыли-

ца — не выдумка, и все мы, сколько нас было, не выдумка, не выдумка!

Все-таки когда-то я был тарпаном!

ЗАМОК АГУТИ

Мелкий грызун Шиншила был, безусловно, прав, говоря, что заяц Агути парит в небесах, витает в облаках, что он обитает в воздушных замках. Заяц Агути действительно обитал в этих замках. Он проводил в них все время за исключением тех немногих часов, которые требуются, чтобы пощипать траву, сбежать от охотника, а также побеседовать с мелким грызуном Шиншилой.

Замок Агути стоял на горе, вернее, над горой, посреди голубого облака. Некоторые считают, что голубой цвет — это слишком старо и сентиментально, что сейчас больше в моде серые облака, но заяц Агути выбрал именно это облако, потому что был и сам чуточку сентиментален, за что мелкий грызун Шиншила всячески его порицал.

Замок Агути был самым настоящим, хотя и воздушным замком, со всеми этими ходами и переходами, а также главным входом, у которого сидели огромные львы, разумеется, не каменные, а живые. Они были привязаны к зайцу, как собаки (чего нельзя сказать о собаках, преследовавших его на земле), но охраняли львы, конечно, не зайца Агути, они охраняли прекрасную Корзель.

— Либо корову, либо газель, — возражал по этому поводу Шиншила, мелкий грызун. — Ты, Агути, всегда все перекручиваешь.

Бедный Шиншила, он умел мыслить только логически, у него все было или — или, третьего не дано. И он не в состоянии был понять, что тому, кто живет в воздушных замках, дано третье, и это третье — Корзель, а совсем не газель и, уж конечно, не корова.

Красавица Корзель была пленница этого страшного Бегелопы, который украл ее у родителей, чтобы добиться ее любви. Но она не могла его полюбить, потому что у него был слишком толстый живот и слишком тонкие ноги. И, кроме того, он так страшно разевал свою пасть, что нет, конечно, Корзель не могла полюбить Бегелопы.

— Либо бегемота, либо антилопу, — возражал мелкий

грызун Шиншила, верный принципу, что третьего не дано.

Еще как дано! Еще как было дано, когда Бегелоп явился среди ночи, схватил красавицу Корзель и утащил ее в свою берлогу! В этой берлоге он сообщил ей о своей любви и потребовал немедленной взаимности, но она не знала, что такое любовь, а он не мог ей этого объяснить, потому что у него была слишком большая пасть и слишком тонкие ноги.

— Это же так просто,— растолковывал ей Бегелоп.— Ты берешь и любишь меня, а я беру и люблю тебя, и значит, оба мы любим друг друга.

Но она не понимала, что значит — любить.

— Ну, как тебе сказать? — пытался сказать Бегелоп.— Это когда посмотришь — и сразу почувствуешь. Вот ты посмотри на меня. Ну? Чувствуешь?

Но она ничего не чувствовала.

Тогда Бегелоп позвал своего приятеля Уткорога.

— Либо утконоса, либо носорога,— вставил Шиншила.

Нет, он позвал именно Уткорога и попросил, чтобы тот объяснил Корзели, что такое любовь.

— Любовь,— сказал Уткорог и почесал себя рогом под мышкой.— Любовь...— сказал он и почесал себе спину.— Любовь...

Больше он ничего не сказал. Он только говорил «любовь» и чесался в разных местах, но в этом не было ничего вразумительного.

Красавица Корзель смотрела на Уткорога и не могла понять, что такое любовь, потому что он слишком много чесался и у него был этот дурацкий рог, и он не мог сказать больше одного слова.

И так стояли они втроем, и Бегелоп смотрел на Корзель, а Корзель смотрела на Уткорога, а Уткорог смотрел на Бегелоп и качал головой: сами понимаете, любовь — это такое дело, тут так просто не объяснишь.

Тогда Бегелоп позвал Ягудила.

— Либо ягуара, либо крокодила.

Тогда Бегелоп позвал Ягудила, и тот приполз, длинный такой и пятнистый, как выкрашенное бревно, и лежал, как бревно, пока Бегелоп объяснял ему, что от него требуется, и только широко раскрывал свою пасть, словно соревнуясь в этом с Бегелопом. И когда Ягудил, наконец, все усвоил, он так посмотрел на Корзель, что она

испугалась и, уж конечно, не могла понять, что такое любовь.

И вот тогда, только тогда Бегелоп позвал зайца Агути. И заяц Агути пришел, и шерсть его блестела, как золото, а глаза сияли, как звезды.

Заяц Агути посмотрел на красавицу Корзель и сразу забыл все, что он знал прежде, и вспомнил то, чего не знал никогда.

— Знаешь ли ты, как рождается луна? — спросил заяц Агути. — Она рождается, как серп, который косит тех, кто не знал любви, потом она растет и становится похожей на сердце, которому не хватает его половины, а потом находит свою половину и становится полной, как два сердца, слившиеся в одно.

Заяц Агути был немножко сентиментален, и поэтому он так говорил.

— Знаешь ли ты, как вырастает цветок? — спросил заяц Агути. — Сначала он прозябает в земле, но потом пробивается к свету и видит небо над своей головой. И он вдруг понимает, что теперь ему уже не жить без неба, что теперь их будет двое, только двое на всей земле...

Бегелоп слушал зайца Агути и пытался запомнить его слова, чтобы потом сказать их Корзели.

— Знаешь ли ты, как возникает любовь? — тихонько повторял он вслед за зайцем Агути. — Она возникает внезапно, и никто не может сказать, откуда она взялась, как никто не может сказать, откуда взялась луна на небе и цветы на земле. Но когда она приходит, без нее уже невозможно жить, как нельзя жить без луны и цветов, как нельзя жить без тебя, Корзель, потому что ты — самая прекрасная...

Вот что сказал заяц Агути, и хотя это было сентиментально, Корзель опустила глаза и ей захотелось услышать еще что-нибудь в этом роде, потому что она поняла, что такое любовь.

— Наконец-то ты поняла! — обрадовался Бегелоп. — Теперь ты, заяц, можешь идти, больше ты нам не нужен.

— Нет, он нужен, — сказала красавица Корзель. — Он нужен, потому что только с ним я понимаю любовь, а без него мне снова будет ничего не понятно.

Услышав, что он нужен, заяц Агути почувствовал в себе такую силу, какой не чувствовал никогда.

— Да, Бегелоп,— сказал он,— я нужен, а ты не нужен. И можешь убираться отсюда и не попадаться мне на глаза.

И услышав, что он не нужен, Бегелоп почувствовал в себе такую слабость, какой никогда не чувствовал, и он встал и ушел из собственной берлоги.

Это было именно так, хотя Шиншила, мелкий грызун, этому не поверил.

— Либо ты ушел, либо она ушла,— сказал Шиншила.— Но чтоб ушел Бегемот...— так он по-своему назвал Бегелопа.

И когда Бегелоп ушел, заяц Агути взял Корзель и повел ее в свой замок. Он бросил к ее ногам все облака, и она ступала по ним, и ей было радостно, как бывает радостно, когда ступаешь по облакам. И заяц Агути шел рядом с ней, и это было самое лучшее, что можно придумать.

Там они с тех пор и живут, и их охраняют огромные львы, послушные и верные, как собаки. Они живут посреди голубого облака, и по ночам у них в замке зажигаются звезды — вот эти звезды, которые видны с земли.

А когда заяц Агути щиплет траву или спасается от охотников, он знает, что там, высоко, у него есть замок, воздушный замок, где его ждет красавица Корзель.

— Либо корова, либо газель,— поправляет Шиншила. Мелкий грызун, что знает он о воздушных замках? Что знает он о цветах, которые выбиваются из подземья, чтоб увидеть небо над своей головой?

НЕНАЧАТЫЕ РАССКАЗЫ

ПРИЗНАТЕЛЬНОСТЬ

...но увидев слезы у нее на глазах, лук от волнения забыл, что его режут.

ЗРЕЛОСТЬ

...и теперь, выйдя на широкую дорогу, он уже не рвался в краеугольные камни, а довольствовался скромной ролью камня преткновения.

ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЙ ПРИМЕР

...вот, например, ложка: она ведь тоже не всегда бывает в своей тарелке, но это ничуть не мешает ей работать с полной отдачей.

ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ

...но — ох, и до чего же трудно быть изюминкой!
Особенно в ящике с изюмом.

ЗДОРОВЫЙ ОПТИМИЗМ

...мушка верит в мушку, мошка верит в мошку.
А мышка верит в мышку — и совершенно не верит
в кошку.

ПРОИГРЫВАТЕЛЬ

...и потому, что он в жизни всегда проигрывал,
слушать его было особенно интересно.

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

...а что до лысины, то ей главное, чтоб сверху
блестело.

СПОР

...каждый на свою стенку лезет, а истина лежит,
между тем, внизу, у всех под ногами.

ПРИЧИНЫ И СЛЕДСТВИЯ

...из плодов воображения произрастают запрет-
ные плоды, а запретные плоды расцветают плодами
воображения.

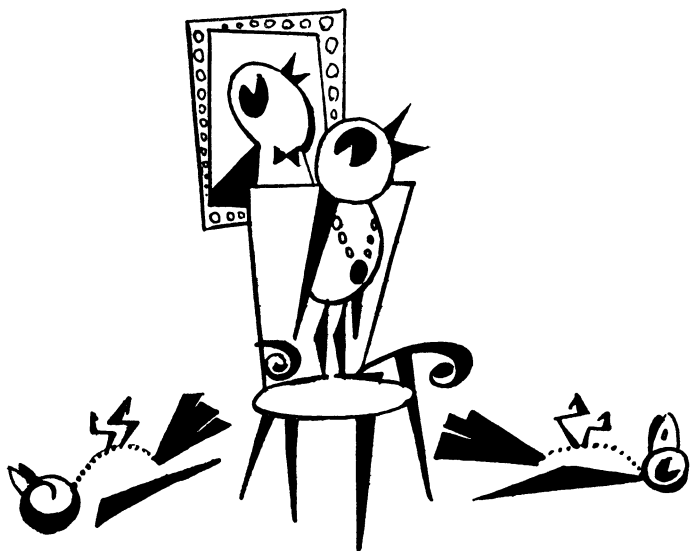
ДИСКУССИЯ

...Баран выразил общее недоумение, Заяц
выразил общее опасение. Потом встал Лев и
выразил общее мнение.

СВОЕ МНЕНИЕ

...наконец и Воробей получил возможность высказать свое мнение.

— Чик-чирик,— сказал Воробей.— Чик. Чирик. Этого — чик! Этого — чирик! А чего с ними чикаться?

МЫСЛЬ ИЗРЕЧЕННАЯ

...и Кролик, благоговевший перед Удавом, но в наплыве чувств не сумевший правильно выразить это благоговение, закричал:

— К черту Удава! До каких пор нам дрожать перед ним?

Потом пошел и удавился, поняв неточность формулировки.

ПРОБЛЕМЫ

...тут важно: кто ездит, куда ездит, зачем ездит...

— И на ком ездит,— вставил Верблюд.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

— ...факты — упрямая вещь,— сказал Осел.

ЦИКЛОПЫ

...говорят, что циклопы, которыми кормят рыбок в аквариуме, тоже одноглазые и тоже выглядят очень страшно через увеличительное стекло.

ВОЛКИ И ОВЦЫ

...и когда волки были сыты и овцы целы, возникла проблема: как накормить овец?

РЫЦАРИ КРУГЛОГО СТОЛА

...в заключение был дан обед. Лягушка съела мушку, уж съел лягушку, еж съел ужа... Обед прошел в обстановке взаимного понимания.

НАЧАЛО НАЧАЛ

...мироздание строилось по принципу всех остальных зданий: с самого первого кирпича оно уже требовало ремонта.

ЭВОЛЮЦИЯ ЧЕЛОВЕКА

...а старые обезьяны все еще вспоминают о том, как они жили до эволюции.

ЖИВАЯ СТАТУЯ

...оживив себе жену, Пигмалион очень скоро пожалел, что не сделал ее из более мягкого материала.

ССОРА

...говорили, что между Сциллой и Харибдой пробежала какая-то кошка, но куда девалась эта кошка, установить так и не удалось.

ЭВРИПИДЫ

...у них на всех одна — единственная — трагедия, которая состоит в том, что они не умеют писать.

ЦЕЗАРИ

...жребий брошен вместе со всеми доспехами при попытке обратно перейти Рубикон.

ЦИЦЕРОНЫ

...они говорят — как пишут: не отрывая глаз от написанного.

УРОК КРАСНОРЕЧИЯ

...и тогда Демосфен выплюнул свои камни и набрал в рот воды.

ПРЕЕМНИКИ

...они мыслили точно так, как Сократ. А цитату им заменяла цитата.

ЕСЛИ ГОРА НЕ ИДЕТ К МАГОМЕТУ...

...каждый, кому повезет взобраться на вершину горы, уже воображает себя Магометом.

ТРАМВАЙНАЯ ФИЛОСОФИЯ

...человек уходит из жизни, как выходят из трамвая: на его уход обращают внимание те, кого он толкнул или кому уступил место.

МОДА

...нимбы носят вокруг головы, а петли— вокруг шеи.

ВЗГЛЯД В ПРОШЛОЕ

...а то, что он был актером и в свободное время писателем, так у него, как видно, было свободное время.

СИЛА ИСКУССТВА

...очнувшись от своей игры, Орфей застал жену в объятиях Морфея.

ВЫГОДНЫЙ ПРОДУКТ

...за последнее время тигрятина заметно упала в цене: если прежде один тигр стоил жизни трем охотникам, то теперь он стоит только двум. А цены на баранину остались без изменения.

КАЛАМБУР

...а сатира покрывается ржавчиной, каламбура в стакане воды.

1616

...в этот год умерли Сервантес и Шекспир. Но никто в этот год не родился.

АРХЕОЛОГИЯ

...вавилоняне раскапывали культуру шумеров, при этом закапывая свою.

...таким образом, эта маленькая страна, производившая только пуговицы и зубочистки, теперь производит все: от пуговиц до зубочисток включительно.

ЖИТЕЙСКАЯ ФИЛОСОФИЯ

...цель оправдывает средства, но — увы! — не всегда их дает.

СМИРЕНИЕ

...буйным становится человек, когда он продает душу дьяволу, но каким же кротким становится он, когда отдает богу душу!

ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ

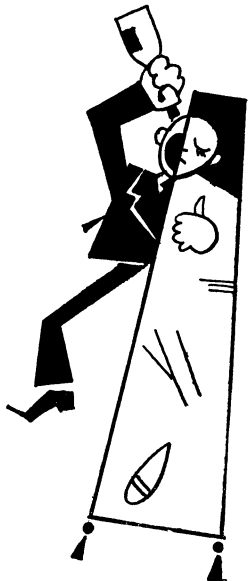
...одни на спине, другие — в петлице... Вот так каждый несет свой крест...

МЕЧТЫ ВСЕВЫШНИЕ

...если б люди вели себя, как ангелы, а работали, как черти!

ФОРМУЛА ЛЮБВИ

— ...ведь, в сущности, что такое любовь? Любовь — это такое явление, которое, укорачивая жизнь каждому человеку в отдельности, удлиняет ее человечеству в целом.

ФОРМУЛА РЕВНОСТИ

...а ревность — это цемент, соединяющий крупички любви в сплошную стену, отделяющую человека от общества. Чем меньше крупичек, тем больше требуется цемента.

НЕКРОЛОГ

...он сгорел, как свеча в эпоху сплошной электрификации.

МЫСЛИ

...мудрые мысли погребены в толстых книгах, а немудреные входят в пословицы и живут у всех на устах.

КУХНЯ

...а писательская кухня — это обыкновенная кухня, в которой днем варится суп, а ночью создаются бессмертные произведения.

ПРИЗНАНИЕ

...и вот уже он стал таким великим художником, что мог позволить себе ничего не видеть вокруг, как Гомер, и ничего не слышать вокруг, как Бетховен.

ОДНОКЛЕТОЧНЫЕ

...одноклеточная Амеба была первым Колумбом, открывшим жизнь на земле.

МНОГОКЛЕТОЧНЫЕ

...количество клеток современной обезьяны равно $n+1$. Единицей обозначается клетка, в которой обезьяна сидит.

ДОЛГОЛЕТНИЕ

...еще когда не было динозавров, инфузория уже была инфузорией. Уже когда давным-давно нет динозавров, инфузория все еще инфузория.

РОДОСЛОВНАЯ ПРЕСМЫКАЮЩИХСЯ

...и так, пресмыкаясь, огромные ящеры превратились постепенно в маленьких ящериц.

РОДОСЛОВНАЯ ДВОЯКОДЫШАЩИХ

...в воде они вздыхали о суше, а на суше вздыхали о воде — и с веками научились вздыхать в любых условиях.

ПАЛЕОНТОЛОГИЯ

...живой вес дошедшего до нас микроба больше живого веса дошедшего до нас мамонта.

ИТОГИ

...и, очнувшись через миллион лет, микроб видит, как сильно все вокруг изменилось: на земле появилось много новых микробов.

СКАЗКА

...а так как Золотой Рыбке было мало ее морей, у старика отобрали последнее старое корыто.

ПУБЛИКА

...и все были разочарованы, что он не смог исполнить на бис свою лебединую песню.

КАРЛ ВЕЛИКИЙ

...Карл Великий был сыном Пипина Короткого. Легко быть великим, имея такого отца.

ЧУВСТВО ЛОКТЯ

...когда Калигула ввел в сенат своего коня, все лошади Рима воспрянули духом.

БОЙТЕСЬ ДАНАЙЦЕВ!

...дошло до того, что данайцы стали бояться друг друга.

ВЕРА

...и до конца своих дней Гомер слепо верил в прозрение своих современников.

ТЕМПЫ РОСТА

...от никого — к Робинзону, от Робинзона — к Пятнице. Таков прирост населения необитаемых островов.

ИСТОРИЯ

...что же касается войн Алой и Белой розы, то это были только цветочки.

ГЕОГРАФИЯ

...мало быть Магелланом. Надо, чтобы где-то был еще Магелланов пролив.

ГЛАВА ПРИМЕЧАНИЙ

В этой книжке собраны аллегорические произведения. Аллегория — это такой жанр, при котором автор имеет в виду одно, а пишет совершенно другое. В этом смысле аллегория — не только литературный жанр.

Очень часто мы имеем в виду одно, а говорим совершенно другое.

Имеем в виду одно, а делаем совершенно другое.

Прошу прощения за этот теоретический разговор. Я имел в виду, конечно, другое.

Просто я имел в виду кое-что пояснить в примечаниях.

НАИВНЫЕ СКАЗКИ

Раздел, которым лучше всего начинать, потому что наивность только в начале может сойти за наивность. а когда наивность где-то в конце, для нее находят другое название.

Задумчивый разговор. Я был сам свидетелем этого разговора, но добавлять ничего не хочу, чтобы не стать из свидетеля разговора его участником (см. сказку).

Ночь. Главная тема этой сказки — выбор профессии.

Славный ты парень, Мишка! Сказка направлена против сусликов, которые, являясь вредителями сельского хозяйства, вдобавок наносят немалый вред своим пресмыкательством перед хищниками.

Волк на елке. Такого никогда не может быть. Но иногда хочется, чтобы так было.

Самая наивная сказка во всем сборнике.

Счастье. Тоже наивная сказка. Кроме того, она длинна, что мало соответствует ее названию (счастье, как известно, бывает обычно коротким).

Зайкины рога. А вот эта сказка далеко не так наивна, как кажется, хотя главный ее герой — Зайка — выглядит чрезвычайно наивным. Он, конечно, не хищник, но, будь я на месте Козла, я бы предпочел иметь дело с целой стаей волков, чем с одним таким наивным Зайкой.

Гуси-лебеди. Мой приятель, прочитав эту историю, сказал, что не видит большой беды в том, что озеро названо водохранилищем. Он сказал, что собственными глазами видел словарь, в котором это слово написано черным по белому.

Мустанги. В XVI веке жители Буэнос-Айреса покинули свой город, оставив в нем несколько лошадей, которые одичали и, размножившись, разбрелись по всей Южной Америке.

Этот факт никакого отношения не имеет к героям рассказанной здесь истории, которые одичали совершенно другим путем.

Лев из класса пресмыкающихся. При невнимательном чтении кажется, что эта сказка не имеет конца, но в действительности это неверно. Все имеет конец, особенно кролики, когда они имеют дело с удавом.

Как человек решил произойти от обезьяны. Автор здесь утверждает прекрасную, хотя и уже известную мысль, что человек произошел от обезьяны. Но как это случилось и почему? Автор пытается ответить на этот вопрос, дополняя научную мысль ненаучным вымыслом.

Дорогой Желтопузик. Сказка написана к юбилею Желтопузика, по личной его просьбе.

Судьба Индейки. Грустная сказка о том, как это нередко бывает в жизни. На основной вопрос — кем же все-таки лучше быть: индейкой или орлом,— сказка не дает ответа, чтобы не ограничивать выбор читателя. Лично автору хочется быть орлом. Если у него, конечно, получится.

Автору предлагали переделать «Судьбу Индейки» в «Судьбу Индейца», поскольку при этом «вещь приобретает звучание». Но автор отказался от этого варианта, положившись во всем на читателя. Читатель сам знает, кого ему лучше подразумевать — индейца или кого-нибудь другого.

УЧЕННЫЕ СКАЗКИ

В «Записках Кощея Бессмертного» (о которых речь ниже) кот — ученый в трех смыслах: 1) владеющий знаниями, 2) хорошо дрессированный и 3) наученный горьким опытом. Ни одно из этих значений не подходит к понятию «Ученые сказки».

Сказки эти ученые в том смысле, что все они в какой-то степени связаны с наукой. Одни тесно связаны, другие — весьма отдаленно. Естественно, что сюда не вошли сказки, научность которых может быть взята под сомнение. К числу их принадлежит, например, историческая сказка

Декарт и его время.

— Я мыслю — значит, я существую,— сказал Декарт.

— Ты мыслишь — значит, ты не должен существовать,— сказали ему.

И Декарт перестал мыслить.

Эта сказка представляет собой образец ненаучности. Ведь настоящий мыслитель (каким был Декарт) не может перестать мыслить даже под угрозой, что он перестанет существовать.

Числа. С этой истины хорошо бы начинать изучение математики, как, впрочем, и некоторых других наук.

Пирамида. Сведения из области геометрии: пирамида имеет и основание, и вершину, в отличие от некоторых фигур, имеющих вершину без всякого основания.

Вынесение за скобки. Слово «вынесут» имеет несколько значений. Выбор наиболее подходящего предоставляется читателю.

Высшая математика. В этой сказке ничего не выдуманно. По утверждению самых высших математиков, ноль, деленный на ноль, дает любое число. Таким образом, каждый ноль таит в себе неисчерпаемые возможности.

Неправильные дроби. Стоит напомнить, что неправильной дробью называется такая дробь, у которой числитель больше знаменателя. Поскольку числитель находится сверху, такое положение может считаться естественным.

Отношение величин. Величины бывают постоянные и переменные. Наглядный пример:

Лиса съела зайца.

Волк съел лису. И зайца.

Медведь съел волка и лису. И зайца.

Тигр съел медведя, волка и лису. И зайца.

Лев съел тигра, медведя, волка и лису. И зайца.

Тигр, медведь, волк и лиса — это все переменные величины. Один заяц — постоянная величина.

Золото. Впрочем, далеко не все химические элементы ведут себя подобным образом. Многие из них так и норовят присоединить, поглотить, вытеснить друг друга. Но каждый относится к этому спокойно и даже с юморком: «В конце концов меня от этого не убудет!»

И правда — не убудет. Потому что на страже химических элементов стоит самый элементарный закон — закон сохранения материи.

Вот оно как устроено в природе!

Окисление. Этот пример лучше других опровергает известные изречения: «Медленно, но верно», «Тише едешь, дальше будешь», «Поспешись — людей насмешись».

Гелий. Инертность — низшая степень активности, иногда называемая здравым смыслом, а также жизненным опытом.

Химическая реакция. У кого один — отдает один. У кого два — отдает два. А у кого шесть, семь — тому своих мало, тому еще подавай!

Естественное явление во время химической реакции: одни атомы отдают свои электроны, другие — захватывают чужие.

Отдать — это свойство металлов. Быть металлом — значит, не брать, а давать.

Этому учит нас химия.

Лакмус. Это явление проверено опытом. Некоторые даже считают, что оно диктуется опытом.

Спектральный анализ. Главное в этой сказке — научный термин, вынесенный в заглавие. Именно на этих терминах держится ученость нашего сборника, как и многих других ученых трудов.

Физический закон. Здесь наглядно показано, что научные открытия даются отнюдь не легко, что они подчас обходятся очень дорого даже тем, кто с наукой никак не связан. Но наука должна развиваться — это самый главный закон, который никто не в силах нарушить.

Выражение «поджечь хвост» обозначает крайнюю степень испуга, малодушия, перестраховки.

Абазур. Когда Солнце уходит за горизонт, на земле приступают к работе его заместители. Участок у каждого вроде и небольшой, но ведь работать приходится по вечерам, иногда до глубокой ночи... Конечно, Солнцу их работа не видна: стоит ему появиться — и вокруг ясно и светло, а посмотрело бы оно, что делается в его отсутствие!

Они-то, заместители, знают это хорошо. Им на местах виднее.

Изолятор. Здесь речь идет не о больничном изоляторе. И, уж конечно, не о железнодорожных проводниках, поскольку те, как известно, лишены возможности проводить свою линию.

К. П. Д. Действие горы этим не ограничивается. Настоящая гора не только рождает мышь, но и помогает ей взобраться на вершину.

Любезность. Говорят, что вежливость стоит дешево, а ценится дорого. Здесь же говорится о вежливости, которая ценится дешево, но очень дорого обходится.

Закон всемирного тяготения. То, что один ботинок тяготит всю вселенную, характеризует, с одной стороны, нашу вселенную, а с другой стороны — наши ботинки.

Горизонт. Я должен извиниться перед читателем, что так часто упоминаю о Солнце. В конце концов — это естественно.

*Солнце — высшее наше начальство,
но ему не присуще зазнайство:
столько в нем теплоты, простоты.*

*Регулярно, зимою и летом,
поднимается Солнце с рассветом
и работает — до темноты.*

*Солнце — высшее наше начальство,
но ему не присуще нахальство:
ты лишь тент над собой натяни,
и останется Солнце в тени.*

*Отвернись — не обидится тоже:
осторожно, ничем не тревожа,
проскользнет у тебя за плечами,
тихо-тихо ступая лучами...*

— Справедливое Солнце мое!

Ты устало, укройся в тень!

Брось работу! Забудь про нее!

Туча выдаст тебе бюллетень.

У тебя ведь нелегкая жизнь...

Впрочем... Я уже, кажется, льщу...

Солнце, Солнце, прости, не сердись!

Я ошибся! Я просто шучу!

И, тебя бескорыстно любя,

я б нашел в себе силу и смелость —

не вертелся бы возле тебя,

если б наша Земля не вертелась.

Широта. Самый широкий круг, конечно, экватор. У него самый широкий размах, самое широкое поле деятельности. Поэтому ему приходится особенно жарко.

Параллели и меридианы. Каждый из них (взгляните на глобус) неизменно гнет свою линию, но от этого — верней, не от этого людям на земле холодно или жарко.

Мыс. Всякий мыс, выдающийся в море, понимает, что он выдающийся...

Масштаб. Масштаб — это тот аршин, которым малое измеряет великое, чтобы постигнуть его во всем объеме.

Небо. Если мыслить строго научными категориями, небо — это бесконечное пространство, населенное звезда-

ми и планетами. Собственно, и мы тоже живем на небе, хотя далеко не всегда это чувствуем.

Лунные люди. Планеты, имеющие подобные теневые стороны, известны науке. Например, Меркурий...

А что такое тень —

*ты спроси у эха.
Но его задень —
и пойдет потеха!
Спрашивать у эха
можно целый день.
Что такое эхо —
это знает тень.
Скрылась тень от света
за своим предметом.
Эхо — по науке —
держится при звуке.
— Как вам отражается?
— Как вам повторяется?
— Ничего, спасибо,
так, как полагается.
Время — не помеха:
им что век, что день...
Тень — предмета эхо.
Эхо — звука тень.*

ЗАПИСКИ КОЩЕЯ БЕССМЕРТНОГО

Сказка — самый героический жанр, в ней на каждом шагу совершаются подвиги, карается зло и торжествует справедливость. Если герои уйдут и из сказок, то что же тогда получится?

«Записки Кощея Бессмертного» — первый опыт сказки без героя. В ней действует просто себе человек, обыкновенный человек, до того обыкновенный, что порой это даже становится опасным для окружающих. Обратите внимание, как он ходит по своему кругу. Это круг его интересов. Боже мой, куда девалась знаменитая сказочная романтика? Она исчезла. Разве может романтика существовать без героя? Ведь не только романтика рождает героев, но и герои рождают романтику.

Сказка без героя — страшная сказка. И не пугайтесь, если вам станет грустно во время чтения. Это грусть по герою, по мечте, по романтике, без которой не мыслима сказка и не мыслима жизнь.

УЧЕННЫЕ СКАЗКИ

Кайнозойская эра. Этот трактат совершенно научен, в нем нет ни капли вымысла, поэтому здесь нечего пояснять, разве что некоторые слова.

Динозавр — древнее животное.

Бронтозавр — древнее животное.

Тираннозавр — древнее животное.

Бульдозер — современное орудие производства.

Архимед. Говоря языком географии, история — это самое замечательное путешествие из всех, которые совершались на земном шаре. Поэтому здесь естественны и рифма, и стихотворный размер — словом, все, что придает прозе торжественность и чеканность.

Карфаген. «Карфаген должен быть разрушен!» — известное выражение римского сенатора Катона. Выражение стало крылатым, благодаря бескрылости тех, к кому оно было обращено.

Герострат. Храм Артемиды в Эфесе — одно из семи чудес света. Герострат — ограниченный человек, который каким-то (восьмым) чудом сохранился до нашего времени.

Всем как будто дурак хорош,

но его держите подальше.

Правда в устах дурака — это ложь,

его искренность — хуже фальши.

Он тиран, если даже добряк.

Он злодей, пусть он злости не знает.

Если камень

на камень

кладет

дурак,—

он не строит, а разрушает.

Диоген Синопский. Возможное продолжение биографии Диогена. В действительности, как известно, Диоген был нищ и держался за свою нищету, как за самое боль-

шое богатство. Многие философы повторяли его теорию, не решаясь, впрочем, повторить его практику.

Ксантиппа. По некоторым источникам, Сократа сделала Сократом его жена, очень разумная и практичная женщина. Если б не она, он бы таких наговорил глупостей! Мудрость Сократа — это мудрость его жены. Это вам подтвердят жены всех выдающихся деятелей.

Гладиаторы. Самым интересным в этих боях была, разумеется, публика. Мужчины чувствовали себя мужчинами, каждый — мысленно — участвовал в схватке и одерживал свою маленькую победу. А женщины чувствовали себя женщинами — слабыми женщинами среди сильных мужчин — и одерживали победу над победителями.

Жена Цезаря. Здесь мы видим наглядный пример так называемого любовного треугольника.

(С точки зрения геометрии, любовным треугольником называется такой треугольник, в котором по меньшей мере один угол тупой).

Рабство. Все это действительно так и было.

Открытие Америки. В книге опущен огромный промежуток времени — почти полторы тысячи лет. Что же происходило в это время на земном шаре?

В Европе появились первые христианские секты. Некоторые из них вышли из иудейских сект и именовали себя назореями...

Иудейские секты — начало, становление христианства... Не забылось, не отзвучало слово древнего Экклизиаста: — Сердце мудрого — в доме плача, сердце глупого — в доме веселья...

Назореи, вот незадача: где же вам справлять новоселье?

Вас никто осуждать не станет, обижать никто не посмеет: вы и добрые христиане, вы и честные иудеи. Вы и глупыми быть перестали, вы и умными стать не успели...

Вы живете, свой дом печали называя домом веселья.

В Азии, за Великой Китайской стеной, одно поколение сменялось другим поколением...

Ни революций, ни эволюций — пусть мы убогие, пусть отсталые! Как говорил старик Конфуций, лучшее новое — это старое. Пусть нас повсюду стыдят и конфузят, нас

не событуют никакие идеи! Как говорил старик Конфуций, нам за Китайской стеной виднее.

А в Америке... Америка еще только открывалась, о чем как раз и идет речь.

Ньютоново яблоко. Интересно, что даже те, кто не знает ни одного закона Ньютона, отлично знают эту историю с яблоком. Таково тяготение к подробностям жизни великих людей (не учтенное в законе Ньютона).

Извозчики города Глазго. Если бы всем первооткрывателям давали вовремя слово, насколько быстрее развивалась бы наша цивилизация!

Один шаг. Парадокс, которым стоило бы заняться математикам: от великого до смешного — один шаг, но от смешного до великого — значительно дальше.

Негерои. Девиз негероев: там, где нельзя говорить то, что думаешь, нужно думать, что говоришь.

Гомер. Здесь мы вступаем в область литературы.

Гомер — великий поэт, воспевавший знаменитую Троянскую битву... Впрочем, в общем правдиво рисуя картины жизни, Гомер кое-что смягчил, кое-что приукрасил — понятная дань традициям своего времени.

Одиссей не странствовал по свету — он все годы просидел в окопах. Шла война. Гремели залпы где-то. Ожидала мужа Пенелопа.

Одиссей не встретил Навсикаю. Не гостил у влюбчивой Каллипсо. Линию огня пересекая, он ходил с ребятами на приступ.

И не в море, не во время бури погибли отважные ребята. Полифем, единоголово щурясь, покосил их всех из автомата...

И опять — атака за атакой, вместо шумных пиршеств Алкиноя.

Не вернулся Одиссей в Итаку. Он остался там, на поле боя.

И теперь забыты «Илиады». «Одиссеи» все сданы в музеи.

Ни к чему поэмы и баллады, — на войне убило Одиссея.

Осуждение Прометея. Очень трудная смерть, но если выбирать легкую...

Остров лилипутов. За те двести лет, которые прошли после описываемых событий, лилипуты заметно подросли, и теперь их с виду не отличишь от гулливеров. Времена меняются, и мы меняемся с ними, как успел заметить по этому поводу один из тогдашних философов.

Дон-Кихот. Видимо, все-таки Санчо Панса был не вполне трезвый человек. По-настоящему трезвый человек спел бы на его месте совершенно другое:

*Он был первый, а я — второй.
Он — герой, а я — не герой.
Он за правду всю жизнь воевал,
Ну, а я на нее — наплевал.
Он был рыцарь, а я — простак.
Он был мудрый, а я — дурак.
И он век свой прожил с мечтой,
Ну, а я — со своей женой.
Он тревожась, а я — терпя.
Он за всех, а я — за себя.
Я был робок, а он — ретив.
Он вот умер, а я вот — жив!*

Фауст. Счастье — ненадежный друг: оно приходит, когда нам хорошо, и уходит, когда нам плохо. Это никак не относится к Фаусту, и все-таки это верно.

Йорик. Времена Шекспира — XVI—XVII века. Именно к этим временам относятся знаменитые Карл I (английский), Карл V (германский), Карл IX (французский), Карл IX (шведский), знаменитые Генрихи II, III и IV (французские), VII и VIII (английские), а также не менее знаменитые Филиппы II, III и IV (все испанские). Из менее знаменитых в те времена назовем Джордано Бруно, Галилея, Микельанджело, Рубенса, Рембранта, Лопе де Вега, Кампанеллу, Сервантеса и — того же Шекспира.

ФАНТАСТИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

Это путевые очерки, в которых описано то, что было, плюс то, чего не было. Ведь увиденное впервые всегда кажется сказочным.

Я впервые побывал в Польше и впервые о ней написал. Может быть, я не увидел в ней самого главного, —

того, что видят те, кто живут в ней многие годы. Я писал больше не о том, что видел, а о том, что чувствовал, находясь в этой стране.

Королевский замок. В этом замке вся история Польши. Она не только выставлена в экспонатах музея, она бродит по залам и коридорам, присаживается на подоконник и рассказывает о себе, как старый человек, которому есть что рассказать...

Пан Пратхавец. Пратхавец — это маленькое животное, не очень приглядное, не очень красивое, если его научно описывать. Я не знаю, как называется оно по-русски, но по-польски оно называется именно так. Я жил в Польше в семье физиолога животных, поэтому естественно, что я слышал там о пратхавце, о котором прежде никогда не слышал. И вот, вспоминая о Польше, я то и дело возвращался мыслью к этому пратхавцу, к пану Пратхавцу, к славному пану Пратхавцу, рыцарю на белом коне.

Имя его возлюбленной — Гирудина — латинского происхождения и означает по-латыни пиявку. Не очень подходяще для возлюбленной, но тут уже ничего не поделаешь. Да и если посмотреть правде в глаза — разве в жизни не бывает таких возлюбленных?

Я рассказал здесь историю маленького человека, которого называют паном только потому, что это так принято. А на самом деле его не принимают всерьез, его считают мелочью, вроде того животного, которое обозначается в науке словом «пратхавец».

Но это только потому, что никто не хочет к нему присмотреться. Если к нему как следует присмотреться, то можно увидеть, что пан Пратхавец — настоящий герой, что о нем можно сочинять песни, стихи и вот такие фантастические очерки.

Я БЫЛ ТАРПАНОМ

Тарпанами называли диких степных лошадей. Называли раньше, потому что сейчас уже некого называть: все тарпаны давно уничтожены.

Заглавие раздела чисто условно. Автор никогда не был тарпаном и не претендует на то, чтобы его считали дикой лошастью. Но ему не хочется писать о своих героях с позиций стороннего наблюдателя, ему хочется жить

вместе с ними и переживать вместе с ними — пусть даже они, эти герои — всего лишь зайцы, бараны, лошади или ослы.

Веселый день старика Дикобраза. Назидательная история, смысл которой сводится к следующему: не стремись выйти из клетки, если только в ней чувствуешь себя в безопасности. Автор, впрочем, не разделяет этой точки зрения своего героя и всячески высмеивает ее.

Дикобраз — грызун, чуть больше барсука, тело его покрыто длинными иглами. В древности о нем ходили легенды. Так, Плиний утверждал, что дикобраз стреляет своими иглами, и это служит ему не только для защиты, но и для нападения.

В действительности дикобраз представляет собой беспомощное, трусливое создание, которое умеет только бряцать своими иглами (довольно громко), но на дело их употребить у него не хватает соображения.

Киви-Киви. Эта птица — ее еще называют бескрыл — самое безобидное и самое несчастное существо на свете. Ведь что может быть хуже — родиться птицей и не иметь крыльев, жить на земле, которую не можешь назвать своей, потому что тебя здесь на каждом шагу уничтожают, а ты можешь только спастись в небе, но как подняться, когда ты бескрыл?

Но Киви-Киви — настоящая птица и потому не падает духом. А если и падает, то этого никто не видит...

У Муравьеда все в порядке. Разница между медведем и медведкой, между муравьем и муравьедом настолько очевидна, что здесь вряд ли нужно что-нибудь добавлять.

Мы с Зайцем идем на охоту. Эту историю рассказывает Кролик. Возможно, он кое-что преувеличил, кое-что присочинил — охотники склонны к таким вещам, особенно кролики, которым редко удается убить крупного зверя.

Но даже если сделать скидку на преувеличение, присочинение, привиравание, то, что произошло с Зайцем, вполне закономерно. *Similia similibus curantur* (подобное излечивается подобным) — говорили древние римляне. Или, говоря по-русски, не копай яму другому — сам в нее попадешь.

Меня называют ослом. Здесь опять-таки следует напомнить, что ослом называют не автора, а его героя.

Мул — сын Лошади и Осла (следовательно, Лошадь — мать Мула и жена Осла, а Осел — отец Мула и муж Лошади).

Как Динозавр закопал себя вдали от цивилизации. Все, что рассказано здесь, — сплошной вымысел. Автор никогда не видел в глаза динозавра, и динозавр никогда не видел в глаза автора.

Мезозойская эра — страшное время, о котором лучше не вспоминать.

Как жук Кокуйо открыл для себя Америку. Кокуйо — большой щелкун, живет в Мексике и центральной Америке. Ночью он так ярко светит, что при нем можно даже читать. Иногда его используют для освещения, и тогда он светит особенно добросовестно.

Буффало — американский бизон, ныне почти уничтоженный. «История не знает, да и впредь не занесет на свои страницы другого примера такого систематического уничтожения, такого безжалостного массового истребления, ради ничтожной выгоды, безобидных и полезных животных». (А. Брэм).

Если бы я был Горностаем. Это не рассказ, это не сказка — это крик души. Если бы... Как часто наши стремления облекаются именно в такую форму. Если бы я был артистом! Если бы я был футболистом! Если бы я был волшебником Изумрудного города!

А кто-то хочет быть горностаем. Каждому свое...

Счастье свиньи Бабирусы. Бабируса — свинья, живущая на Зондских островах, с очень большими клыками на верхней челюсти.

Бейза — антилопа, отличающаяся длинными, прямыми рогами и высоким ростом.

Безоаров козел — просто дикий козел.

Муфлон — просто дикий баран.

Счастье свиньи Бабирусы — это то счастье, которого была лишена антилопа Бейза. Вот уж поистине: не родись красивой, а родись счастливой.

Когда Ехидна не была Ехидной. Ученые относят ехидну к птицезверям, поскольку она совмещает в себе качества тех и других. Но, несмотря на это, очень мало кто верит, что когда-то ехидна была птицей. Обычно в ней считают первичными звериные качества — старая мерка, с которой мы часто подходим и к человеку.

Опоссум, кенгуру и мешкопес — сумчатые животные, земляки ехидны (все они водятся в Австралии).

Я был тарпаном. См. общее примечание ко всему разделу.

Замок Агути. Агути — это такой заяц. Его еще называют золотым зайцем, потому что он очень красив. мех его красновато-лимонного цвета, с примесью черного, и эти цвета чередуются поперечными полосами. Агути — безобидный боязливый зверек и потому подвергается многим опасностям. Ему очень трудно живется, и все радости его — только в мечтах.

Вот такой он, заяц Агути.

А шиншила — это просто мелкий грызун.

НЕНАЧАТЫЕ РАССКАЗЫ

Иной искушенный читатель, читая рассказы, повести или даже романы, уже в самом начале знает, что произойдет в конце. С каждым годом все труднее становится придумывать неожиданные развязки. Чтобы избавить себя от этого труда и вместе с тем не давать повода для упреков, я решил писать неначатые рассказы, то есть, такие рассказы, в которых вовсе нет начала, а есть только конец. Тут уже читатель не сможет сказать, что он обо всем догадывался в начале.

СОДЕРЖАНИЕ

НАИВНЫЕ СКАЗКИ

Задушевный разговор	5
Ночь	6
Славный ты парень, Мишка!	6
Волк на елке	7
Счастье	8
Зайкины рога	11
Гуси-лебеди	11
Мустанги	12
Лев из класса пресмыкающихся	13
Как человек решил произойти от обезьяны	14
Дорогой Желтопузик	15
Судьба Индейки	17

УЧЕННЫЕ СКАЗКИ

Числа	21
Пирамида	21
Вынесение за скобки	22
Высшая математика	22
Неправильные дроби	22
Отношение величин	23
Золото	23
Окисление	23

Гелий	24
Химическая реакция	24
Лакмус	25
Спектральный анализ	25
Физический закон	25
Абажур	26
Изолятор	27
К. П. Д.	27
Любезность	27
Закон всемирного тяготения	28
Горизонт	28
Широта	29
Параллели и меридианы	29
Мыс	29
Масштаб	29
Небо	30
Лунные люди	30

ЗАПИСКИ КОЩЕЯ БЕССМЕРТНОГО	33
------------------------------------	----

УЧЕНЫЕ СКАЗКИ

1.	
Кайнозойская эра	81
Архимед	86
Карфаген	86
Герострат	87
Диоген Синопский	87
Ксантиппа	88
Гладиаторы	88
Жена Цезаря	88
Рабство	89
Открытие Америки	89
Ньютоново яблоко	89
Извозчики города Глазго	90
Один шаг	92
Негерон	92

2.	
Гомер	93
Осуждение Прометея	94
Янус	94
Шехерезада	94
Мюнхгаузен	95
Мушкетеры	96
Остров лилипутов	96
Дон-Кихот	96
Фауст	97
Йорик	98

ФАНТАСТИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

1. Королевский замок	101
2. Пан Пратхавец	107

Я БЫЛ ТАРПАНОМ

Веселый день старика Дикобраза	119
Киви-Киви	123
У Муравьеда все в порядке	125
Мы с Зайцем идем на охоту	127
Меня называют ослом	131
Как Динозавр закопал себя вдали от цивилизации	133
Как жук Кокуйо открыл для себя Америку	134
Если бы я был Горностаем	137
Счастье свиньи Бабирусы	139
Когда Ехидна не была Ехидной	142
Я был тарпаном	144
Замок Агути	147

НЕНАЧАТЫЕ РАССКАЗЫ 151

Признательность. Зрелость. Положительный пример. Индивидуальность. Здоровый оптимизм. Проигрыватель. Точка зрения. Спор. Причины и следствия. Дискуссия. Свое мнение. Мысль изреченная. Проблемы. Заключение. Циклопы. Волки и овцы. Рыцари круглого стола. Начало начал. Эволюция человека. Живая статуя. Ссора. Эврипиды. Цезари. Цицероны. Урок красноречия. Преемники. Если гора не идет к Магомету... Трамвайная философия. Мода. Взгляд в прошлое. Сила искусства. Выгодный продукт. Каламбур. 1616. Археология. Прогресс. Житейская философия. Смирение. Жизнь человеческая. Мечты всевышние. Формула любви. Формула ревности. Некролог. Мысли. Кухня. Признание. Одноклеточные. Многоклеточные. Долголетние. Родословная пресмыкающихся. Родословная двоякодышащих. Палеонтология. Итоги. Сказка. Публика. Карл Великий. Чувство локтя. Бойтесь давайцев! Вера. Темпы роста. История. География.

ГЛАВА ПРИМЕЧАНИЙ 163

Кривин Феликс Давидович
УЧЕННЫЕ СКАЗКИ

Издательство «Карпаты»,
г. Ужгород, пл. Советская, 3

Редактор *П. Н. Скуни*
Художники *Ю. Е. Желудев, В. В. Легирда*
Художеств. редактор *В. Ю. Скакандий*
Техредактор *М. Р. Лучкив*
Корректор *Е. С. Ладыхеца*

ББ 01302 Зак. № 147. Сдано в набор 25. I. 1967. Подписано к печати 30. VI 1967 г. Форм. бум. 84×108¹/₃₂ Печ. лист. 5,75. Условн.-печ. лист. 9,66. Издат. лист. 8,35. Тираж 165.000. Цена 40 коп. Бумага № 2.

Киевская книжная фабрика Комитета по печати при Совете Министров УССР, ул. Воровского, 24.

